Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Иванова Ольга Геннадьевна

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО ИЗБРАНИЮ СУДОМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА И ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ

12.00.09 – Уголовный процесс

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
доктор юридических наук, профессор
Стойко Николай Геннадьевич

Красноярск – 2019

Оглавление

Введение 4
1 Производство по избранию меры пресечения судом: понятие и особенности уголовно-процессуальной формы.....20
1.1 Дифференциация уголовно-процессуальной формы. Понятие и признаки самостоятельного уголовно-процессуального производства..... 20
1.2 Производство по избранию меры пресечения судом как самостоятельное уголовно-процессуальное производство 29
1.3 Функции субъектов производства по избранию меры пресечения судом.....51
2 Особенности доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом 74
2.1 Предмет и пределы доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом..... 74
2.2 Прогнозирование поведения обвиняемого (подозреваемого): средства установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при избрании меры пресечения судом……115
Заключение 138
Список использованных источников и литературы 145
Приложение А Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»..... 183
Приложение Б Анкета для опроса лиц, работающих в системе правоохранительных органов 186
Приложение В Обобщение результатов анкетирования..... 189
Приложение Г Справка по изученным материалам практики…….. 196
Приложение Д Анализ постановлений судов об избрании меры пресечения… 197
Приложение Е Анализ ходатайств следователей об избрании меры пресечения……198

Приложение Ж Статистика рассмотрения ходатайств об избрании мер пресечения судом по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2015–2018 годы…….....199

Приложение И Статистика рассмотрения ходатайств о продлении заключения под стражей по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2015–2018 годы……. 202

Введение

Актуальность темы исследования

Ежедневно в силу своей профессиональной деятельности российские правоприменители – дознаватели, следователи, прокуроры и судьи – решают вопросы по избранию меры пресечения в отношении обвиняемых и подозреваемых[1]. Чтобы мера пресечения была действительно эффективна и при этом ограничивала бы права обвиняемого (подозреваемого) лишь в конституционно-оправданной мере, нужно избирать её только в необходимых случаях, с учетом конкретной ситуации и особенностей личности обвиняемого (подозреваемого).

Домашний арест, залог, запрет определенных действий и, в особенности, заключение под стражу максимально ограничивают свободу и личную неприкосновенность граждан, наиболее сильно из всех мер пресечения воздействуют на обвиняемого (подозреваемого) психологически. В связи с этим процессуальное законодательство устанавливает особые гарантии законности и обоснованности избрания и применения этих мер пресечения, к числу которых относится судебное санкционирование и усложненная процедура. Тем не менее, сегодня содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, является не редкостью, не исключением, а типичной практикой и даже общим правилом; когда «удобство» проведения расследования ставится выше права лица на свободу и личную неприкосновенность. Об этом свидетельствует судебная статистика. Так, по состоянию на 1 января 2019 года в российских СИЗО

---

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год [Электронный ресурс]: «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Электрон. дан. [Б. м.], 2009-2019. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476 (дата обращения: 10.07.2018). (Так, по данным судебной статистики в 2017 году судами было рассмотрено 125 129 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и 213 582 ходатайств о продлении срока содержания под стражей. Статистика по результатам первого полугодия 2018 года демонстрирует близость к показателям первого полугодия 2017 года).

находились 99 722 человека[2]. Согласно данным Мосгорсуда, в 2018 году судами города Москвы удовлетворен 91% ходатайств следственных органов об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения[3]. В регионах уровень удовлетворения соответствующих ходатайств следствия несколько ниже — 89%[4].

Продление срока содержания под стражей имеет еще более «автоматический» характер. Так, отечественные суды за 1 полугодие 2018 года оставили без удовлетворения только 2% ходатайств о продлении заключения под стражей - из 107 455 постановлений таких только 2 621[5]. При этом московские суды из 32 357 ходатайств о продлении срока содержания под стражей удовлетворили 31 997[6], то есть 99%, а суды российских регионов удовлетворили 98% таких ходатайств[7].

Из изученных автором 204 постановлений суда о продлении срока содержания под стражей[8] постановлений об отказе в продлении срока содержания под стражей только 8, что составляет 3,9%[9]. Практически все постановления о

---

[2] Борзенкова Е. Все в СИЗО: статистика продления арестов [Электронный ресурс] // ПравоРу. Электрон. дан. [Б. м.], 2019. URL: https://pravo.ru/story/208811/ (дата обращения: 25.07.2019).

[3] Статистические сведения из сообщения пресс-службы Московского городского суда от 05 февраля 2019 года [Электронный ресурс]: «Сообщение пресс-службы Московского городского суда» // Суды общей юрисдикции города Москвы. Электрон. дан. [Б. м.], 2019. URL: https://www.mos-gorsud.ru/mgs/news/podvedeny-itogi-raboty-moskovskih-sudov-v-sfere-ugolovnogo-sudoproizvodstva (дата обращения: 25.07.2019).

См. подробнее Приложение Ж к настоящей работе «Статистика рассмотрения ходатайств об избрании мер пресечения судом по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2015–2018 годы»

[4] Борзенкова Е. Все в СИЗО: статистика продления арестов [Электронный ресурс] // ПравоРу. Электрон. дан. [Б. м.], 2019. URL: https://pravo.ru/story/208811/ (дата обращения: 25.07.2019).

[5] Там же.

[6] Статистические сведения из сообщения пресс-службы Московского городского суда от 05 февраля 2019 года [Электронный ресурс]: «Сообщение пресс-службы Московского городского суда» // Суды общей юрисдикции города Москвы. Электрон. дан. [Б. м.], 2019. URL: https://www.mos-gorsud.ru/mgs/news/podvedeny-itogi-raboty-moskovskih-sudov-v-sfere-ugolovnogo-sudoproizvodstva (дата обращения: 25.07.2019).

[7] См. Приложение И «Статистика рассмотрения ходатайств о продлении заключения под стражей по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2015–2018 годы»

[8] Имеются ввиду материалы, рассмотренные судами города Томска и города Красноярска в 2016–2017 г.

[9] См. Приложение Д «Анализ постановлений судов об избрании меры пресечения», рисунок Г.1,б.

продлении срока содержания под стражей фактически не обосновывались судом.

Такие тенденции правоприменительной практики по рассматриваемому вопросу позволяют говорить о наличии проблем системного характера, существование которых затрудняет достижение целей уголовного процесса в целом, без необходимости существенно ограничивая права и законные интересы лиц, в отношении которых избираются меры пресечения.

Внесение всё новых изменений в нормативно-правовую регламентацию вопросов избрания и продления мер пресечения, неоднократное обращение к этим вопросам Пленума Верховного Суда РФ, наличие многочисленных Постановлений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), которыми признано нарушение Россией права, предусмотренного ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция) в связи с необоснованным и чрезмерно продолжительным содержанием обвиняемых под стражей, говорит о том, что работа по совершенствованию института избрания судом меры пресечения не закончена. Необходимо совершенствование законодательства и правоприменительной практики, которые позволили бы в совокупности обеспечивать соблюдение справедливого баланса между интересами обеспечения хода предварительного расследования и правом обвиняемого (подозреваемого) на свободу и личную неприкосновенность.

Меры пресечения – это меры процессуального принуждения, которые имеют, по общему правилу, превентивный (упреждающий) характер. Наибольшая сложность при решении вопроса об избрании мер пресечения и при выборе конкретной меры пресечения заключается в необходимости прогнозировать будущее поведение обвиняемого (подозреваемого). Очевидно, что каждый правоприменитель не может и не должен разрабатывать свои собственные правила или методы решения вопросов избрания мер пресечения, основываясь на личном опыте, интуиции. Он должен иметь возможность руководствоваться уже выработанным алгоритмом (порядком) действий, сформированными критериями достаточности/ недостаточности сведений для принятия такого решения, которое

бы обеспечивало обоснованное и законное принятие решения по вопросу об избрании мер пресечения. Однако до сих пор такой порядок и такие критерии не разработаны ни законодателем, ни в научных исследованиях. А значит, работа в сфере прогнозирования поведения обвиняемого (подозреваемого), определения достаточности данных для вывода о наличии/отсутствии оснований для избрания меры пресечения и выбора конкретной меры пресечения всё ещё не закончена.

Все сказанное выше свидетельствует о несомненной актуальности избранной темы.

Степень научной разработанности темы.

В советское время различные теоретические подходы к пониманию уголовно-процессуальной формы, её дифференциации и уголовно-процессуальных производств нашли отражение в работах В. М. Горшенева, Е. А. Доля, М. К. Свиридова, М. С. Строговича, В. Н. Шпилева, М. Л. Якуба и др.

В современный период разработкой этих вопросов занимались Д. П. Великий, А. А. Давлетов, Д. К. Канафин, О. В. Качалова, М. С. Кесаева, Н. С. Манова, Е. В. Мищенко, И. Б. Михайловская, А. Д. Прошляков, Г. Н. Прутченкова, А. В. Руновский, С. Б. Россинский, Н. Г. Стойко, Т. В. Трубникова, С. Ю. Францифорова, О. В. Химичева, С. С. Цыганенко, Ю. К. Якимович и др.

Отдельные проблемы избрания мер пресечения судом рассматривались следующими авторами: Н. В. Азаренок, В. С. Балакшин, С. И. Вершинина, А. В. Гриненко, А. А. Давлетов, О. В. Качалова, В. А. Михайлов, С. Б. Россинский, В. В. Рудич, С. И. Скабелин, О. И. Цоколова, А. А. Чувилев и многими другими.

По специальности 12.00.09 были защищены кандидатские и докторские диссертации, касающиеся общих вопросов избрания и применения мер пресечения, например, «Меры пресечения в уголовном судопроизводстве» (В. А. Михайлов, Москва, 1996 г.), «Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе» (Н. И. Капинус, Москва, 2001 г.), «Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе» (Л. К. Трунова, Москва, 2002 г.), «Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу» (Н. В. Ткачева, Челябинск, 2003 г.),

«Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации» (В. Ю. Мельников, Москва, 2014 г.), «Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности» (Л. М. Фетищева, Н. Новгород, 2016 г.).

Кроме того, по специальности 12.00.09 были защищены кандидатские и докторские диссертации, в которых исследовались отдельные аспекты избрания определенных мер пресечения судом, в частности: «Залог в системе мер пресечения» (С. И. Вершинина, Самара, 1998 г.), «Заключение под стражу в системе мер пресечения» (Е. В. Гусельникова, Томск, 2001 г.), «Заключение под стражу в Российской Федерации» (А. Т. Гольцов, Москва, 2006 г.), «Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе» (О. И. Цоколова, Москва, 2007 г.), «Вопросы теории и практики избрания следователями органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста» (А. Е. Григорьева, Красноярск, 2008 г.), «Заключение под стражу в досудебном производстве по уголовному делу» (И. В. Соболев, Москва, 2009 г.), «Задержание и заключение под стражу подозреваемого» (Ю. Ю. Ксендзов, Санкт-Петербург, 2010 г.), «Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве» (А. О. Зайцев, Москва, 2017 г.), «Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования» (Ю. Ю. Ахминова, Санкт-Петербург, 2017 г.) и другие.

Все указанные авторы, безусловно, внесли большой вклад в развитие уголовно-процессуальной науки. Однако несовершенство законодательного регулирования и правоприменительной деятельности в данной области говорит о том, что сегодня необходима комплексная научная разработка проблем, связанных с доказыванием при решении вопроса об избрании судом мер пресечения, определением пределов полномочий органов, ведущих процесс. Следует отметить, что в научных работах, посвященных проблемам избрания

конкретных мер пресечения, не содержится анализа возможности прогнозирования индивидуального противоправного поведения, а также не отражены особенности такого прогнозирования и связанная с ним специфика доказывания, что определяет потребность в настоящем исследовании.

Признавая значимость всех указанных работ, стоит отметить, что многие из них были выполнены еще до внесения ряда существенных изменений в Главу 13 УПК Российской Федерации в период с 2007 по 2019 годы.

Объект исследования – уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся в процессе реализации норм уголовно-процессуального права, регулирующих решение судом вопроса об избрании мер пресечения.

Предмет исследования – положения Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, нормы уголовно-процессуального права, касающиеся избрания судом мер пресечения; правоприменительная практика в сфере решения вопроса об избрании судом меры пресечения и теоретические научные положения, посвященные данной проблеме и ее отдельным аспектам.

Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы, рассмотрев производство по избранию судом меры пресечения как самостоятельное уголовно-процессуальное производство, определить функциональную направленность деятельности его участников, пределы их полномочий, предмет и пределы доказывания, критерии достаточности сведений для обоснования решения об избрании меры пресечения, с тем чтобы обеспечить соблюдение баланса между необходимостью обеспечения конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность и необходимостью беспрепятственного осуществления досудебного расследования и судебного разбирательства; сформулировать на этой основе предложения по внесению изменений в законодательство и рекомендации для правоприменителей, реализация которых позволила бы обеспечить соблюдение такого баланса.

Достижение указанной цели предопределило постановку и решение следующих **задач:**

1. Раскрыть содержание понятий «уголовно-процессуальная форма», «уголовно-процессуальное производство», «меры пресечения»;
2. Выделить единые критерии (признаки) самостоятельного уголовно-процессуального производства;
3. Раскрыть особенности производства по избранию меры пресечения судом как самостоятельного уголовно-процессуального производства;
4. Определить функциональную направленность деятельности следователя, дознавателя, прокурора и суда, осуществляемой в рамках производства по избранию меры пресечения, а также пределы их полномочий;
5. Сформулировать круг обстоятельств, подлежащих доказыванию при избрании судом меры пресечения;
6. Определить пределы доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом;
7. Рассмотреть проблему возможности/невозможности прогнозирования будущего поведения обвиняемого (подозреваемого);
8. Предложить необходимые и допустимые средства доказывания, которые могут быть использованы для обоснования вывода суда о наличии/отсутствии необходимости избрания меры пресечения и выбора конкретной меры пресечения;
9. Выявить практические ошибки, появляющиеся при избрании и продлении заключения под стражу в качестве меры пресечения; разработать предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики по вопросам избрания меры пресечения судом.

Методология и методы исследования. Методами исследования послужили всеобщий метод материалистической диалектики и основанные на нём общенаучные (анализ, синтез, сопоставление, наблюдение, системный метод, структурно-функциональный метод) и частнонаучные методы (формально-юридический метод), а также эмпирические методы научного познания (анкетирование, статистический метод, контент-анализ).

Методы анализа, синтеза и сопоставления использовались для определения сущности понятий «уголовно-процессуальная форма», «уголовно-процессуальное производство», «меры пресечения», а также для выявления признаков самостоятельного уголовно-процессуального производства. Метод наблюдения применялся для изучения особенностей судебного разбирательства при избрании или продлении меры пресечения судом. Системный и структурно-функциональный методы позволили сформулировать цели производства по избранию судом меры пресечения. Формально-юридический метод использовался для анализа содержания текстов нормативно-правовых актов, регулирующих избрание мер пресечения судом.

Метод анкетирования использовался в качестве средства для сбора сведений от респондентов; контент-анализ (или анализ содержания) использовался для исследования текстовых массивов документов (материалов практики) с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей; статистический метод использовался для анализа статистических данных.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается избранной методологией исследования, значительной теоретической и нормативно-правовой базой, большим объемом эмпирического материала.

Теоретическую базу диссертации составили результаты научных исследований в области социальной теории, юридической психологии, общей теории права и государства, криминологии и уголовно-процессуального права. В работе использованы научные воззрения отечественных исследователей, представленные как в диссертациях и монографиях, так и в статьях по отдельным вопросам, относящимся к объекту диссертационного исследования.

Правовая и информационная основа исследования включает в себя Конституцию РФ, международно-правовые акты, действовавшее и действующее уголовно-процессуальное законодательство, постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Европейского Суда по правам

человека, Постановления Пленума Верховного Суда РФ, опубликованную практику Верховного Суда РФ, ведомственные нормативные акты.

Эмпирическую основу диссертации составили:

- результаты изучения 430 архивных материалов районных судов г. Красноярска за 2016 и 2017 годы, в том числе 300 материалов по избранию меры пресечения, 130 материалов по продлению меры пресечения;
- результаты изучения 167 архивных материалов районного суда г. Томска за 2016 и 2017 годы, в том числе 93 материала об избрании меры пресечения, 74 материала о продлении меры пресечения;
- результаты изучения 340 архивных материалов Верховного Суда Республики Хакасия за 2008 и 2009 годы, в том числе 71 материал об избрании меры пресечения и 269 материалов о продлении меры пресечения;
- результаты анкетирования следователей, дознавателей, прокуроров, судей и адвокатов (опрошено 127 человек в 2017–2018 г.);
- данные судебной статистики по вопросам, относящимся к предмету исследования, за период с 2013 по 2018 годы, опубликованные на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в работе на основе рассмотрения производства по избранию судом меры пресечения как самостоятельного уголовно-процессуального производства определена функциональная направленность деятельности участников этого производства, пределы их полномочий, предмет и пределы доказывания и круг обстоятельств, подлежащих доказыванию в данном производстве, критерии достаточности сведений для обоснования решения об избрании меры пресечения и для выбора конкретной меры пресечения, с тем чтобы обеспечить соблюдение баланса между необходимостью обеспечения конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность и необходимостью беспрепятственного осуществления досудебного расследования и судебного разбирательства; на этой основе сформулированы предложения по внесению изменений в законодательство и рекомендации для правоприменителей, реализация которых

позволит обеспечить соблюдение такого баланса. Определенной новизной также отличается исследовательский подход, основанный на использовании для достижения цели исследования метода прогнозирования поведения личности.

Основные положения, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие научные положения, которые в их взаимосвязи определяют новизну исследования:

1) Предложено авторское комплексное определение уголовно-процессуальной формы, единство которой определяется нормативно заданными целями, функциями и принципами (структурно), а также нормативно заданным порядком движения уголовного дела, совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений (процедурно). Согласно предложенному определению, процессуальная форма – это нормативно заданный порядок, процедурно выраженный в движении уголовного дела (в переходе от стадии к стадии), последовательности совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, структурными элементами которой выступают нормативно заданные цели, функции и принципы.

2) Обосновано, что любое самостоятельное уголовно-процессуальное производство обладает следующим набором признаков:

- многосубъектность (всегда участвуют несколько субъектов, включая суд как орган, принимающий итоговое решение);

- полистадийность (всегда включает в себя более одной стадии или этапа уголовного процесса);

- направлено на достижение собственных, конкретных целей (задач), которые согласуются с общими целями уголовного процесса, но отличаются от них;

- является доказательственным (представляет собой процесс доказывания);

- имеет собственный предмет рассмотрения, который определяется обстоятельствами, подлежащими доказыванию в данном производстве;

- нормативно упорядочено (регламентировано УПК РФ);

- завершается вынесением итогового судебного акта.

На этой основе предложено авторское определение уголовно-процессуального производства, согласно которому уголовно-процессуальное производство – это порядок движения уголовного дела (по стадиям уголовного процесса и в их рамках), характеризующийся своеобразием собственных целей и функций участников, предполагающий статусно-ролевую соорганизацию деятельности, обладающий собственным предметным и доказательственным содержанием и предполагающий судебный способ завершения.

3) Избрание меры пресечения судом по своему содержанию является самостоятельным уголовно-процессуальным производством, вспомогательным по отношению к основному производству по делу. Его цель – обеспечение нормального хода основного производства и обеспечение соблюдения прав и свобод лица, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения. Оно имеет судебно-контрольный характер, который выражается в том, что решение об избрании меры пресечения принимается судом после проведения судебного заседания.

Избрание меры пресечения следователем (дознавателем) не является самостоятельным уголовно-процессуальным производством, а есть лишь элемент основного производства по делу.

4) Обосновано, что применение законной и обоснованной меры пресечения имеет превентивную функцию - пресечение и предупреждение новых преступлений или правонарушений со стороны обвиняемого (подозреваемого). Основная цель избрания мер пресечения – предупреждение/пресечение возможного противоправного поведения обвиняемого (подозреваемого) путём применения конкретной меры пресечения. С учетом этого предлагается переименовать ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ «Основания для избрания меры пресечения» на «Цели избрания мер пресечения».

Предложено добавить в УПК РФ в качестве специальной (дополнительной) цели избрания заключения под стражу следующую цель: если оставление лица на свободе может привести к общественным волнениям и/или нарушению общественного порядка.

5) Основными субъектами производства по избранию меры пресечения судом являются следователь, дознаватель, прокурор, судья. В работе продемонстрировано, что функциональная направленность деятельности этих субъектов в производстве по избранию судом меры пресечения отличается от функций, реализуемых ими в основном производстве. В частности:

- следователь или дознаватель в рассматриваемом производстве реализует функцию обоснования вывода о необходимости избрания определенной меры пресечения (путем заявления соответствующего ходатайства и участия в его рассмотрении судом);

- суд реализует функцию судебного контроля путем рассмотрения ходатайства и его разрешения в порядке судебного разбирательства;

- прокурор надзирает за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия и может поддержать заявленное следователем или дознавателем ходатайство либо отказаться от его поддержания, обеспечивая соблюдение законности избрания меры пресечения.

6) Содержание функций субъектов данного производства должно предопределять пределы их полномочий. При этом:

- отказ прокурора от поддержания заявленного следователем ходатайства в судебном заседании не должен приводить к прекращению производства по рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения. В этом случае судебное разбирательство должно быть отложено и в суд должен быть вызван следователь для поддержания в судебном разбирательстве заявленного им ходатайства;

- отказ следователя от поддержания заявленного им ходатайства должен быть обязателен для суда, если прокурор также откажется поддерживать его. В противном случае прокурор принимает на себя функцию обоснования вывода о необходимости избрания определенной меры пресечения;

- дознаватель не должен иметь права отказаться от поддержания заявленного им ходатайства без согласия прокурора;

- отказ прокурора от поддержания заявленного дознавателем ходатайства должен быть обязателен для суда;

7) Обоснованы следующие пределы полномочий суда в рассматриваемом производстве.

Суд должен обладать относительной свободой выбора меры пресечения по своему усмотрению. В случае наличия доказательств, свидетельствующих о необходимости избрания обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения, если стороной обвинения не доказана необходимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, суд в ходатайстве следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должен отказать, но вправе этим же решением по собственной инициативе избрать в качестве меры пресечения домашний арест или запрет определенных действий. Суду не должно предоставляться право на избрание залога по собственной инициативе, если ни одна из сторон не ходатайствовала об избрании этой меры пресечения и соответствующие вопросы не были предметом судебного разбирательства.

Вместе с тем при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения в виде заключения под стражу по мотиву недостаточной обоснованности причастности лица к совершению инкриминируемого ему преступления, следователь или дознаватель не вправе избрать обвиняемому (подозреваемому) иную меру пресечения.

8) Обосновано, что, поскольку судебный контроль является самостоятельной функцией суда (наряду с правосудием), решение вопроса об избрании или продлении меры пресечения должно быть возложено на следственного судью.

9) Обосновано, что сделать наиболее вероятностный вывод об определенных намерениях обвиняемого (подозреваемого) можно только в результате оценки (интерпретации) трех групп обстоятельств:

- обстоятельства, указывающие на причастность лица к совершению преступления;
- обстоятельства, свидетельствующие о необходимости и целесообразности избрания меры пресечения;

- обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (подозреваемого).

Необходимость обеспечения конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность требует того, чтобы все обстоятельства, подлежащие доказыванию при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, подтверждались доказательствами, полученными в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ.

10) Обосновано, что срок содержания под стражей при первоначальном избрании этой меры пресечения судом не должен превышать 1 месяца, в связи с чем предложено внести изменения в ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Вместе с тем, дополнительно обосновано[10], что в каждом случае при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей органы предварительного расследования обязаны предоставить суду новые аргументы, дополнительные доказательства, обосновывающие необходимость принятия такого решения, а также сведения о процессуальных и иных действиях, произведенных в период нахождения лица под стражей, обоснование необходимости проведения ранее не произведенных следственных и иных процессуальных действий, а также причин невозможности их проведения до момента обращения в суд с соответствующим ходатайством.

11) Прогноз поведения обвиняемого (подозреваемого) рассматривается в работе как наиболее вероятный вариант развития событий, который можно предположить, исходя из имеющихся у субъектов, принимающих решения, сведений. Такой прогноз обосновывается в ходатайстве или решении и проводится с целью скорректировать и предупредить нежелательное поведение лица.

Теоретическая и практическая значимость работы.

О теоретической значимости работы свидетельствует избранный автором подход, при котором особенности деятельности по доказыванию при решении

---

[10] В поддержку изменений, внесенных в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 02.08.2019 N 315-ФЗ

вопроса об избрании судом меры пресечения рассматриваются в контексте выделения производства по избранию меры пресечения судом как самостоятельного уголовно-процессуального производства. Практическую значимость работы подтверждает ее нацеленность на формулирование совокупности положений, регламентирующих правовое положение субъектов, и осуществление процедуры доказывания при решении вопросов об избрании мер пресечения судом, которые могут быть использованы законодателем и правоприменителями.

Настоящая работа в целом способствует развитию теории процессуальных производств в науке уголовного процесса, вносит вклад в разработку проблемы обоснованности и мотивированности избрания мер пресечения судом. Полученные в ходе исследования выводы могут служить основой для дальнейшей научной дискуссии по вопросам выделения отдельных самостоятельных производств в уголовном процессе, компетенции следственных судей, использования при избрании и продлении меры пресечения судом заключения специалиста. Результаты исследования также могут быть использованы при подготовке монографической и учебной литературы, диссертационных исследований по данной тематике, а также использоваться в учебных целях.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета.

Результаты диссертационного исследования проверялись и апробировались по нескольким направлениям.

Результаты научного исследования были представлены в форме докладов на международных и всероссийских научно-практических конференциях: на V Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Проблемы современной юридической науки и практики» (Красноярск, 2011); VII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Правовые аспекты развития гражданского общества России на современном этапе» (Красноярск, 2013); Международной научной конференции

студентов, аспирантов и молодых ученых «Енисейские правовые чтения» (Красноярск, 2014, 2015); Межрегиональной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Российское правоведение: трибуна молодого ученого» (Томск, 2010, 2013, 2015); Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Томск, 2010, 2011, 2012, 2013, 2019).

Результаты диссертационного исследования используются:

- в практической деятельности Главного следственного управления Главного управления МВД России по Красноярскому краю;

- в практической деятельности Красноярского краевого суда;

- в учебном процессе Сибирского федерального университета при преподавании дисциплины «уголовный процесс» для студентов 3 курса Юридического института, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Публикации по теме диссертации. Содержащиеся в диссертации положения и выводы отражены в 11 научных публикациях, три из которых опубликованы в журналах, включённых в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий и журналов, рекомендованных ВАК РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций (две написаны без соавторов, одна в соавторстве).

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования и включает в себя введение, 2 главы, объединяющие 5 параграфов, заключение, список использованных источников и литературы, 8 приложений.

1 Производство по избранию меры пресечения судом: понятие и особенности уголовно-процессуальной формы

1.1 Дифференциация уголовно-процессуальной формы. Понятие и признаки самостоятельного уголовно-процессуального производства

Вопрос об избрании судом меры пресечения как об уголовно-процессуальном производстве – это во многом вопрос о том, дифференцирован ли (и каким образом) наш уголовный процесс на отдельные производства, и насколько существенно или не существенно такие производства отличаются друг от друга (обладают ли самостоятельностью).

В свою очередь, вопрос о дифференциации уголовного процесса традиционно рассматривается как вопрос о дифференциации его процессуальной формы, которую представляют чаще всего как:

1) совокупность условий, закрепленных процессуальным законодательством для совершения процессуальных действий[11]; установленный законом правовой режим уголовно-процессуальной деятельности[12]; порядок осуществления процессуальной деятельности[13], выраженный в условиях, требованиях к производству процессуальных действий[14], их оформлению и последовательности

---

[11] Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: учеб. изд. М., 2003. С. 6; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 51; Доля Е. А. Уголовно-процессуальная форма и содержание уголовно-процессуальной деятельности [Электронный ресурс] // Законность. 2009. № 10. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»; Добровольский А. А. Исковая форма защиты права. М., 1965. С. 60.

[12] Тукиев А. С. Понятие и сущность уголовно-процессуальной формы // Вестн. Карагандин. юрид. ин-та Мин-ва внутренних дел Республики Казахстан. 2004. Вып. 2 (10). С. 66.

[13] Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 32; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003. С. 49; и др.

[14] Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 22; Вандышев В. В. Уголовный процесс : конспект лекций. СПб., 2002. С. 20; и др.

совершения[15]; форму государственной деятельности, которая обусловлена назначением уголовного судопроизводства, его принципами[16] и основанными на них правилами, выполнение которых приводит к наиболее точному и рациональному достижению задач уголовного судопроизводства[17];

2) производство по уголовному делу, регламентированный правом порядок[18], принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности[19] или порядок деятельности судов при разрешении правовых конфликтов[20]; предусмотренный законом порядок, процедуру деятельности участников уголовного дела[21]; установленную законом последовательность, порядок проведения следственных действий[22];

3) систему отношений, возникающих в процессе деятельности субъектов процесса[23]; особую юридическую конструкцию, которая воплощает в себе наиболее оптимальную процедуру осуществления определенных полномочий конкретными субъектами, в частности, процедуру осуществления юридической деятельности, регулируемую уголовно-процессуальным законом[24];

---

[15] Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 102–103; и др.

[16] Руновский А. В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 13.

[17] Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы. Оренбург, 2005. С. 14.

[18] Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 313, 336–337.

[19] Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. 173 с.

[20] Зипунникова Ю. К вопросу о пределах действия процессуальной формы [Электронный ресурс] // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 8. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»; Арбитражный процесс: учебник / под ред. В. В. Яркова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 480 с.

[21] Давлетов А. А. Проблемы процессуальной формы уголовного судопроизводства // Рос. юрид. журн. 2012. № 6. С. 97–102.

[22] Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 24.

[23] Рустамов Х. Ц. Уголовный процесс. Формы. М., 1998. С. 13.

[24] Францифорова С. Ю. Уголовно-процессуальная форма – гарантия обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4) совокупность уголовно-процессуальных институтов и правил, процедуры и последовательности стадий[25].

По сути, речь идет о четырех близких друг другу понятийных подходах.

Первый из них, на наш взгляд, так или иначе опирается на формообразующее значение задач (целей), функций и принципов уголовного процесса (явно подразумевается в определении М. С. Строговича[26] и однозначно связывается в определении И. Б. Михайловской[27]).

В целом с подобной трактовкой можно согласиться, если иметь в виду, что цель удерживает субъектов деятельности в пути, функции указывают на его направления (через определение того, что делают отдельные субъекты или группы субъектов в пути), а принципы задают рамки (границы) этого пути. Вот почему вряд ли прав Е. А. Доля, утверждающий, что под уголовно-процессуальной формой принято понимать установленные законом условия и порядок осуществления следственных, судебных действий и принятия процессуальных решений, а не его цель, принципы, функциональную структуру судопроизводства[28]. Ведь если содержание уголовного процесса реально определяется через действия и решения, то в «принятом подходе» его также следует реально определить. Вряд ли это можно сделать без обращения к целям (задачам), функциям и принципам, даже признавая, что они являются формобразующими элементами и не тождественны форме во всех ее общих и частных проявлениях (внешней выраженности). Причем в контексте сказанного некоторая внутренняя противоречивость позиции И. Б. Михайловской,

---

[25] Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С.121; и др.

[26] Разумеется, речь идет только о нашей интерпретации.

[27] Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. 142 с.

[28] Доля Е. А. Уголовно-процессуальная форма и содержание уголовно-процессуальной деятельности [Электронный ресурс] // Законность. 2009. № 10. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

заявляющей о приоритете процессуальной формы над целью установления фактических обстоятельств уголовного дела, не имеет значения[29].

Необходимо учитывать, как справедливо отмечает Н. Г. Стойко, что форма – это то, что удерживает содержание в определённых рамках[30]. Он пишет, что содержание реально и требует выражения в соответствующей структуре (форме), которая, таким образом, организует данное содержание, развертывая его в нормативной системе уголовного процесса, судах и правоохранительных органах, целенаправленных действиях субъектов и т.п.[31]. Будучи развернутым содержанием, форма влияет на него, зависит от него, образует с ним единство, но не сводится к нему[32].

Неслучайно, по-видимому, в этой связи появление таких определений процессуальной формы, в которых она предстает как связь формы и содержания (явное смешение) или как механизм обеспечения законности (фактически отождествление с механизмом правового регулирования)[33]. В свою очередь, процессуальная деятельность (процесс) нередко сводится к форме как системе конкретных процессуальных производств, правовых порядков (вне различения с содержанием)[34].

---

[29] Это не исключает теоретической и практической значимости затронутого вопроса вообще, равно как и весомости контраргументации Е.А. Доля, приведенной им в вышеуказанной работе.

[30] Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2009. Гл. 1, § 3. С. 51–68.

[31] Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 765. (О взаимосвязи ценностей и социального содержания бытия); Философский энциклопедический словарь. М., 1999. С. 506–507.

[32] Керимов Д. А. Методология права: предмет; функции; проблемы философии права. М., 2001. С. 170–185. (О диалектике формы и содержания права).

[33] Цыганенко С. С. Производства по уголовным делам в российском уголовном процессе. Ростов н/Д., 2003. С. 11–12.

[34] Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 8; Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1999. С. 398; Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2001. С. 21–28.

Во втором подходе (сходном с нередко встречающимся в западной процессуальной литературе[35]), напротив, демонстрируется (явно или неявно) отсутствие интереса к понятийному разграничению процессуального содержания и формы. Уголовный процесс характеризуется как формальный механизм, метод, спор, совокупность правовых норм, стадий, урегулированное правом движение уголовного дела, система действий компетентных органов. Причем процессуальная форма чаще всего определяется через такие категории, как порядок производства процессуальных действий и принятия решений, порядок производства по уголовным делам[36]. Иначе говоря, акцент делается не на формообразующие элементы (как в первом подходе), а на юридическую соорганизованность субъектов деятельности и ее внешние проявления.

Тем не менее подобный подход не только вполне удовлетворяет задаче определения понятия уголовно-процессуальной формы, но и существенно не противоречит первому подходу. Во всяком случае, в обоих подходах процессуальная форма может быть понята как условие существования уголовного процесса, когда условия уголовно-процессуальной деятельности рассматриваются в качестве важнейшего признака процессуальной формы. То есть речь идёт о нормативно выраженном порядке (юридической регламентации процессуальной

---

[35] Гуценко К. Ф., Головко А. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 1–4, 45–46, 164–167, 294–296, 402–403; Ashworth A. Sentencing and Criminal Justice. London, 1995. P. 13; Perkins R. Criminal Law. 2 ed. Mineola; New York, 1969. P. 1; Fricke Ch. 5000 Criminal Definitions. Terms and Phrases. Los Angeles, California, 1968. P. 55; Griffiths J. Ideology in Criminal Procedure or Third «Model of the Criminal Practices« // Yale Law Journal. 1970. Vol. 79, № 3. P. 368–369; Goldschmidt J. Der Prozeßals Rechtslage. Berlin, 1925; Pradel J. Procédure pénale. 9 éd. Paris, 1997. P. 17.

[36] Якуб М. Л. Процессуальная форма в Советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 9, 17; Гуценко К. Ф. Сущность и основные понятия уголовного процесса. М., 1996. С. 18; Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право: учебник, 2-е изд. М., 1997. С. 38; Якупов Р. Х. Уголовный процесс: учебник для вузов. М., 1998. С. 17; Канафин Д. К. Понятие и дифференциация процессуальной формы уголовного судопроизводства. Алматы, 1998. С. 18; Уголовный процесс: учебник / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2001. С. 7; Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России. М., 2008. С. 27; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. М., 2008. С. 38; Тукиев А. С. Понятие и сущность уголовно-процессуальной формы // Вестн. Караганд. юрид. ин-та Мин-ва внутренних дел Республики Казахстан. 2004. Вып. 2 (10). С. 66.

деятельности как процедуры) и порядке реальной деятельности конкретных субъектов (как отражении нормативно выраженного порядка на практике).

В третьем подходе упор делается на понятие процессуальных отношений. Процессуальная форма рассматривается в качестве интегративного образования, охватывающего уголовно-процессуальное право и систему отношений, выступающих в качестве объекта правового регулирования[37]. В таком виде это регламентированная уголовно-процессуальным правом система и структура уголовно-процессуальных институтов и правил, процедура и последовательность стадий уголовного процесса, условия, способы и сроки совершения процессуальных действий, непосредственно или косвенно связанных с собиранием и исследованием доказательств на предварительном следствии и судебном разбирательстве, их закреплением в правовых актах, а также порядок принятия и оформления решений по отдельным вопросам и по делу в целом[38].

Близость данного подхода со вторым очевидна. Разница состоит лишь в том, что акцент делается на внешнюю выраженность нормативного порядка в уголовно-процессуальных отношениях, то есть на правовую связанность субъектов между собой. Однако для обоих подходов, так или иначе, речь идет о нормативно связанном порядке.

В четвёртом подходе уголовно-процессуальную форму понимают как совокупность уголовно-процессуальных институтов, правил, процедур и стадий. В широком смысле слова процессуальная форма здесь совпадает с закреплённым законом порядком судопроизводства, а в узком отражает его структурное деление[39].

---

[37] Цыганенко С. С. Производства по уголовным делам в российском уголовном процессе. Ростов н/Д., 2003. С. 13–14. (По мнению С. С. Цыганенко, процессуальная форма охватывает не всё множество отношений и связей, существующих в процессе раскрытия и разрешения уголовных дел, а только те, которые наиболее значимы для правосудия).

[38] Кобликов А. С. Сущность и задачи уголовного процесса. М., 1995. С. 13; Громов Н. А. Уголовный процесс России : учеб. пособие. М., 1998. С. 20; и др.

[39] Прутченкова Г. Н. Процессуальная форма и её значение для совершенствования правовой регламентации предварительного расследования : автореф. … канд. юрид. наук. М., 1992. С. 8.

При всем внешнем различии этот подход совпадает с предшествующим, поскольку явно или не явно подразумевает внешнюю выраженность нормативного порядка.

Таким образом, если не принимать во внимание частности и терминологические расхождения, можно прийти к выводу, что все четыре подхода не отрицают, а дополняют друг друга, поскольку сходным образом отвечают на вопрос, как организована (построена или устроена) уголовно-процессуальная деятельность. Они раскрывают организацию этой деятельности путем указания на нормативно заданные и внешне выраженные способы ее удержания. Иначе говоря, во всех подходах деятельность – это содержание, а ее организация – форма.

При этом очевидно, что процессуальная форма имеет структурирующее значение, то есть представляет собой такую юридическую конструкцию, которая выполняет функцию структуры самого процесса[40], отражая его внутреннее строение (показывает части целого)[41]. Вот почему вопрос о процессуальной форме тесно связан с вопросом о ее дифференциации.

Как это следует из позиции Ю. К. Якимовича[42], уголовный процесс структурирован (и тем самым дифференцирован) по производствам, а производства – по стадиям. Естественно, что дифференциация в таком случае понимается как способ построения процесса (и в данной связи характерная черта процессуальной формы)[43], когда целое делится на части (подсистемы, реализующие те или иные функции)[44]. Причем дифференциация не исключает наличия единого соорганизующего начала (целей, принципов, функций) для всего процесса, но предполагает различия по способу соорганизации его субъектов, по-разному взаимодействующих между собой в рамках отдельных производств (и

---

[40] Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987 С. 64.

[41] Философский энциклопедический словарь. М., 1989; и др. (О понятии структуры).

[42] Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015. С. 52.

[43] Великий Д. П. Указ. соч. С. 24-25; и др.

[44] Большой Энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 1997. С. 363; Российская социологическая энциклопедия / под общей ред. Г. В. Осипова. М., 1998. 672 с.

стадий)[45]. Следовательно, *процессуальная форма – это совокупность нормативно-установленных (единых и обязательных) правил и требований, организующих (приводящих в движение, упорядочивающих) уголовно-процессуальную деятельность на всем её протяжении. В свою очередь, процессуальное содержание – это юридически соорганизованный процесс совершения его субъектами (органами, ведущими уголовный процесс)*[46] *действий (взаимодействий) и принятия решений, выраженный в системе уголовно-процессуальных (и уголовно-правовых) отношений, а также в структурированной и дифференцированной (по стадиям и производствам) практике.*

Другими словами, можно сказать, что дифференциация формы выражается в делении уголовного процесса на ряд самостоятельных производств[47], каждое из которых представляет собой *порядок движения уголовного дела (по стадиям уголовного процесса и в их рамках), характеризующийся своеобразием общих целей, функций и принципов, предполагающий статусно-ролевую соорганизацию субъектов уголовного процесса и обладающий собственным предметным и доказательственным содержанием деятельности и судебным способом ее завершения.* То есть претендующий на самостоятельность порядок движения дела – это такая совокупность процессуальных действий и решений субъектов уголовного процесса, которая направлена на достижение конкретных собственных целей (задач), сообразующихся с целями уголовного процесса,

---

[45] Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России. СПб., 2006. С. 63–64.

[46] Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2007. С. 24. (Что касается участников уголовного процесса – частных лиц, – то, разумеется, они должны иметь возможность влиять на органы, ведущие уголовный процесс, в том числе в целях побуждения соответствующих должностных лиц к исполнению обязанностей, корреспондирующих их правам и законным интересам).

[47] Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенёва. Харьков, 1983. С. 65, 85–91; Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 58; и др. (О понятии производства по юридическим делам); Цыганенко С. С. Производства по уголовным делам в Российском уголовном процессе. Ростов н/Д., 2003. С. 57–83, 90; Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 46. (О понятии производства в уголовном процессе).

обладающая собственным предметом рассмотрения, реализующаяся субъектами уголовного процесса (органами, ведущими уголовный процесс) в соответствии с закрепленной в законе процедурой уголовно-процессуальной деятельности, итогом которой является судебное решение[48]. «В противном случае, – как верно отметила Т. В. Трубникова, – следовало бы признать, что в действующем уголовном процессе существует значительное число производств, различающихся… лишь мелкими деталями»[49].

Следовательно, принципиальное значение приобретает процессуальное наполнение (признаки) того, что здесь называется самостоятельным производством[50], а не мелкими отличиями в рамках единого уголовно-процессуального порядка[51].

В данной связи (и в контексте вышесказанного) любое уголовно-процессуальное производство, на наш взгляд, должно обладать следующим набором признаков:

1. Реализуется органами, ведущими уголовный процесс (всегда несколько субъектов при обязательном участии суда как органа, принимающего итоговое решение).

2. Характеризуется полистадийностью (всегда включает в себя более одной стадии или этапа уголовного процесса).

3. Является доказательственным (всегда возникает в связи с необходимостью установления некоторых обстоятельств).

4. Направлено на достижение собственных, конкретных целей (задач), которые согласуются с целями уголовного процесса.

5. Имеет собственный предмет рассмотрения (задаётся обстоятельствами, подлежащими доказыванию в данном производстве).

---

[48] Автором настоящей диссертации ранее раскрывалось понятие, и подробно анализировались виды производств в следующей статье: Иванова О. Г. Понятие и виды уголовно-процессуальных производств // Право и общество. 2011. № 7. С. 30–37.

[49] Трубникова Т. В. Теоретические основы упрощенных производств. Томск, 1999. С. 9.

[50] Свиридов М. К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1987. С. 241–242.

[51] Трубникова Т. В. Указ. соч. С. 11.

6. Нормативно упорядочено (регламентировано УПК РФ).

7. Завершается вынесением итогового судебного акта (решения, имеющего форму процессуального документа).

Очевидно, что все семь перечисленных признаков указывают на определенную однородность производств[52], при наличии которой их совокупность будет образовывать единый уголовный процесс. Очевидно также, что каждый из этих признаков применительно к конкретному производству будет отличаться большим или меньшим своеобразием, существенно различаясь в предметно-целевом отношении. В этом смысле можно говорить о делении уголовного процесса на отличные друг от друга производства, приспособленные удовлетворять различные потребности[53], или о предметно-целевом критерии выделения самостоятельного производства[54], в том числе производства по избранию меры пресечения судом (и его разновидностей).

1.2 Производство по избранию меры пресечения судом как самостоятельное уголовно-процессуальное производство

Конституционно-правовая природа мер принуждения в уголовном процессе (в смысле ч. 3 ст. ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), в особенности мер пресечения, отражает их социальное предназначение защищать потерпевших от преступных посягательств (в смысле ст. 6 УПК РФ), требуя от государственных органов обеспечивать в рамках уголовного дела как исполнение возложенных на его участников юридических обязанностей, так и соблюдение конституционных прав

---

[52] Витрук Н. Н. Указ. соч. С. 24. (Н. Н. Витрук указывал на однородность как важную характеристику производств).

[53] Якимович Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск, 1991. С. 8–9; Трубникова Т. В. Указ. соч. С. 19.

[54] Якимович Ю. К. Уголовно-процессуальные производства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 10–13; Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса. Томск, 2001. С. 21, 65–70; Цыганенко С. С. Производства по уголовным делам в Российском уголовном процессе. Ростов н/Д., 2003. С. 83–86, 90–93. (Вопрос о классификации производств в диссертации специально не исследуется. Информация о классификации уголовно-процессуальных производств по различным критериям представлена в документах выше).

граждан[55]. Иначе говоря, как точно отмечено в литературе, уголовно-процессуальное принуждение имеет двойственный характер[56].

Итак, исходя из своего социального предназначения, государство обязано гарантировать законное и обоснованное применение мер пресечения. Это возможно, если в законе будут определены четкие и точные границы такого применения: закреплен исчерпывающий перечень мер пресечения; установлены основания, условия и порядок избрания каждой из них. Тем самым принудительная сила государства будет ограничена, а произвол органов предварительного расследования, прокуратуры и суда минимизирован (если не исключен) настолько, насколько это возможно.

Однако не все из перечисленного выше однозначно и достаточно ясно сформулировано в законе, что порождает на практике определённые трудности в правоприменении и в ряде случае приводит к следственным и судебным ошибкам.

При решении названных вопросов в данном исследовании ***меры пресечения*** (как это вытекает из уголовно-процессуального закона) понимаются как применяемые компетентными субъектами меры уголовно-процессуального принуждения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, оказывающие на обвиняемого (подозреваемого) определённое психологическое воздействие или временно ограничивающие его права и свободы, в целях исключения возможности для обвиняемого (подозреваемого) уклониться от дознания, предварительного следствия или суда, помешать установлению истины по делу или заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора.

Меры пресечения, избираемые судом - это наиболее строгие меры уголовно-процессуального принуждения, решение о которых принимается в особом процессуальном порядке в целях обеспечения нормального хода

---

[55] Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013. С. 56–58; Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2017. С. 111–113.

[56] Кондрат И. Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. М., 2015. С. 62; и др.

предварительного расследования и суда, оказывает на обвиняемого (подозреваемого) определённое психологическое воздействие и временно ограничивает его права и свободы.

Данные проведённого анкетирования судей, прокуроров, следователей, дознавателей и адвокатов[57] показали следующую картину: на вопрос анкеты о том, достаточно ли подробно УПК РФ регламентирует вопросы избрания мер пресечения, мнения представителей юридической профессии разделились.

Так, среди адвокатов только 8,4% сказали: «Да, всё предельно понятно», а 91,6% опрошенных ответили: «Нет, на практике возникают сложности». Мнения следователей и дознавателей по этому вопросу разделились примерно поровну: «да» – 49 %, «нет» – 51%. Из числа опрошенных прокурорских работников 72% дали ответ «да», а 28% выбрали противоположный ответ, признав, что законодательство в этой части несовершенно и на практике имеются сложности. Среди опрошенных судей 34,5% считают, что в законе все предельно понятно, «нет» ответили 48,3 %, и ещё 17,2% затруднились с ответом.

Таким образом, в целом более половины опрошенных (64,6%) правоприменителей указали, что на практике институт применения мер пресечения вызывает определённые затруднения.

При этом складывается интересная ситуация по разделению мнений представителей одной профессии: более 90% адвокатов констатируют сложности в избрании мер пресечения на практике, хотя этот процент среди следователей, прокуроров и судей гораздо ниже[58].

Возможно, это связано с тем, что адвокат имеет реальную возможность более внимательно работать с каждым случаем, но не несёт персональной ответственности за принятое решение, а также чаще видит ситуацию с позиции клиента, то есть с точки зрения лица, поведение которого прогнозируется.

---

[57] В Приложении Б размещёна анкета, по которой проводился опрос лиц, работающих в системе правоохранительных органов.

[58] Эти данные и упомянутые далее в тексте можно увидеть в Приложении В «Обобщение результатов анкетирования»

Избрание меры пресечения, исходя из логики законодателя, всегда происходит в три этапа: на первом устанавливается обоснованность подозрения, затем выясняется наличие или отсутствие необходимости избрания какой-либо меры пресечения вообще. И если такая необходимость есть, то правоприменитель переходит к третьему этапу, на котором из предложенного законодателем компетентному органу перечня следует выбрать конкретную, подлежащую применению в данном случае меру пресечения. Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому (подозреваемому) одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ[59]. При этом некоторые меры пресечения дознаватель или следователь могут избирать самостоятельно, например, подписку о невыезде или личное поручительство, другие же применяются лишь по судебному решению и никак иначе (залог, домашний арест, запрет определенных действий, заключение под стражу).

В рамках рассматриваемой проблематики возникают следующие вопросы: в каждом ли из этих случаев мы можем говорить о наличии производства по избранию меры пресечения? Когда имеет место производство по избранию меры пресечения и чем характеризуется?

В решении этих вопросов помогут ранее сформулированные признаки процессуального производства[60]. Они будут своего рода индикаторами, маркерами. Лишь в случае, если процедура избрания меры пресечения будет соответствовать всем этим признакам, можно говорить о наличии процессуального производства по избранию мер пресечения. Для более наглядного и эффективного анализа разделим все меры пресечения на две группы по вышеупомянутому критерию: избираются они самостоятельно органом, ведущим предварительное расследование (первая группа), или исключительно судом (вторая группа).

---

[59] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : (ред. от 1 апр. 2019 г., с изм. и доп. от 17 апр. 2019 г.) Ч. 1, ст. 97 // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.04.2019).

[60] Подробнее см. 1.1 данной работы.

Как подчеркивалось ранее, под субъектами уголовно-процессуального производства по избранию меры пресечения судом понимаются те лица, от которых зависит ход и результат самого производства, то есть должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс[61]. Именно на субъектах уголовного процесса лежит обязанность по соблюдению принципов уголовного процесса. Поэтому, говоря о производстве по избранию меры пресечения судом, нужно рассматривать это производство как деятельность компетентных государственных органов, к числу которых относятся *органы предварительного расследования, прокуратуры и суда (и соответствующие должностные лица, их представляющие).*

И для избрания одной из мер первой группы, и для избрания одной из мер пресечения второй группы характерно то, что эта процедура (будем пока называть её так) представляет собой некоторые отдельные действия или совокупность процессуальных действий и решений субъектов уголовного процесса. Это значит, что, с одной стороны, она реализуется компетентными должностными лицами и уполномоченными органами государства – то есть субъекты уголовного процесса вправе избирать меру пресечения для обвиняемого (или подозреваемого), но, с другой стороны, для разных мер пресечения субъекты, которые вправе их избрать, тоже разные. Меру пресечения из первой группы могут избирать следователь или дознаватель самостоятельно, а любую из мер пресечения второй группы – только суд, хотя инициируется этот вопрос по ходатайству следователя (с согласия руководителя следственного органа) или дознавателя (с согласия прокурора). Так, если дознаватель или следователь считает необходимым применить в качестве меры пресечения, например, заключение под стражу, то дополнительно в качестве субъектов уголовного процесса выступает не только суд, но и другие должностные лица, а именно руководитель следственного органа и прокурор, который уже в судебном

---

[61] Шагинян А. С. Участники уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юрид. вузов / О. И. Андреева [и др.]; под ред. О. И. Андреевой [и др.]. Ростов н/Д., 2015. Гл. 3. С. 59–82.

заседании по этому поводу может поддержать такое ходатайство или не сделать этого. Само постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня с обязательным участием обвиняемого (подозреваемого), прокурора и защитника, если последний участвует в уголовном деле. Таким образом, видно, что круг субъектов, участвующих в этой процедуре, значительно шире, чем когда в качестве меры пресечения избирается подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части или присмотр за несовершеннолетним обвиняемым.

Особенности рассматриваемого производства проявляются и в функциях субъектов этого производства, чему посвящен отдельный параграф работы.

Следует также указать, что субъекты производства по избранию меры пресечения судом являются также и субъектами доказывания в рамках этого производства.

Мы говорили о том, что процессуальное производство всегда включает в себя более одной стадии уголовного процесса, то есть обладает признаком полистадийности. Из этого следует, что если итоговое решение по определённому вопросу субъект уголовного процесса может принять самостоятельно и в рамках текущей стадии уголовного процесса, то самостоятельного производства не образуется, а эта деятельность укладывается в рамки одной конкретной стадии уголовного процесса. Причем следует обратить внимание на то, что если меру пресечения избирает следователь или дознаватель самостоятельно в рамках расследования уголовного дела (на досудебном этапе), не обращаясь за «разрешением» к иным субъектам, то не наблюдается никакой полистадийности и тем более никакой специальной деятельности. Решение данного вопроса происходит в рамках предварительного расследования тем же субъектом, который это расследование ведёт. Иные органы и должностные лица в эту деятельность не вмешиваются, специально

предусмотренной процедуры с «пошаговой инструкцией» закона нет, есть лишь общие правила.

Вместе с тем если следователь или дознаватель считает необходимым избрание такой меры пресечения, как залог, домашний арест, запрет определенных действий или заключение под стражу, то сам он принять такое решение не вправе. Ему приходится получать согласие руководителя следственного органа или прокурора, а затем обращаться за решением этого вопроса в суд. И только суд выносит решение по поставленному вопросу. Так появляется судебное разбирательство, имеющее значение не только особой процедуры (в смысле ст. 5 УПК РФ), но и судебного этапа или стадии решения инициированного в рамках предварительного расследования вопроса об избрании меры пресечения. Нарушение этого правила недопустимо.

В качестве примера приведём выдержку из справки Кемеровского областного суда от 16.02.2010 № 01-26/137[62]: «В соответствии с п. 8 ст. 109 УПК РФ возбуждение следователем ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей рассматривается судьей в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 108 УПК РФ, в частности, с участием обвиняемого, прокурора, а также защитника, если последний участвует в уголовном деле. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Кемеровского областного суда от 08.10.2009 отменено постановление Междуреченского городского суда от 28.08.2009 о продлении срока содержания под стражей до 02.12.2009 в отношении И. Судебная коллегия указала, что суд в нарушение требований ст. 108, 255 УПК РФ разрешил вопрос о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении И. фактически вне судебного заседания. Как видно из протокола судебного заседания от 28.08.2009, мнения сторон по данному вопросу судом не выслушивались, их доводы не исследовались. Обвиняемому не было обеспечено

[62] Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в 2009 году [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=1248#019409538340395405 (дата обращения: 01.07.2018).

право участвовать в рассмотрении судом вопроса о продлении срока содержания под стражей, изложить свою позицию и представить в ее подтверждение необходимые доказательства. Коллегия также указала, что суд в нарушение требований закона рассмотрел материалы в отношении И. формально, свое решение о необходимости продления в отношении подсудимого меры пресечения в виде заключения под стражу должным образом не мотивировал, не обосновал свои выводы фактическими обстоятельствами дела, основывался лишь на тяжести инкриминируемого преступления». Таким образом, очевидно, что законодатель и правоприменитель справедливо отмечают тот факт, что судебное заседание должно быть именно разбирательством, а не носить формальный характер. В нём действительно надлежит заслушать все стороны, исследовать предоставленные материалы и доказательства и лишь после этого выносить решение.

Основываясь на сказанном, можно выделить три этапа производства по избранию меры пресечения. Первый – подготовительный этап, на котором происходит подготовка материалов следователем (дознавателем), согласование позиции с руководителем следственного органа или прокурором, направление материалов с ходатайством в суд. Второй этап – ознакомление стороны защиты с указанными материалами. Далее идёт третий и основной этап – судебное разбирательство, то есть судебная процедура рассмотрения заявленного ходатайства, завершающаяся принятием судебного решения.

В связи с тем, что итоговое решение принимается судом в результате судебного разбирательства, большинство общих условий судебного разбирательства, предусмотренных главой 35 УПК РФ, на него также должны распространяться. При любом уголовно-процессуальном производстве итоговое решение принимает такой субъект уголовного процесса, как суд. Этот акт должен соответствовать требованиям законности, обоснованности и мотивированности, а также отражать принятое решение и обосновывать его. В таком акте должны быть отражены вопросы, которые являлись предметом рассмотрения, все обстоятельства, подлежащие доказыванию в рамках данного

производства. Известно, что об избрании меры пресечения дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд – определение[63].

Следующий выделенный признак «нормативность» означает, что соответствующая процедура (как совокупность действий) должна быть подробным образом регламентирована и закреплена в УПК РФ. Законом должна быть специально предусмотрена «пошаговая инструкция» для субъектов процесса. Действующее законодательство РФ установило особый порядок избрания для таких мер пресечения, как залог, домашний арест, запрет определённых действий и заключение под стражу. В соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ эти меры пресечения избираются по ходатайству дознавателя, следователя, поддержанного прокурором, только судом. Порядок (процедура) избрания этих мер достаточно чётко и подробно описан в УПК, что позволяет говорить о том, что признак нормативности однозначно присущ этой процедуре тогда, когда речь идёт об избрании вышеперечисленных мер пресечения судом. Очевидно, что эта процедура более сложная и многоступенчатая по сравнению с тем, когда избирается, например, подписка о невыезде, которая назначается самостоятельно следователем. Вместе с тем порядок (совокупность действий) должностных лиц при избрании таких мер пресечения, как подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части или присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, подробным образом не регламентирован законом. Да и можно ли его подробно «расписать», если решение принимается одним лицом и самостоятельно. Это означало бы описание мыслительного процесса следователя или дознавателя, чего сделать невозможно. УПК РФ содержит лишь самые общие положения: основания и условия выбора меры пресечения, в чём состоят эти меры пресечения и каков порядок ознакомления с принятым решением обвиняемого (подозреваемого) и его защитника. Избрание

---

[63] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : (ред. от 1 апр. 2019 г., с изм. и доп. от 17 апр. 2019 г.) Ст. 101 // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.04.2019).

таких мер пресечения вообще не похоже на юридическую процедуру – как цепочку действий и решений. Скорее, это юридически значимое действие, поскольку оно совершается одномоментно и самостоятельно.

Итак, даже уже по четырём обозначенным выше критериям видно, что не существует самостоятельного производства в том случае, когда мера пресечения избирается следователем или дознавателем самостоятельно. И наоборот, если мера пресечения избирается судом, можно говорить о наличии уголовно-процессуального производства. При самостоятельном избрании меры пресечения субъектом, ведущим предварительное расследование, нет ни многосубъектности, ни полистадийности, ни подробной законодательной регламентации этой процедуры. Представляется, что избрание меры пресечения следователем (дознавателем) есть лишь элемент основного производства по делу.

Иначе говоря, производство по избранию меры пресечения появляется только там, где есть судебный контроль. Решение об избрании меры пресечения судом принимается в результате осуществления факультативной функции суда – судебного контроля.

О. В. Химичева определяет судебный контроль как одно из направлений реализации судебной власти и самостоятельную уголовно-процессуальную функцию[64]. Суд реализует свои контрольные полномочия только по инициативе заинтересованных лиц, т.е. по мере поступления ходатайства следователя либо жалобы участника уголовного судопроизводства; судебный контроль предполагает проведение судебного заседания со всеми свойственными ему атрибутами: активным участием сторон, состязательностью, гласностью, протоколированием и т.д.[65]. Таким образом, итоговое решение принимает всегда суд после проведения судебного заседания. В данном случае, при производстве

---

[64] Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 10

[65] Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 21.

об избрании меры пресечения, итоговый процессуальный документ – это постановление или определение суда.

Таким образом, очевидно, что выделяемое производство соответствует рассмотренным признакам самостоятельного уголовно-процессуального производства. Производство по избранию судом меры пресечения по своей сути является судебно-контрольным, поскольку имеет место лишь в том случае, когда решение о мере пресечения принимает суд при реализации функции судебного контроля. Такое производство является доказательственным (особенности доказывания рассматриваются во второй главе работы). Названное производство имеет цели обеспечения нормального хода основного производства по делу и соблюдение прав и свобод лица, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения.

Ранее указывалось, что любое производство является доказательственным. Безусловно, вопрос доказывания является очень важным, стержневым, он тесно переплетается с вопросами целей и основания избрания мер пресечения, поэтому оставить его без внимания нельзя. Существуют разные подходы к определению доказывания и пониманию его сущности, выраженные в целом ряде работ таких известных процессуалистов, как В. Д. Арсеньев (Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе), А. С. Барабаш (Публичное начало российского уголовного процесса), А. Р. Белкин (Теория доказывания в уголовном судопроизводстве), А. Я. Вышинский (Теория судебных доказательств в советском праве), А. А. Давлетов (Основы уголовно-процессуального познания), Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд (Проблемы доказательств в советском уголовном процессе), В. С. Курылев (Основы теории доказывания в советском правосудии), М. С. Строгович (Избранные труды. В 3 т. т. 3. Теория судебных доказательств), С. А. Шейфер (Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования) и другие.

Для пояснения самых общих установок, на которых построено данное исследование, кратко представим основные положения принятой модели доказывания по уголовному делу. В целом уголовно-процессуальное доказывание

можно определить как специфический вид познания[66], осуществляемый субъектами доказывания (следователем, дознавателем, прокурором и судом) в особой уголовно-процессуальной форме, суть которого определяется целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Доказывание представляет собой процесс получения знания, и если речь идёт о доказывании по уголовному делу в рамках основного производства, то это знание о совершённом в прошлом преступном деянии. Уголовно-процессуальное доказывание, как и любая другая осознанная деятельность человека, является целенаправленной[67]. Как уже было сказано ранее, любое процессуальное производство является доказательственным, то есть для принятия итогового решения всегда необходимо установить те или иные обстоятельства по делу. Но для разных производств перечень этих обстоятельств разный и не совпадает с обстоятельствами, перечисленными в ст.73 УПК РФ (теми, что необходимо установить в рамках основного производства по уголовному делу). В отличие от основного производства по уголовному делу, в производстве по избранию мер пресечения судом не должно сформироваться знание о произошедшем в прошлом деянии. Напротив, мы говорим о будущем поведении лица. У субъекта доказывания в итоге должно сформироваться обоснованное предположение о том, что обвиняемый (подозреваемый), скорее всего (с высокой долей вероятности), совершит противоправное деяние (предрасположен к противоправному поведению) в случае, если не будет избрана указанная мера пресечения.

---

[66] То есть процесс познания универсален, как универсальны объективные законы, лежащие в его основе; все общие признаки познания свойственны уголовно-процессуальному доказыванию.

Уголовно-процессуальное доказывание – такой же познавательный процесс, как любой другой, только имеющий свои специфические объекты и цели, познаваемые в особой процессуальной форме; уголовно-процессуальное доказывание – это познание с указанием сферы его применения.

[67] Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя. Красноярск, 1997. С. 90–94. Изложение и разбор основных точек зрения, затрагивающих базовые понятия теории доказательств в уголовном процессе с современных научных позиций см., например: Россинский С. Б. Результаты «невербальных« следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М., 2015. С. 7-71.

Специфика доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом заключается именно в прогнозировании следователя (дознавателя), суда; в том, что вывод всегда вероятностный. О. В. Качалова верно указывает, что «риски, выступающие в качестве основания для применения мер пресечения, носят вероятностный характер, полностью их исключить либо доказать неизбежность их наступления возможно только в редких случаях. Вместе с тем анализ фактических обстоятельств может привести к выводу, что такие опасения имеют под собой реальную основу»[68]. Проблема прогнозирования поведения обвиняемого (подозреваемого) представляет наибольшую трудность при рассмотрении производства об избрании меры пресечения судом. Ей будет посвящен отдельный параграф работы.

Так как любое производство является доказательственным, то это значит, что существует и цель доказывания для каждого производства. Кроме того, уголовно-процессуальное производство всегда направлено на достижение собственных, конкретных целей, которые согласуются с целями и задачами уголовного процесса. В силу того, что доказывание является стержнем уголовного процесса, то одной из целей процессуального производства всегда будет цель доказывания по такому производству. Именно с цели доказывания и цели рассматриваемого производства начнём анализ.

Цель (как общефилософское понятие) – это предвосхищение результата в сознании субъекта, это то желаемое, на достижение которого направлены действия субъекта. Именно цель обуславливает движение деятельности и задаёт её границы. Автор диссертации не вполне разделяет столь популярную среди процессуалистов-теоретиков точку зрения о том, что целью уголовно-процессуального доказывания является установление истины по уголовному делу[69], так как истина – метафизическое, философское понятие, точного (единого)

---

[68] Качалова О. В. Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. N 3. С. 38–42.

[69] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 296; Громов Н. А., Жога Е. Ю., Новиков И. В. Понятие процесса доказывания // Право и политика. 2005. №

определения которого до сих пор даже не выработано. Большинство учёных-процессуалистов под истиной понимают точное или объективное соответствие полученного знания действительности. Но ведь в процессе доказывания мы стремимся получить знание не о действительности (времени настоящем), а о деянии, произошедшем в прошлом. Невозможно сопоставить имеющиеся у следователя или дознавателя знания о событии с прошлым. Кроме того, представляется, что цель всегда должны быть конкретной и понятной для субъекта, реально достижимой. С нашей точки зрения, целью уголовно-процессуального доказывания является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. «Сама же эта деятельность состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу по УПК»[70].

Вместе с тем, как видится, следует отграничить цель избрания меры пресечения и цель производства по избранию меры пресечения, так как в первом случае речь идёт о цели применения мер пресечения, а во втором – о цели процесса доказывания.

Учеными-процессуалистами высказывались разные мнения. Например, А. Михайлов отмечает, что основным предназначением мер уголовно-процессуального пресечения (как разновидности мер уголовно-процессуального принуждения) является обеспечение надлежащего порядка уголовно-процессуальной деятельности[71]. Применение мер уголовно-процессуального принуждения позволяет устранить препятствия, возникающие или могущие возникнуть на пути осуществления уголовного судопроизводства. На основании этого Н. И. Капинус делает вывод о том, что общей целью мер уголовно-процессуального принуждения является содействие успешному выполнению

---

2. (Этой точки зрения придерживались такие учёные, как С.В. Курылев, Ф.Н. Фаткуллин, В.И. Басков, С.Д. Оспанов и др.).

[70] Лупинская П. А. Понятие доказывания // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003. С. 243.

[71] Михайлов В. А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации. М., 1997. С. 7.

задач уголовного судопроизводства[72]. По мнению Н. И. Капинуса, в том, что цели мер пресечения схожи и сопоставимы с основаниями их применения, нет ничего удивительного, поскольку именно целью определяются средства их достижения, а также способы и пределы их применения[73].

Р. Х. Якупов указывает, что целью избрания мер пресечения является установление конкретных правоограничений для обвиняемого (подозреваемого) для предупреждения нарушений и обеспечения нормального хода уголовного судопроизводства; предупреждение попыток обвиняемого (подозреваемого) уклониться от участия в производстве по уголовному делу, либо от мер обеспечения будущего приговора, либо воспрепятствовать установлению истины по делу, или продолжать преступную деятельность[74].

В. Ю. Мельников пишет о том, что по общему правилу меры пресечения являются мерами превентивного характера, применяемыми для предупреждения противоправных действий со стороны обвиняемого (подозреваемого), при этом предупредительная природа мер пресечения отчётливо проявляется в их целях, определяемых автором: 1) предотвращение возможности обвиняемого (подозреваемого) скрыться от дознания, следствия и суда; 2) предупреждение или пресечение его преступной деятельности; 3) нейтрализация или устранение неправомерного противодействия обвиняемого (подозреваемого) установлению истины по уголовному делу; 4) обеспечение исполнения приговора[75].

По мнению А. В. Гриненко, целью избрания мер пресечения является превентивное воздействие, направленное на обеспечение надлежащего поведения перечисленных в законе участников уголовного судопроизводства при наличии обстоятельств, вызывающих необходимость применения этого воздействия[76].

---

[72] Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 35, 39.

[73] Там же. С. 36.

[74] Якупов Р. Х. Уголовный процесс. М., 1998. С. 197–198.

[75] Мельников В. Ю. Применение мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых // Российский судья. 2007. № 7. С.64–68.

[76] Гриненко А. В. Обоснованность задержания и заключения под стражу по УПК РФ // Журн. рос. права. 2003. № 9. С. 47.

Обратим внимание на то, что все упомянутые авторы говорят именно о цели избрания мер пресечения, а не о цели доказывания в рамках рассматриваемого дополнительного производства.

Говоря об этом, необходимо указать, что, на наш взгляд, цель применения мер пресечения – пресечь или предотвратить возможные нарушения со стороны обвиняемого (подозреваемого), а не наказать за них. А поскольку под целью понимается желаемый результат, то, чего мы хотим добиться, применяя подобные меры, становится очевидным, что в УПК РФ как раз и перечислены цели избрания мер пресечения, а не основания для их выбора, то есть в формулировке ст. 97 УПК РФ произошло смешение оснований и целей применения мер пресечения. Законодатель перечислил в ст. 97 УПК РФ именно цели применения мер пресечения, и, расшифровывая текст кодекса, можно сказать буквально следующее: «Мы применяем меру пресечения к обвиняемому для того, чтобы он не сбежал (не скрылся)», или «мы применяем меру пресечения к обвиняемому для того, чтобы он не воздействовал на свидетелей», или «... чтобы он не уничтожил доказательства по делу» и т.д. То есть речь идёт о цели применения любой меры пресечения любой меры пресечения. Об основаниях же для выбора конкретной меры пресечения следует говорить отдельно, и этот вопрос будет рассмотрен далее.

Несмотря на присоединение Российской Федерации к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, нельзя сказать, что российское законодательство вобрало в себя все рекомендации, выработанные Европейским судом по правам человека. Например, ЕСПЧ в своих решениях говорит не только о тех целях избраниях мер пресечения, которые фактически закреплены в ст. 97 УПК РФ, но и упоминает дополнительную цель. Так, в Решении по делу Мерабишвили (Merabishvili) против Грузии указывалось, что «когда национальные суды принимают решение об избрании предварительного заключения, то власти должны привести релевантные и достаточные основания, такими основаниями могут являться риск побега, риск оказания давления на свидетелей или уничтожения доказательств, риск сговора, риск совершения

повторного правонарушения, риск нарушения общественного порядка и связанная с ним необходимость обеспечить защиту самого заключенного. Наличие этих рисков должно быть надлежаще обосновано, и указанные властями мотивы не могут являться абстрактными, общими или стереотипными»[77].

В Постановлении ЕСПЧ по делу Летелье (Letellier) против Франции суд более подробно раскрывает этот вопрос: «Суд признает, что особая тяжесть некоторых преступлений может вызвать такую реакцию общества и социальные последствия, которые делают оправданным предварительное заключение по крайней мере в течение определенного времени. При исключительных обстоятельствах этот момент может быть учтен в свете Конвенции, во всяком случае, в той мере, в какой внутреннее право (статья 144 Уголовно-процессуального кодекса) признает понятие нарушения публичного порядка вследствие совершения преступления. Однако этот фактор можно считать оправданным и необходимым, только если имеются основания полагать, что освобождение задержанного реально нарушит публичный порядок или если этот порядок действительно находится под угрозой».[78]

Действительно, в определённых случаях для принятия решения об избрании меры пресечения, связанной с ограничением свободы, может быть достаточно сведений, указывающих на причастность к совершению тяжких или особо тяжких преступлений[79], безотносительно сведений о личности, но с учетом степени

---

[77] Медников Д. С. Европейский суд по правам человека: обзор Постановления Большой Палаты от 28 ноября 2017 года по делу Мерабишвили (Merabishvili) против Грузии (жалоба N 72508/13) // Международное правосудие. 2018. N 1. С. 20 - 37.

[78] Постановление ЕСПЧ от 26.06.1991 "Летелье (Letellier) против Франции" (жалоба N 12369/86) [рус. (извлечение), англ.] Постановление на русском языке опубликовано в издании: Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1.- М.: Норма, 2000. С. 698 - 704. (Извлечение) Постановление на английском языке получено с сервера Европейского суда по правам человека <http://www.echr.coe.int>.

[79] Нигматулин И. Р. Средства обеспечения правомерного поведения подозреваемых и обвиняемых на предварительном следствии : автореф. дис. …канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. С. 21–22. (Похожее предложение было высказано в работе И. Р. Нигматулина).

общественной опасности преступления[80] и с учетом общественного резонанса от преступления или необходимости защитить обвиняемого (подозреваемого).

Это не означает принятия решения по мотиву одной лишь тяжести преступления, хотя тяжесть и общественная опасность преступления будет непременным условием для избрания наиболее строгой меры пресечения. Европейский суд по правам человека указывал в решении по делу «Говорушко (Govorushko) против Российской Федерации»[81], что любая система обязательного лишения свободы как таковая несовместима с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, на власти государства-ответчика возложена обязанность установить и доказать существование конкретных фактов, перевешивающих принцип уважения личной свободы. В рассматриваемой ситуации фактором, перевешивающим принцип личной свободы, будет необходимость защитить жизнь и здоровье самого обвиняемого (подозреваемого), недопущение общественных волнений, исключение возможности самосуда, кровной мести, иной расправы над лицом. Таким образом, противоречия с высказанным выше предложением здесь нет.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что одной из целей избрания мер пресечения, особенно наиболее строгих – домашнего ареста или заключения под стражу – может быть обеспечение общественного порядка. На основании изложенного, полагаю, разумно было бы дополнить ст. 97 УПК РФ специальной (дополнительной) целью избрания заключения под стражу: если оставление лица на свободе может привести к общественным волнениям и/или нарушению общественного порядка.

Итак, применение обоснованной и законной меры пресечения имеет превентивную функцию – пресечение и предупреждение новых преступлений или правонарушений со стороны обвиняемого (подозреваемого). Кроме того,

---

80 Деяния разных частей одной статьи (например, ст.105 УК РФ) могут относиться к особо тяжким преступлениям, однако очевидно, что по характеру и степени общественной опасности деяния, предусмотренные ч.1 и ч.2 различаются.

81 Дело «Говорушко (Govorushko) против Российской Федерации: (жалоба № 42940/06) [Электронный ресурс] : постановление Европейского суда по правам человека от 25 окт. 2007 г // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

обвиняемый (подозреваемый) и сам является источником информации о расследуемом деле, и в случае, если он скроется, работа с ним будет невозможна. Поэтому очевидно, что меры пресечения – это применяемые компетентными субъектами меры уголовно-процессуального принуждения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, оказывающие на обвиняемого (подозреваемого) определённое психологическое воздействие или временно ограничивающее его права и свободу с целью исключения возможности уклониться от дознания, предварительного следствия или суда, помешать установлению истины по делу или заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора.

Выводы следователя, дознавателя при выборе меры пресечения носят вероятный характер, так как всегда приходится прогнозировать будущее поведение обвиняемого (подозреваемого), но вывод о таком поведении должен базироваться не на интуитивных предположениях, а на объективно установленных фактах, на реальных доказательствах, свидетельствующих о том, что обвиняемый (подозреваемый) может скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать установлению истины, заниматься преступной деятельностью, уклониться от исполнения приговора.

Однако нужно чётко понимать, что не все эти «основания» работают на стадии предварительного расследования преступления. Так, обзор судебной практики Рязанского областного суда от 29.10.2009[82] содержит иллюстрирующий это пример: «В качестве основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу С., подозреваемому в совершении преступления, предусмотренного п. «в« ч. 2 ст. 158 УК РФ, N-ский районный суд Рязанской области указал необходимость обеспечения исполнения приговора суда, что незаконно: не может служить основанием для избрания меры пресечения на досудебной стадии

[82] Обобщение судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (продлении срока содержания под стражей) по материалам, рассмотренным районными и городскими судами Рязанской области в 2008 году [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOCN;n=14192 #07807314578351834 (дата обращения: 01.07.2018).

производства по уголовному делу необходимость обеспечения исполнения приговора суда, поскольку такое обоснование избранной в период расследования уголовного дела меры пресечения фактически предрешает вынесение обвинительного приговора. Как пример применения ч. 2 ст. 97 УК РФ можно привести избрание меры пресечения при вынесении обвинительного приговора, когда в период следствия и судебного разбирательства у обвиняемого было обязательство о явке, а при осуждении ему избрана мера пресечения до вступления приговора в законную силу. Эта же норма закона применяется, например, когда при вынесении приговора лицу, осужденному к реальному лишению свободы, мера пресечения в виде подписки о невыезде изменяется на заключение под стражу (ссылка на ч. 2 ст. 97 УПК РФ в приговоре не нужна)». Аналогично в целом ряде исследованных автором постановлений суда об избрании меры пресечения и постановлений следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения было обнаружено использование такого вывода-основания, как «для обеспечения исполнения приговора», причём без всякой увязки с предыдущими аргументами.

Конституционный суд РФ и в последние годы в своих решениях также указывал на то, что до постановления приговора необходимость его исполнения не может служить единственным основанием избрания меры пресечения или продления ее срока[83].

---

[83] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гурина Михаила Ануфриевича на нарушение его конституционных прав частями третьей и четвертой статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 сент. 2018 г. № 2140-О // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=556652#08933010199095879 (дата обращения: 01.12.2018); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Переверзева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определения Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 марта 2009 г. № 384-О-О // Там же. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=96876#09231944239149781; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочарова Олега Севастьяновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17, частью второй статьи 195, частью первой статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 97 Уголовно-

Таким образом, цель избрания мер пресечения – предупреждение возможного противоправного поведения обвиняемого (подозреваемого) путём применения конкретной меры пресечения. А цель самого производства (относительно основного производства по делу), как уже писалось выше, – это обеспечение нормального хода основного производства по уголовному делу и соблюдение прав и свобод лица, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения. Целью доказывания в этом производстве тогда является установление обстоятельств, указывающих на причастность лица к совершению инкриминируемого ему деяния, характеризующих личность обвиняемого (подозреваемого) и его социальное окружение, а также обстоятельства, свидетельствующие о необходимости избрания конкретной меры пресечения.

Итак, производство по избранию меры пресечения судом – это деятельность, которая:

1) осуществляется при обязательном участии следователя, дознавателя, прокурора и суда, несущих ответственность за его ход и результат;

2) организационно делится на 3 этапа:

- подготовительный этап (подготовка материалов следователем (дознавателем), согласование позиции с руководителем следственного органа или прокурором, направление материалов с ходатайством в суд);
- ознакомление стороны защиты с указанными материалами;
- судебное разбирательство.

3) является доказательственным производством, вспомогательным по отношению к основному;

4) направлена на обеспечение нормального хода основного производства по уголовному делу и соблюдение прав и свобод лица, в отношении которого

процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 75.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 июля 2017 г. № 1541-О // Там же. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base =ARB002;n=512752#04053141561298528. (дата обращения: 21.06.2019).

решается вопрос об избрании меры пресечения, что согласуется с нормативно заданными целями уголовного процесса;

5) имеет предметом рассмотрения вопрос о необходимости и обоснованности ограничения конституционных прав личности, заданный тремя группами обстоятельств: указывающих на причастность лица к совершению преступления; характеризующих личность обвиняемого (подозреваемого); свидетельствующих о необходимости и целесообразности избрания конкретной меры пресечения;

6) предполагает совершение предусмотренных законом действий по подготовке к судебному разбирательству и его осуществлению в порядке, установленном УПК РФ;

7) завершается постановлением суда.

1.3 Функции субъектов производства по избранию меры пресечения судом

На основании ранее выработанного понятия процессуального производства и вывода о том, что одним из признаков уголовно-процессуального производства является многосубъектность, применительно к производству по избранию меры пресечения судом можно говорить о следующих субъектах производства: следователь, дознаватель, прокурор и суд.

Следует пояснить, что, говоря о функциях, имеется в виду круг деятельности; то, что должны делать ради достижения цели. Вопрос о функциях (содержательно) сводится к тому, что делают те или иные участники, т. е. это вопрос о правовых возможностях, которыми они наделяются, и правовых отношениях, в которые они вступают для достижения своих целей[84].

Инициируют производство всегда следователь или дознаватель, вынося постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, но за ход и результат самого производства несут ответственность в большей степени не следователь и дознаватель, а прокурор и суд. Поэтому следует обсудить вопросы их статуса и взаимодействия в данном производстве. Кроме того, хотелось бы рассмотреть важную и актуальную проблему, связанную с пониманием функции и полномочий прокурора и суда при рассмотрении вопроса избрания меры пресечения.

Придя к выводу о необходимости избрания обвиняемому (подозреваемому) в качестве меры пресечения залога, домашнего ареста, запрета определённых действий или заключения под стражу, следователь (дознаватель) собирает и представляет в суд материалы, подтверждающие верность его выводов. По сути, это отдельно сформированный том материалов, часть которых может отсутствовать в материалах уголовного дела за ненадобностью, так как эти материалы не устанавливают обстоятельства, подлежащие доказыванию в рамках

---

[84] Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : монография. СПб., 2006. С.145. (Н. Г. Стойко в работе рассматривает более подробно такой подход к пониманию функций).

общего производства и предусмотренные ст. 73 УПК РФ, а обосновывают опасения следователя о том, что обвиняемый (подозреваемый) может препятствовать расследованию.

О. С. Ерохина в своем диссертационном исследовании указывает, что участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства предполагает осуществление им его процессуальной функции – расследования, причем в случае участия в судебном заседании по рассмотрению ходатайства об избрании меры пресечения следователь реализует конкретно функцию обвинения (уголовного преследования)[85]. С этим выводом можно согласиться, добавив, что в рассматриваемом производстве следователь (дознаватель) является субъектом доказывания, и именно на нем лежит обязанность по представлению суду доказательств в обоснование заявленного ходатайства.

Несмотря на это, данное требование далеко не всегда соблюдается на практике. Был изучен ряд ходатайств следователей перед судом об избрании и продлении меры пресечения (2016-2017 г.) и обнаружено, что в ходатайствах не указаны приложения, к ним также нет сопроводительных писем, в которых перечислялся хотя бы список передаваемых суду документов для принятия обоснованного решения. В самих ходатайствах также нет и ссылок на листы уголовного дела. Соответственно, неясно, что было передано суду для исследования вместе с ходатайством и на основании чего суд принимал решение, какие материалы и документы изучал, было ли их достаточно. Это можно увидеть, только ознакомившись со всеми переданными материалами. При таком положении дел, как нам кажется, возникают трудности: 1) для процессуального контроля за действиями следователей (дознавателей) со стороны их руководителей (начальников), которые дают своё согласие на возбуждение ходатайства перед судом, и 2) для осуществления судебного надзора, реализуемого вышестоящими судами за нижестоящими, так как при получении кассационной жалобы на принятое решение об избрании или продлении меры

---

[85] Ерохина О. С. Участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10, 15.

пресечения они, по сути, не видят, какие материалы поступили в суд первой инстанции и что судом было изучено.

Так, при изучении практики судов часто встречалось указание на необходимость правильного оформления материалов дел по мере пресечения, а также на то, что копии документов, прилагаемые следователем к постановлению о возбуждении перед судом ходатайства об избрании обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения в виде заключения под стражу, продлении обвиняемому срока содержания под стражей, должны быть им надлежаще заверены. В целом отмечена небрежность оформления материалов дела. В суды поступали ксерокопии материалов, которые были нечитаемыми в силу очень низкого качества копирования и не были заверены надлежащим образом[86].

Отказ судами в удовлетворении ходатайств следователей чаще всего связан с предоставлением в суд материалов, не содержащих достаточных доказательств, подтверждающих, что лицо может скрыться от следствия, оставаясь на свободе. Вместе с тем имеются случаи отказов и по причине нарушения прав задержанных.

Судебное разбирательство всегда подчинено принципу равенства сторон, а само заседание предполагает состязательность сторон, значит, тайна следствия на представленные в суд материалы распространяться не должна. Судебное разбирательство должно быть состязательным и должно всегда обеспечивать равенство сторон – обвинения и лица, содержащегося под стражей. Это означает, в частности, что заключенный должен иметь доступ к материалам следствия, которые существенны для оценки законности содержания этого лица под стражей. У заключенного должна быть возможность прокомментировать доводы прокуратуры (постановление Европейского суда по правам человека от 25 октября 2007 г. по делу «Лебедев (Lebedev) против Российской Федерации»). Это особенно существенно в российской правовой системе, в которой правовая квалификация фактов и, следовательно, наказание, которое грозит заявителю,

[86] Эти пункты указаны и в Обобщении практики рассмотрения судами Красноярского края ходатайств об избрании в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений меры пресечения в виде заключения под стражу 2009 г., и в Обобщении материалов по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу за 2012 г. (г.Тамбов)

определяются стороной обвинения без судебной проверки того, действительно ли собранные доказательства подкрепляют обоснованные подозрения в том, что заявитель совершил предполагаемое преступление (постановление Европейского суда по делу «Худоеров против Российской Федерации»)[87].

Для подготовки своей позиции сторона защиты должна быть знакома с этими материалами – по аналогии с ознакомлением с материалами уголовного дела по окончании расследования и до направления дела в суд. Однако действующий УПК РФ не содержит закрепления обязанности органов предварительного расследования знакомить с материалами, представленными в суд, подозреваемого, обвиняемого и его защитника. Сегодня этот вопрос решается лишь с помощью заявления ходатайства стороной защиты об ознакомлении с материалами дела, причём зачастую знакомиться с материалами приходится, когда они уже в суде, что влияет на качество подготовки к судебному заседанию. Несмотря на это, бремя доказывания не должно перекладываться на более слабую сторону. На основании разбирательства заявления «Рохлина против РФ» Европейский суд указал на то, что при решении вопроса об избрании меры пресечения в российских судах нередко применяется презумпция виновности. Как правило, не суд обосновывает, почему он считает взятие под стражу необходимой и единственно возможной мерой, а индивид должен пытаться убедить суд, что избрание альтернативной меры было бы достаточным и адекватным. В рассматриваемом деле суд РФ не выполнил обязанности по установлению конкретных обстоятельств для обязательного заключения под стражу, перевешивающих норму о соблюдении личной свободы. Вместо этого он перенёс на обвиняемую бремя доказывания отсутствия предполагаемой возможности того,

---

[87] Валиуллин Р. Р. Ошибки правоприменителей при решении вопроса о содержании под стражей до вынесения приговора [Электронный ресурс] // За правовое государство : проект адвоката Валиуллина Рустема Рафаэлевича. Электрон. дан. [Б. м., б. г.]. URL: http://www.lawfulstate.ru/index.php/analytics/errors-of-lawyers-at-the-decision-of-a-question-on-holding-in-custody-before-adjudgment.html (дата обращения: 05.02.2018).

что она скроется от суда, совершит повторное преступление или войдёт в сговор[88].

Такие субъекты доказывания, как прокурор и суд, в данном случае не занимаются собиранием и проверкой доказательств (как практической деятельностью[89]), а в большей степени осуществляют оценку доказательств (и речь тогда идёт о доказывании в логическом смысле этого слова). Проверка, по сути, сводится к анализу, обосновываются ли представленными материалами выводы следователя о том, что лицо нуждается в такой мере пресечения, или не обосновывается, мотивировано постановление следователя или нет.[90]

Какой же альтернативой обладает суд: применить предлагаемую следователем (дознавателем) меру пресечения или нет? Либо эта альтернатива заключается в ответе на вопрос: применить предлагаемую следователем (дознавателем) меру пресечения (например, заключение под стражу) или иную меру пресечения? Должен ли суд, отказывая в избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения, предложить иную меру пресечения?

Как известно, по общему правилу в соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения. Но что это значит в действительности и как применить это положение на практике, понимают далеко не все. Так, в справке Кемеровского областного суда от 16.02.2010 № 01-26/137[91] указано, что кассационным определением судебной

---

[88] Дело «Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации» : (жалоба № 54071/00) : постановление ЕСПЧ от 7 апр. 2005 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. 2006. № 6. С. 53–68.

[89] Под практической деятельностью здесь понимается осуществление следственных и иных процессуальный действий, и эта позиция совпадает с общей позицией законодателя.

[90] Об элементах уголовно-процессуального доказывания и других используемых здесь и ниже базовых положениях теории доказательств см., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 287-360; Курс советского уголовного процесса: Общая часть. М., 1989. С. 605-634.

[91] Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в 2009 году [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL:

коллегии по уголовным делам Кемеровского областного суда от 15.10.2009 отменено постановление Центрального районного суда г. Кемерово от 03.10.2009 об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении В. Как указала судебная коллегия, судом были нарушены требования ст. 99 УПК РФ и при избрании меры пресечения не обсужден вопрос о возможности избрания иной меры пресечения, кроме содержания под стражей, с учетом данных о личности обвиняемого и иных обстоятельств, заслуживающих внимания, при том, что из пояснений обвиняемого и адвоката в судебном заседании видно, что ими предлагалось избрать меру пресечения в виде залога. Вместе с тем судом исследовались данные о личности обвиняемого В., о его семейном положении и состоянии здоровья, о них указано в постановлении, однако данные обстоятельства, как отметила коллегия, не оценены в свете ходатайства об избрании в отношении В. иной меры пресечения, кроме заключения под стражу.

То есть если есть встречное ходатайство со стороны обвиняемого (подозреваемого) или его защитника о применении иной, более мягкой меры пресечения, то оно должно быть рассмотрено в этом же судебном заседании. Суд должен дать оценку доводам, приведённым обеими сторонами, и вынести мотивированное, законное и обоснованное решение. Вряд ли это спорное положение.

С другой стороны, должен ли суд самостоятельно избирать иную меру пресечения, если отказывает в удовлетворении ходатайства следователя (дознавателя)? Разные мнения правоприменителей и ошибки встречаются и здесь. Например, в Бюллетене суда Еврейской автономной области за II полугодие 2009 года[92] говорится: «В связи с нарушением требований ст. 97 УПК РФ судебная коллегия отменила постановление Октябрьского районного суда в отношении Я.

---

http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=1248#019409538340395405 (дата обращения: 01.07.2018).

[92] Бюллетень суда Еврейской автономной области за II полугодие 2009 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SODV;n=925#006374346497800709 (дата обращения: 01.07.2018).

Следователь ОВД по Октябрьскому району ЕАО обратился в суд с ходатайством о продлении обвиняемому Я. срока содержания под стражей. Судья отказал в его удовлетворении, сославшись на то, что «в материалах отсутствуют достаточные данные, позволяющие суду согласиться с доводами следователя о том, что на свободе обвиняемый может угрожать потерпевшему и свидетелям, иным образом воспрепятствовать производству по делу, а также скрыться от следствия и суда либо продолжить заниматься преступной деятельностью». Вместе с тем при таких обстоятельствах судья избрал Я. меру пресечения в виде домашнего ареста на период предварительного следствия и судебного разбирательства. В данном случае суд не учел, что в ст. 97 УПК РФ перечислены основания не только для избрания заключения под стражу, но и для избрания всех иных мер пресечения, в том числе и домашнего ареста. Если суд пришел к выводу об отсутствии оснований для избрания меры пресечения, он не вправе был помещать Я. под домашний арест».

Эта позиция представляется достаточно логичной. Уже было сказано о том, что избрание меры пресечения происходит в несколько этапов: на первом этапе выясняется наличие обоснованного подозрения в отношении конкретного лица, затем наличие или отсутствие необходимости избрания какой-либо меры пресечения вообще. И только если такая необходимость есть, то на втором этапе из предложенного законодателем перечня компетентному органу следует выбрать конкретную, подлежащую применению в данном случае меру пресечения. Получается, суд должен в своём решении обосновать либо отсутствие оснований для применения меры пресечения вообще, либо недоказанность следователем (дознавателем) необходимости применить именно конкретную меру пресечения. И здесь появляется ещё ряд вопросов. Предположим, суд сделал вывод о том, что оснований для применения меры пресечения нет, и просто отказал в удовлетворении заявленного ходатайства. Может ли после этого следователь или дознаватель самостоятельно избрать для обвиняемого (подозреваемого) меру пресечения, например, в виде подписки о невыезде, руководствуясь теми же доказательствами, что он представлял в суде? Видимо, нет. Решение суда должно

быть преюдициально, и если у следователя (дознавателя) не появилось иных доказательств по этому вопросу, подкрепляющих его позицию, то и принимать решение, противоречащее, по сути, решению суда, он не вправе.

Вторая ситуация: в своём постановлении (определении) суд указал на недоказанность следователем (дознавателем) необходимости применить именно конкретную меру пресечения, не отрицая наличия оснований для применения мер пресечения вообще. Например, суд посчитал предлагаемую следователем (дознавателем) меру пресечения чрезмерно строгой, но при этом ходатайств о применении иной меры пресечения со стороны защиты не поступило. Имеет ли право суд самостоятельно избрать иную меру пресечения? Ответ на этот вопрос не так прост, как могло бы показаться. Суд, если толковать закон буквально, вправе выбирать лишь из четырёх мер пресечения – залог, домашний арест, запрет определённых действий или заключение под стражу. Но если вопрос о наличии или отсутствии постоянного места жительства и регистрации, как правило, исследуется в судебном заседании, то как можно избрать такую меру пресечения, как залог, если вопрос об этом вообще не поднимался и не исследовался в судебном заседании, никто о применении залога не ходатайствовал? Значит, перейти на применение залога судья по собственной инициативе не вправе.

Как представляется, в таких случаях суд может указать в своём решении буквально следующее: «Несмотря на наличие доказательств, свидетельствующих о необходимости избрания обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения, стороной обвинения не доказано (судом не установлено), что мера пресечения должна быть избрана в виде заключения под стражу, и не может быть достаточно применения иной, более мягкой меры пресечения. На основании вышеизложенного в ходатайстве следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу отказать».

Однако необходимо учитывать один важный фактор – необходимость процессуальной экономии. Поскольку решение об избрании меры пресечения принимается оперативно и затягивание принятия решения невыгодно ни одному

участнику процесса, то у суда должна быть возможность избрать более мягкую меру пресечения, а именно домашний арест (конечно, при условии обоснованности подозрения и доказанности необходимости меры пресечения вообще). Такой переход от заключения под стражу к домашнему аресту, как думается, находится в пределах полномочий суда, а подобное решение является производным от оценки обоснованности применения другой меры пресечения. Согласно данным судебной статистики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из общего количества отказанных судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд назначал по собственной инициативе домашний арест в 2015 году в 2,1% случаев, в 2016 году - в 2,7% случаев, в 2017 году - в 3,3% случаев[93].

На практике суду, рассмотревшему вопрос об избрании меры пресечения, иногда указывают на неприменение иной меры пресечения как на недоработку. Так, Ачинским городским судом удовлетворено ходатайство следователя и К., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Судом кассационной инстанции постановление суда отменено, К. из-под стражи освобожден, а материал направлен на новое рассмотрение. Избирая меру пресечения в виде заключения под стражу, суд оставил без должной оценки и внимания то, что он ранее не был судим, подозревается в совершении преступления средней тяжести, имеет постоянное место жительства на территории Российской Федерации, проживает по месту регистрации в г. Назарово, положительно характеризуется по месту жительства и работы, является предпринимателем. Кроме того, данных в материале о том, что К. может продолжить заниматься преступной деятельностью, уничтожить доказательства

---

[93] Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2018 года [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Электрон. дан. [Б. м.], 2009-2019. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.07.2018). (Здесь и далее приводятся данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ).

См. подробнее статистику избрания домашнего ареста на рисунке Ж.2 в Приложении Ж к настоящей работе.

либо иным путем воспрепятствовать производству по делу, не имеется. Более того, в суд кассационной инстанции К. представлены копии документов, свидетельствующие о возмещении потерпевшему материального ущерба. Также судом никак не обсужден вопрос о возможности применения к К. иной меры пресечения, не связанной с заключением под стражу[94].

Президиум ВС РФ указывает, что в ряде случаев, отказывая в заключении под стражу и применяя иную, более мягкую меру пресечения, суды избирали меры пресечения, для применения которых не требуется судебного решения, например, подписку о невыезде и надлежащем поведении[95].

Думается, всё это должно быть учтено при дальнейшем совершенствовании УПК РФ. Статью 97 УПК следовало бы переименовать на «Цели избрания мер пресечения», а ст. 99 уголовно-процессуального закона на «Обстоятельства, подлежащие доказыванию при избрании меры пресечения», где был бы установлен перечень обстоятельств, подлежащих обязательному выяснению. Соответственно, следователь или дознаватель в своем постановлении об избрании меры пресечения или в ходатайстве об избрании меры пресечения должны были бы отразить все эти пункты. Это не только сделало бы выводы следователя более понятными для участников процесса, но и значительно облегчило бы работу должностных лиц, осуществляющих процессуальный контроль и надзор за действиями и решениями следователя и дознавателя. Всё это позволило бы обеспечить единообразную практику применения мер пресечения, исключило множество ошибок, и, возможно, тогда получилось бы более активно задействовать все меры пресечения, а не только арест и подписку о невыезде, как

---

[94] Обзор кассационной и надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2010 год [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=3438#00983814111 1928578 (дата обращения: 01.12.2018).

[95] Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей [Электронный ресурс] : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 18 янв. 2017 г. // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/ (дата обращения: 19.04.2017).

это происходит в настоящее время. Вместе с тем основания применения мер пресечения в таком случае стали бы ясными и четкими, что само по себе привело бы к единообразию практики применения мер пресечения и уже явилось бы гарантией законности.

Изначально задумывалось, что в силу норм УПК РФ именно независимый и беспристрастный суд возьмет на себя обязанность объективной проверки и оценки действительного наличия юридических и фактических оснований для (возможного) ограничения прав и свобод личности по внесенному в суд требованию следственных органов. Декларировалось, что, являясь органом судебной власти, будучи априори исключенным из общей системы государственных органов, ориентированных на борьбу с преступностью, именно суд сможет стать надежным барьером на пути ведомственных интересов правоохранительных органов, будет в состоянии исключить массовое применение мер процессуального принуждения при отсутствии к тому оснований[96]. Но с той колоссальной нагрузкой на судей, которую мы имеем на данный момент, вряд ли можно говорить о качественном рассмотрении этих вопросов (например, о применении мер пресечения).

А. Д. Прошляков и Л. А. Александрова справедливо отмечают, что «не прошло, проверки временем утверждение, что определение (постановление) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не может быть связано с вопросами приговора. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 19 декабря 2013 г. N 41 перечислил материалы, подтверждающие наличие оснований и условий для применения конкретной меры пресечения. Среди них есть и постановление о возбуждении уголовного дела, и копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого, да и сам вопрос о причастности лица к

[96] Ковтун Н. Н., Суслова Е. Н. Эффективность оперативного судебного контроля // Уголовное судопроизводство. 2010. № 3. С. 7–15.

совершению конкретного преступления, думается, нельзя признать совершенно не связанным с выводом о его виновности.[97]

В связи с этим вполне обоснованной представляется позиция И. Ф. Демидова, настаивающего на создании института специализированных органов судебной власти – федеральных следственных судей, осуществляющих исключительную функцию судебного контроля и свободных от полномочий по отправлению правосудия не только по делу, по которому принимали решения на этапе досудебного производства, но также по любому другому делу[98].

Т. В. Трубникова, А. Тришева придерживаются аналогичной позиции и также считают, что наиболее оптимальным вариантом решения сложившейся проблемы будет являться сосредоточение соответствующих полномочий в руках специализированных судей[99]. В. М. Лебедев в своей работе также отмечает, что судебный контроль за расследованием может быть обеспечен и путем поручения этой функции следственному судье[100].

В течение нескольких лет В. Ю. Мельников отстаивает точку зрения о необходимости внедрения институту следственных судей: введение института следственных судей с возложением на них контрольных функций в досудебном производстве вполне укладывается в существующую тенденцию дифференциации судебных органов (судья общей юрисдикции, мировой судья, следственный судья) при четком разграничении компетенций каждого из указанных направлений судебной власти. Следственные судьи должны быть отнесены к судьям общей юрисдикции и входить в единую судебную систему РФ. В связи с

---

[97] Прошляков А.Д., Александрова Л.А. О недопустимости повторного участия судьи в производстве по уголовному делу // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. N 6. С. 105 - 113.

[98] Демидов И. Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы : материалы конф. М.; Тюмень, 1995. С. 24.

[99] Трубникова Т. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения заключения под стражу в современном уголовном судопроизводстве // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Экономика, юридические науки. 2003. № 4. С. 50; Тришева А. Институт следственных судей – необходимое условие состязательности судопроизводства // Законность. 2009. № 7. С. 56.

[100] Лебедев В. М. Судебная власть в современной России. СПб., 2001. С. 71–72.

этим безусловно и то, что на следственных судей должны распространяться все правовые положения, применяемые к судьям как таковым, в том числе обеспечение независимости[101]. Представляется целесообразным создание специализированной судебной системы в виде аппарата следственных судей, выделение судебного контроля в качестве самостоятельного направления судебной деятельности с законодательной регламентацией ее в отдельной главе УПК РФ[102].

Ещё одним автором, поддерживающим создание аппарата следственных судей, является Л. М. Фетищева. Она пишет, что шагом к созданию качественно новой модели превентивного судебного контроля могло бы стать введение в отечественный уголовный процесс института следственного судьи. Этот новый орган судебного контроля должен распространяться на все уголовные дела. При разрешении следственным судьей ходатайства органа уголовного преследования об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого в совершении преступления (в том числе и экономической направленности) доказывание обоснованности обвинения и оснований той или иной меры пресечения должно производиться на основе состязательности, равенства сторон, устности, гласности, непосредственности, независимости следственного судьи от прокуратуры, исполнительной власти[103].

М. С. Кесаева пишет, что необходимо решиться на создание совершенно иной правовой платформы досудебной деятельности сторон, центральным элементом ее должен быть следственный судья. Все досудебное производство должно быть выведено из структуры уголовного судопроизводства[104].

---

[101] Мельников В. Ю. Судебный контроль в условиях состязательности уголовного процесса // Рос. судья. 2010. № 8. С. 8–11.

[102] Мельников В. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 14.

[103] Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С.16.

[104] Кесаева М. С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С.13.

А. В. Смирнов, советник Конституционного суда РФ, обосновывая необходимость введения штата следственных судей, приводит следующие доводы: «Судьи, чьей основной задачей является рассмотрение дел по существу, большую часть рабочего времени вынуждены посвящать рассмотрению жалоб участников процесса, даче разрешений на заключение под стражу, проведение органами расследования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Например, в 2013 году материалы, рассмотренные районными судами в порядке судебного контроля, составили 59,3% от общего числа всех рассмотренных этими судами дел и материалов в порядке уголовного судопроизводства. В результате судьи просто не успевают подробно вникать в эти вопросы и относятся к принятию решений формально. Так, ходатайства следователей о заключении обвиняемых и подозреваемых под стражу в 2013 году удовлетворялись районными судами в 91,8% случаев[105]. Загруженность «непрофильными» вопросами неизбежно снижает качество рассмотрения основных уголовных дел, тем более что «арестные» полномочия плохо совместимы с сохранением беспристрастности судей при вынесении приговора»[106].

Действительно, поскольку существует достаточно широкий круг вопросов, которые укладываются в функцию судебного контроля, и более того, можно выделить самостоятельное судебно-контрольное производство, то, на наш взгляд, эта функция должна быть институциализирована.

Одним из доводов сторонников отказа от превентивного судебного контроля является ссылка на его якобы низкую эффективность. Действительно, в некоторых регионах суды санкционируют до 98-99 % арестов. Критики превентивного судебного контроля утверждают, что он осуществляется

---

[105] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2013 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Электрон. дан. [Б. м.], 209-2019. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=2508 9 (дата обращения: 05.03.2018).

[106] Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] // Международная Организация Содействия Правосудию. Электрон. дан. [Б. м.], 2005-2018. URL: http://www.iuaj.net/node/1723 (дата обращения: 05.03.2018).

преимущественно за рамками состязательности. Этот довод не совсем понятен, тем более, что правовая природа российского уголовного процесса является публичной. Нельзя согласиться со сторонниками такого предложения и по другому поводу: превентивный судебный контроль является правовой преградой для следователя или дознавателя неспроста. Для гражданина, в отношении которого планируется совершить некоторые действия, существенно влияющие на его права, превентивный судебный контроль – дополнительная гарантия его прав и свобод.

О. В. Химичева также предложила некоторые меры по совершенствованию средств судебного контроля, в частности, установление права ознакомления сторон с материалами, представленными в суд в подтверждение обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения и указание потерпевшего и его представителя в числе лиц, участвующих в рассмотрении судьей ходатайства о применении меры пресечения[107]. Эти изменения видятся разумными и обоснованными, внедрение предложенных положений на практике могли бы существенно повысить действие принципа состязательности в судебном разбирательстве по избранию меры пресечения.

Ещё одним предложением по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере является следующее: внести изменения в ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ, сократив срок содержания под стражей при первоначальном избрании этой меры пресечения судом до 1 месяца.

Наше исследование материалов уголовных дел свидетельствует о том, что судьи в своих решениях используют чаще всего одни и те же аргументы в обоснование выбора меры пресечения, и наиболее значимыми доводами становятся тяжесть содеянного, наличие регистрации и постоянного места жительства, отношение к труду, характеристика личности и криминальное

---

[107] Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 10.

прошлое обвиняемого (подозреваемого)[108]. Эти данные также свидетельствуют о некой штамповке решений о мере пресечения. В какой-то мере это понятно, ведь первоначальное решение суд принимает в условиях срочности и оперативности, при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения впервые суд не всегда имеет всю полноту информации (так как следователь, по сути, собирает многие обосновывающие материалы за 48 часов), но ведь при всём этом основная ответственность за законность принятого решения лежит на судье. При таких условиях 2 месяца – неоправданно долгий срок для ареста, сопоставимый со сроком предварительного следствия. Но ведь этот вопрос связан не с раскрытием преступления, поэтому и за 1 месяц некоторые обстоятельства вполне могут измениться (в том числе и позиция следователя может укрепиться), могут появиться новые данные, которые позволят по-другому взглянуть на рассматриваемый вопрос. Это не исключает возможности для адвоката или обвиняемого обратиться с ходатайством об изменении меры пресечения раньше, но в то же время стимулирует и следователя (дознавателя), и сторону защиты к сбору дополнительных данных и обоснованию своей позиции. Соответственно, этот вопрос будет действительно находиться на судебном контроле, и степень обоснованности решения будет с течением времени только возрастать. Об этом требовании к повышению уровня обоснованности говорит и ЕСПЧ: «Существование обоснованного подозрения о том, что задержанное лицо совершило преступление, является условием для признания законности продления срока содержания под стражей, но по прошествии времени этого становится недостаточно, и Суд должен в этом случае установить, существовали ли иные основания для лишения свободы, указанные судебными органами. Когда такие основания являются «обоснованными» и «достаточными», Суд также должен убедиться в том, что национальные органы проявили «особую

[108] См. подробнее Приложение Д «Анализ постановлений судов об избрании меры пресечения»

тщательность» при проведении разбирательств» (пункт 90 Постановления от 13 ноября 2012 года по делу *Королева против Российской Федерации*)»[109].

И последний аспект, на который хотелось бы обратить внимание в данном параграфе, касается вопроса *места и роли прокурора* при решении рассматриваемых вопросов[110]. В связи с многочисленными изменениями законодательства начиная с 2007 года, прокурор фактически утратил функцию процессуального руководства следствием, большая часть полномочий прокурора была передана руководителю следственного органа. Прокуратура как до революции, так и сейчас (однако не всеми авторами) рассматривается, прежде всего, как субъект надзора за соблюдением законности[111], суть которого В. Крюков видит в государственно-властном наблюдении за единообразным исполнением правовых предписаний с принятием мер к восстановлению нарушенных прав[112]. Одной из приоритетных линий надзора уже в течение многих лет называется надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина[113]. Таким образом, на сегодняшний день прокуратура – единственный орган, осуществляющий надзор за законностью действий, принимаемых решений и издаваемых актов всеми органами власти и управления, в том числе и силовыми. Сейчас прокурор фактически лишен возможности осуществлять уголовное преследование, но, надзирая за законностью действий следователя в

---

[109] Правовые позиции Европейского суда по правам человека, касающиеся применения пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации. М., 2013. 78 с. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=8856 (дата обращения: 05. 04.2018).

[110] Автор настоящей работы подробно описывал положение прокурора на этапе предварительного расследования в статье: Железняк Н.С., Иванова О.Г. Процессуальное положение прокурора в рамках предварительного следствия // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 2. С. 84–88.

[111] Барабаш А. С. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам // Законность. 2011. № 4. С. 5–10.

[112] Крюков В. Ф. Курс лекций по прокурорскому надзору : учеб. пособие для юридических вузов и факультетов. Курск, 2000. С. 27; Его же. Прокурорский надзор : учебник для вузов. М., 2006. С. 32–33.

[113] Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс] : приказ Генпрокуратуры Рос. Федерации от 7 дек. 2007 г. № 195 // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90762/ (дата обращения: 01.07.2018).

меру имеющихся полномочий, он решает свою главную задачу – осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека, как подвергшегося уголовному преследованию, так и потерпевшего от преступления.

О. В. Химичева справедливо указывает, что прокурор должен вмешиваться в досудебное производство только лишь с целью предупреждения, выявления и устранения нарушений закона (но не для осуществления процессуального руководства расследованием)[114].

Формулировку ч.1 ст. 37 УПК РФ, в которой указано, что прокурор осуществляет от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, следует изменить на следующую: «Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства надзор за соблюдением законодательства в ходе уголовного судопроизводства, а также возбуждать и поддерживать государственное обвинение в суде». При этом следует признать, что на досудебной стадии уголовного процесса, а именно в рамках предварительного расследования, прокурор, осуществляя функцию надзора, имеет особые (в силу специфики отрасли), закрепленные в УПК РФ надзорные полномочия по отношению к органам следствия, используемые для обеспечения законности при проведении расследования, и более широкие полномочия по отношению к дознанию (часто о них говорят как о процессуальном руководстве дознанием). Так, например, прокурор даёт согласие дознавателям на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу – и этим уже формирует свою позицию по данному вопросу. Именно поэтому, представляется, что дознаватель не вправе отказаться от поддержания заявленного им ходатайства без согласия прокурора, но отказ прокурора от поддержания заявленного дознавателем ходатайства должен быть обязателен для суда.

---

[114] Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 20.

Следователю согласие прокурора на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения не нужно, поэтому, когда в суде прокурор даёт своё заключение по ходатайству следователя, то вправе его не поддержать. Следуя этой логике, отказ прокурора от поддержания заявленного следователем ходатайства в судебном заседании не должен прекращать производство по рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения, поскольку поддерживать и обосновывать ходатайство может сам следователь. При этом отказ следователя от поддержания заявленного им ходатайства должен быть обязателен для суда, если прокурор также откажется поддерживать его.

Опрошенные практические работники в большинстве своём неверно видят и понимают функцию прокурора в данном случае: 42 % на вопрос анкеты ответили, что прокурор, принимая участие в судебном заседании по рассмотрению ходатайства об избрании обвиняемому (подозреваемому) залога, домашнего ареста или заключения под стражу, всегда должен поддерживать ходатайство следователя (дознавателя), но 58 % опрошенных считают, что он должен делать это только по своему усмотрению.

В своей статье Ю. Ю. Уланова, судья судебной коллегии по уголовным делам Псковского областного суда, пишет, что «на практике существует проблема правовой неурегулированности заключения под стражу в период окончания предварительного следствия и направления его в суд»[115]. Так, в ряде решений Европейский суд признал системной незаконную практику судов России в нарушение ч. 1 ст. 5 Конвенции, когда содержание под стражей осуществлялось только на основании того, что дело направлено в суд («Корчуганова против Российской Федерации», постановление от 08 июня 2006 г.[116], «Нахманович против Российской Федерации», постановление от 02 марта 2006 г.[117] и др.).

---

[115] Уланова Ю. Ю. Влияние постановлений Европейского суда по правам человека на судебную практику об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Рос. судья. 2010. № 4. С. 11–13.

[116] Бюл. Европейского суда по правам человека. 2006. № 11. С. 73, 110–122.

[117] Там же. № 6. С. 55, 81–99.

По этому вопросу имеется только одно постановление Конституционного Суда Российской Федерации[118] с расплывчатой формулировкой следующего содержания: «Прокурор... при утверждении обвинительного заключения и направлении уголовного дела в суд обязан проверить, не истекает ли установленный судом срок содержания под стражей и достаточен ли он для того, чтобы судья имел возможность принять решение о наличии или отсутствии оснований для дальнейшего применения заключения под стражу на судебных стадиях производства по делу. Если к моменту направления дела в суд этот срок истекает или оказывается недостаточным... прокурор в соответствии со ст. ст. 108 и 109 УПК РФ обязан обратиться в суд с ходатайством о продлении срока содержания обвиняемого под стражей...». Фактически вопрос о необходимости и времени подачи такого ходатайства отдан на произвольное усмотрение прокурора[119]. С другой стороны, прокурор не просто вправе, а обязан обращаться в суд с ходатайством о продлении срока содержания обвиняемого под стражей.

Абсолютно справедливой нам видится следующая мысль: «Парадоксально, но факт: если прокурор отказался от обвинения в суде (даже на этапе подготовки дела к судебному заседанию), то такой отказ для суда обязателен. Если прокурор не видит оснований для заключения обвиняемого под стражу, более того, из месяца в месяц, а то и из года в год последовательно утверждает, что последний подлежит освобождению из-под стражи, ибо само уголовное дело возбуждено в отношении него незаконно, законодатель снисходительно позволяет суду подобные рассуждения прокурора игнорировать» [120].

---

[118] По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125218/ (дата обращения: 04.05.2018).

[119] Уланова Ю. Ю. Указ. соч.

[120] Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие: в 2 ч. / В. А. Давыдов [и др.]; под ред. В. М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2016. Ч. 1. 231 с.

В соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения. Примечательно, что указанное участие сформулировано законодателем как право, а не обязанность. Уполномочен – значит, может, вправе. То есть, отсутствие прокурора в судебном заседании, например, после заявления о неподдержании ходатайства само по себе не противоречит закону.

В случаях, когда суд отказывает следователю или дознавателю в удовлетворении ходатайства, сам ходатайствующий не вправе обжаловать решение суда, и если прокурор не делает этого, то способа для обжалования нет.

Примечательно, что по результатам изучения материалов районного суда г. Томска было обнаружено, что, одновременно с удовлетворением ходатайства следователя (дознавателя) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, суд выносил частные определения в адрес руководителя следственного органа в связи с нарушением следователем норм уголовно-процессуального кодекса, волокитой, отсутствием действий по делу в течение длительного времени (пока обвиняемый находился под стражей!) и так далее. То есть, принимая во внимание все нарушения со стороны следователя, суд всё же не отказывал в ходатайстве, поэтому из изученных 167 материалов нашелся лишь один отказ[121].

Таким образом, говоря о деятельности (функциях) субъектов уголовного процесса в ходе производства по избранию меры пресечения судом, можно сделать следующие выводы:

- основными субъектами производства по избранию меры пресечения судом являются следователь, дознаватель, прокурор, судья;

---

[121] Подробнее посмотреть результаты изучения практики можно в приложении Г к настоящей работе.

- функцию обоснования вывода о необходимости избрания определенной меры пресечения в рассматриваемом производстве реализует следователь или дознаватель путем заявления соответствующего ходатайства и участия в его рассмотрении судом;

- суд реализует функцию судебного контроля путем рассмотрения и разрешения ходатайства в порядке судебного разбирательства;

- прокурор надзирает за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия и может поддержать заявленное следователем или дознавателем ходатайство либо отказаться от его поддержания, обеспечивая соблюдение законности избрания меры пресечения;

В части реализации указанных функций видится обоснованным следующий механизм взаимодействия субъектов:

- отказ прокурора от поддержания заявленного следователем ходатайства в судебном заседании не прекращает производство по рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения, при этом следователю предоставляется право поддерживать заявленное ходатайство;

- отказ следователя от поддержания заявленного им ходатайства обязателен для суда, если прокурор также откажется поддерживать его;

- дознаватель не вправе отказаться от поддержания заявленного им ходатайства без согласия прокурора;

- отказ прокурора от поддержания заявленного дознавателем ходатайства обязателен для суда;

- разрешение ходатайства об избрании меры пресечения должно быть возложено на институт федеральных следственных судей, который необходимо учредить для осуществления функции судебного контроля на этапе досудебного производства;

- в целях обеспечения состязательности и равенства прав сторон, стороне защиты должно быть предоставлено право ознакомления с материалами производства до судебного заседания;

- потерпевшего и его представителя надлежит уведомлять о назначении судебного заседания по рассмотрению ходатайства следователя об избрании меры пресечения, также потерпевшему и его представителю должно быть предоставлено право участвовать в рассмотрении судьей ходатайства о применении меры пресечения.

Сформулировано предложение сократить срок содержания под стражей при избрании заключения под стражу до 1 месяца.

2 Особенности доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом

2.1 Предмет и пределы доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом

Важными характерными чертами доказывания при производстве по избранию мер пресечения судом являются круг подлежащих исследованию общих и непосредственных объектов (предмет доказывания в широком и в узком смысле)[122] и степень их установления (пределы доказывания или доказанности[123]).

Общими объектами исследования, имеющими значение для субъекта доказывания в данном производстве, являются преступление, личность и ближайшее социальное окружение обвиняемого (подозреваемого). Подразумевается, что субъекты доказывания (следователь, дознаватель, прокурор и суд) обязаны установить следующие обстоятельства: свидетельствующие о причастности конкретного лица к совершению преступления, инкриминируемого ему органами предварительного расследования; характеризующие личность обвиняемого (подозреваемого) и его ближайшее социальное окружение; свидетельствующие о том, что обвиняемый (подозреваемый) намерен скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать установлению истины и т.п.

Это значит, что в каждом случае требуются доказательства, которые, с одной стороны, подтверждают участие лица в совершении преступления в степени обоснованного подозрения, а с другой – указывают либо на совершенные

---

[122] Под непосредственными объектами исследования имеются ввиду отдельные фрагменты действительности, которые необходимо установить для решения задач уголовного судопроизводства. Это предмет непосредственного познания (доказывания), который выделяют наряду с предметом доказывания в «классическом», широком смысле (общим предметом доказывания или обстоятельствами, подлежащими доказыванию). См. об этом подробнее: Россинский С. Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М., 2015. С. 35-40.

[123] См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. – Воронеж, 1978. С. 85-94; Стойко Н. Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1984. С. 22-23; Стойко Н. Г., Барабаш А.С. Доказывание при прекращении уголовных дел: Вопросы реабилитации и освобождения от уголовной ответственности: Уч. пособие. Красноярск, 1996. С. 25-28.

действия по воспрепятствованию осуществления уголовного правосудия, либо на реальную возможность совершения данным лицом подобных действий, либо на то, что лицо будет продолжать заниматься преступной деятельностью.

Этот вывод подтверждается и законодателем, в частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»[124] среди прочего указано, что в постановлении о рассмотрении ходатайства в порядке статьи 108 УПК РФ суду следует дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления, должны быть приведены результаты исследования в судебном заседании конкретных обстоятельств, обосновывающих избрание данной меры пресечения или продление срока ее действия, доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств, а также оценка судом этих обстоятельств и доказательств с изложением мотивов принятого решения. При этом в решении не должно содержаться формулировок о виновности лица. Аналогичные по своей сути разъяснения содержались и в более раннем, ныне не действующем, постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 22, где было также указано, что суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом преступлении.

Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных сведений о том, что лицо могло совершить преступление (например, лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.).

Если исходить из этимологии слова, то классически подозрение понимается

---

[124] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 : (ред. от 24 мая 2016 г.) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 04.05.2018).

как предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-нибудь поступков; предположение о возможности чего-нибудь[125] или предположение о виновности кого-либо, о предосудительности чьих-либо поступков, догадка. Таким образом, получается, что в вышеназванном постановлении Пленума речь идёт о доказывании предположения о том, что конкретное лицо причастно к совершению преступления или, иначе говоря, подозрения.

Более точной и верной, как представляется, была бы следующая формулировка: «Для решения вопроса о возможности применения меры пресечения к конкретному лицу, органы предварительного расследования должны представить суду достаточные сведения, в том числе указанные в статье 91 УПК РФ, дающие основания обоснованно подозревать конкретное лицо в причастности к совершению инкриминируемого ему деяния».

Постановление об избрании меры пресечения должно содержать указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, и основания для избрания этой меры пресечения. Поскольку законом в данном случае не требуется полное изложение обвинения, судьи при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения обоснованно лишь указывают статьи, по которым предъявлено обвинение, и кратко излагают обстоятельства преступления, в совершении которого лицо обвиняется или подозревается. Вместе с тем и здесь суды допускают нарушения, так, из 19 страниц постановления о продлении С. срока содержания под стражей 17 страниц содержали описание преступных деяний, в совершении которых он обвиняется, что не вызывалось необходимостью (Железнодорожный районный суд г. Рязани)[126]. Это важное требование закона:

---

[125] Ожегов С. И. Словарь русского языка: 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М., 1986. С. 466.

[126] Обобщение судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (продлении срока содержания под стражей) по материалам, рассмотренным районными и городскими судами Рязанской области в 2008 году [Электронный ресурс] : обзор судебной практики Рязанского областного суда от 29 окт. 2009 г. // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOCN;n=14192#07807314578351834 (дата обращения: 01.07.2018).

суд при принятии решения о мере пресечения не должен вдаваться в вопросы виновности лица в совершении инкриминируемых ему деяний.

Вопреки всем разъяснениям на практике совершались и совершаются ошибки. Так, например, в справке Кемеровского областного суда от 24.08.2015 № 08-22/666 приводится следующий случай. Постановлением Ижморского районного суда от 05.03.2015 Ф. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 2 месяца. В обоснование вывода о необходимости избрания в отношении обвиняемого Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу суд указал в постановлении, что обвиняемый совершил преступления в период условного осуждения, предрешив, таким образом, вопрос о виновности обвиняемого, что при решении вопроса о применении меры пресечения является недопустимым. Судом апелляционной инстанции допущенное нарушение закона устранено (апелляционное постановление № 22к-1526 от 25.03.2015)[127].

Ещё одним примером действия этого правила является кассационное определение Липецкого областного суда от 24.02.2011 по делу № 22к-325/2011: «Постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 163 ч. 2 п. «а» УК РФ, изменено, из описательно-мотивировочной части постановления исключено указание на тяжесть предъявленного обвинения и на то, что подозреваемый является членом организованной преступной группы, поскольку на тот момент обвинение подозреваемому предъявлено не было. При избрании меры пресечения суд не вправе входить в обсуждение виновности лица, в связи с этим указание в описательно-мотивировочной части на то, что Б. является членом организованной преступной группы, не основано на законе. Данное указание также подлежит исключению».

---

[127] Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в первом полугодии 2015 года [Электронный ресурс] : справка Кемеровского областного суда от 24 авг. 2015 г. № 08-22/666 // Там же. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=135238#06381570835146488 (дата обращения: 01.12.2018).

В справке Кемеровского областного суда от 15.08.2011 № 01-07/26-494[128] также указывается, что нередко судьи не учитывали необходимость в каждом конкретном случае проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. При этом следует иметь в виду, что обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что соответствующее лицо могло совершить это преступление, в том числе данных, указанных в ст. 91 УПК РФ. Отменяя постановление Центрального районного суда г. Новокузнецка от 03.05.2011 в отношении Ч., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам Кемеровского областного суда в том числе указала, что суд, принимая решение об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, не проверил обоснованность подозрения Ч. в причастности к преступлению (кассационное определение от 27.05.2011).

Как видим, на практике суды в разных случаях по-разному понимают требование об установлении причастности лица к совершению преступления, толкуя это положение или необоснованно широко (и тогда неизбежно вдаются в вопросы вины), или слишком узко (то есть фактически упускают этот вопрос из рассмотрения). Но как найти эту грань и определить, какими доказательствами должен располагать следователь или дознаватель, чтобы обосновать подозрение (доказать суду вероятную причастность лица к преступлению)?

Здесь необходимо помнить, что на этапе избрания меры пресечения вину лица доказывать ещё не нужно. О причастности лица к совершению преступления могут свидетельствовать некоторые доказательства, уже имеющиеся в материалах уголовного дела, например, протокол задержания по ст. 91 УПК, постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, показания свидетелей. Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013

---

[128] Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в 1 полугодии 2011 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=3463#013346934998211268 (дата обращения: 01.12.2018).

№ 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» содержит следующее правило: «Рассматривая ходатайство об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, суд должен выяснить, приложены ли к нему копии постановлений о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого; копии протоколов задержания, допросов подозреваемого, обвиняемого; иные материалы, свидетельствующие о причастности лица к преступлению...».

Таким образом, при решении вопроса судом об избрании меры пресечения в каждом случае и в первую очередь следует установить обстоятельства, указывающие на вероятную причастность лица к совершению преступления (обоснованное подозрение). С точки зрения А. Я. Сухарева, основаниями применения меры пресечения являются любые сведения, полученные в процессуальном порядке, которые, с одной стороны, подтверждают участие лица в совершении преступления, с другой – указывают на совершение действий по воспрепятствованию осуществления уголовного правосудия, либо на реальную возможность совершения указанным лицом подобных действий, либо на то, что оно будет продолжать заниматься преступной деятельностью. Возникает вопрос: что значит «сведения, которые подтверждают участие лица в совершении преступления»? Имеется ли в виду обоснованное подозрение (причастность лица к совершению преступления) и чем это может быть подтверждено?

Подп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. говорит о том, что «законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения»[129].

---

[129] Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : заключена в г. Риме от 4 нояб. 1950 г. : (с изм. от 13 мая 2004 г.) // КонсультантПлюс –

Конституционный суд также в своих решениях не раз говорил о необходимости обоснованного подозрения в совершении преступления для применения к лицу меры пресечения[130].

Несмотря на то, что Россия давно ратифицировала Римскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года, и на то, что в последние годы произошли немалые изменения в уголовно-процессуальном законодательстве России, и сегодня суды в большинстве своем не учитывают практику ЕСПЧ, забывая об основных его рекомендациях. Р. Р. Валиуллин указывает, что суды не исследуют существенных обстоятельств, на которых должно основываться столь серьезное ограничение прав и свобод граждан[131].

В отношении любого лица действует признанная мировым сообществом презумпция свободы (praesumpito libertatios), в силу которой обычное состояние человека – нахождение вне мест задержания[132]. Пункт «с» статьи 5 Европейской конвенции закрепляет возможность лишения свободы в случае законного задержания или заключения под стражу лица, произведённого с тем, чтобы лицо предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения.

Таким образом, в Конвенции указывается на цели избрания мер пресечения, и нужно сказать, что в УПК РФ эти цели также предусмотрены, однако

надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 01.07.2018).

[130] (Примером могут служить Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2005 г. № 330-О, от 19 июня 2007 г. № 592-О-О).

[131] Валиуллин Р. Р. Ошибки правоприменителей при решении вопроса о содержании под стражей до вынесения приговора [Электронный ресурс] // За правовое государство : проект адвоката Валиуллина Рустема Рафаэлевича. Электрон. дан. [Б. м., б. г.] URL: http:// www.lawfulstate.ru/index.php/analytics/errors-of-lawyers-at-the-decision-of-a-question-on-holding-in-custody-before-adjudgment.html (дата обращения: 05.02.2018).

[132] Гриненко А. В. Задержание и заключение под стражу должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными // Журн. рос. права. 2005. № 3. С. 97.

Конвенция говорит и об обоснованности через формулы «обоснованное подозрение» и «достаточные основания полагать».

Мы согласны с теми авторами, которые отмечают, что нормы УПК РФ по-прежнему не в полной мере отвечают требованиям ст. 5 Конвенции[133] в том смысле, что вопреки ст. 5 Конвенции российский законодатель не считает основанием для ареста наличие обоснованного подозрения лица в совершении преступления. В постановлениях Европейского суда по делу Калашникова от 15 июля 2002 г.[134] и по делу Худоерова от 8 ноября 2005 г.[135] говорится об обязанности суда при решении вопроса о содержании обвиняемого под стражей выяснять «наличие разумно обоснованного подозрения в отношении задержанного лица в совершении им преступления». Сейчас несколько похожее требование, как уже отмечалось, содержится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» от 19.12.2013 № 41, но в УПК РФ никаких изменений в связи с этим не внесено.

На основании вышеизложенного думается, что при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения субъект доказывания должен располагать данными о том, что лицо неким образом связано с преступлением, или принадлежит к числу участвующих в нём, или имеет к нему прямое отношение, приобщён к нему. Иными словами, субъект доказывания должен иметь в отношении конкретного лица обоснованное подозрение. Но на данном этапе ещё нельзя требовать от субъекта доказывания доказательств вины обвиняемого (подозреваемого). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 сказано, что «избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение

---

[133] Уланова Ю. Ю. Указ. соч.

[134] Европейский суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России (сборник документов). М., 2004. С. 88–115.

[135] Бюл. Европейского суда по правам человека. 2006. № 7. С. 57–99.

предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление»[136]. Вывод об обоснованности подозрения должен подтверждаться данными, свидетельствующими о причастности обвиняемого (подозреваемого) к преступлению. В качестве таких данных не могут рассматриваться доказательства, подтверждающие само событие преступления[137].

Обоснованное подозрение, указывающее на причастность к совершению преступления, должно подтверждаться доказательствами и может быть выражено в любом из следующих документов: в постановлении о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительном акте, обвинительном постановлении, уведомлении о подозрении, протоколе задержания в соответствии со ст. 91, 92 УПК РФ. Представляется, что одного из этих процессуальных документов достаточно, чтобы говорить о том, почему именно в отношении данного лица рассматривается вопрос о мере пресечения. Большего на данном этапе не требуется. Из этих процессуальных документов уже видно, как следователь или дознаватель пришел к выводу о том, что это лицо причастно к совершению преступления. Суд должен установить наличие в уголовном деле доказательств, дающих право с высокой степенью вероятности предполагать, что данное преступление совершено именно этим лицом.

Таким образом, причастность лица к совершению преступления – это обстоятельство, подлежащее доказыванию в степени обоснованного подозрения, необходимое для того, чтобы говорить, почему в отношении данного лица ставится вопрос об избрании меры пресечения.

---

[136] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 : (ред. от 24 мая 2016 г.) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 04.05.2018).

[137] Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей [Электронный ресурс] : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 18 янв. 2017 г. // Там же. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/ (дата обращения: 19.04.2017).

К сожалению, причастность к совершению преступления или обоснованное подозрение упоминается всего в 5 % изученных постановлений суда об избрании меры пресечения, а в постановлениях суда о продлении меры пресечения «обоснованность подозрения» – в 2 %.

Ряд авторов указывают ещё и на то, что при избрании меры пресечения должна учитываться доказанность материалами уголовного дела факта совершения преступления. Однако представляется, что это требование несколько надуманно, так как уже имеется факт возбуждения уголовного дела – это юридический факт, порождающий правоотношения между государством и лицом, совершившим преступление. А значит, факт совершения преступления установлен и не требует проверки на данном этапе.

При этом не могу согласиться с теми авторами, которые считают, что суду надлежит в каждом конкретном случае решения вопроса об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу проверять обоснованность не только подозрения, но и обвинения лица в совершении преступления и нельзя ограничиться проверкой обоснованности подозрения обвиняемого в совершении иных преступлений, не оценив обоснованность выдвинутого обвиняемому обвинения[138]. Это предложение, как представляется, прямо противоречит правилу о запрете вдаваться в вопросы вины и самой презумпции невиновности, кроме того, меры пресечения могут применяться не только к обвиняемому, но и к подозреваемому, и о какой оценке обоснованности обвинения тогда следует говорить? Это требование закона будет нарушено и в том случае, когда суд, например, продлевая обвиняемому меру пресечения в виде заключения под стражу, ссылается на протоколы следственных действий, несмотря на то, что эти вопросы впоследствии будут предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, а также указывает, что

---

[138] Рыжаков А. П. Анализ разъяснений практики применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста : комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29 окт. 2009 г. № 22 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ: информ. правовое обеспечение. Электрон. дан. М., 2019. URL: http://base.garant.ru/5854299/#ixzz5sOmSkfXA (дата обращения: 01.07.2018).

обвиняемый вину не признал, в содеянном не раскаялся, что также является недопустимым в силу действия презумпции невиновности.

Итак, при наличии обоснованного подозрения в причастности лица к совершению преступления можно перейти к вопросу о необходимости избрания меры пресечения вообще и выбора конкретной меры пресечения в частности. Здесь появляется понятие основания выбора меры пресечения.

Кроме причастности уголовно-процессуальный закон требует обоснования возможных противоправных намерений обвиняемого. Так, заключение под стражу как мера пресечения может быть применена при наличии любого из общих «оснований», установленных ч. 1 и 2 ст. 97 УПК РФ. Что же может указывать на желание совершить действия по воспрепятствованию осуществления уголовного правосудия, либо на реальную возможность совершения указанным лицом подобных действий, либо на то, что лицо будет продолжать заниматься преступной деятельностью? Если причастность лица к совершению преступления обоснована в достаточной мере, то необходимость избрания меры пресечения и её вид определяются на основе сведений о ненадлежащем поведении обвиняемого (подозреваемого) или предположения о возможности такого поведения. Намерения обвиняемого (подозреваемого) воспрепятствовать установлению истины или в дальнейшем заниматься преступной деятельностью должны быть подтверждены имеющимися в деле данными. Эти данные должны быть закреплены в материалах уголовного дела в установленном процессуальном порядке. На необходимость применения какой-либо меры пресечения могут указывать такие обстоятельства, как наличие судимости, способ и характер совершенного преступления, совершение административных проступков, отрицательное поведение в быту, отсутствие постоянного места жительства, отсутствие работы и др. Получается, что даже исходя из такой трактовки, в постановлении об избрании меры пресечения должны быть указаны все обстоятельства, позволившие следователю сделать прогноз о дальнейшем поведении обвиняемого. Причём в таком документе должны быть ссылки на конкретные обстоятельства и указания на листы дела. К

сожалению, это практически не выполняется. Следователи зачастую лишь указывают ссылку на пункт ст. 97, 99 УПК РФ.

Под основанием выбора меры пресечения понимается вывод, сделанный следователем на основании собранных доказательств, из которого вытекает необходимость применения конкретной меры пресечения. Это то, исходя из чего можно законным образом вывести наличие или отсутствие какого-либо явления. Выбор меры пресечения в каждом конкретном деле заключается в поиске и обосновании наиболее эффективной меры пресечения в отношении конкретного лица.

А. Жданов верно пишет, что «обоснованность» ареста – столь растяжимое понятие, что под него можно подвести что угодно»[139]. Сегодня ещё не потерял своей актуальности действовавший в дореволюционной России принцип: чем слабее улики обвинения, чем менее в них доказательственной силы, тем легче должна быть и мера пресечения; следователь (суд) обязан понизить меру пресечения от высшей до низшей, если этого потребует незначительность улик обвинения[140]. К сожалению, по понятным причинам проверить примеры практики по такому критерию не представляется возможным. Однако не секрет, что на практике следственные органы, как правило, ходатайствуют о применении заключения под стражу лишь тогда, когда у лица, ведущего расследование, есть субъективная уверенность в виновности обвиняемого (подозреваемого) и следователь (дознаватель) предполагает, что сможет доказать его вину в результате расследования.

Юрист Секретариата Европейского суда Г. Диков указывает на то, что прецедентное право Конвенции выработало четыре основания, оправдывающие содержание под стражей: 1) опасность того, что обвиняемый скроется от следствия или суда (Stagmuller v. Austria. Judgment of 10 November 1969. Series A

---

[139] Жданов А. Законность или обоснованность ареста? // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 48.

[140] Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство. СПб., 1870. Ч. 3: О предварительном следствии. С. 399.

no. 9. § 15); 2) обвиняемый попытается, находясь на свободе, препятствовать отправлению правосудия – станет запугивать свидетелей, уничтожать улики, подкупать экспертов и т.п. (Wemhoff v. Germany. 27 June 1968); 3) риск того, что лицо продолжит заниматься преступной деятельностью (Matznetter v. Austria. Judgment of 10 November 1969. Series A no. 10. § 9); 4) риск того, что освобождение задержанного преступника приведёт к массовым беспорядкам (Letellier v. France. Judgment of 26 June 1991. Series A no. 207)[141].

Как видно, три из четырёх оснований совпадают с основаниями, предусмотренными УПК РФ.

В свете рассматриваемой тематики примечательно дело «Смирновы (Smirnova) против РФ», где заявители указывали, в частности, на необоснованность избрания в отношении их меры пресечения в виде заключения под стражу и на отсутствие в деле предусмотренных в ст. 97 УПК оснований. В данном случае Европейский суд признал применение меры пресечения в виде заключения под стражу необоснованным и незаконным, так как в качестве оправдания содержания под стражей указывалось только на тяжесть обвинения, ссылка на «характер» заявителей не объясняла, каков в действительности был характер заявителей и почему из-за него необходимо было заключение под стражу, кроме того, не была рассмотрена возможность применения иных мер пресечения.

Кроме того, суд отметил, что опасность того, что лицо скроется, не может быть оценена лишь на основании строгости возможного наказания; она должна рассматриваться с учётом ряда прочих имеющих отношение к делу факторов, которые могут подтвердить наличие опасности того, что лицо скроется. Следует учитывать характер привлекаемого лица, его нравы, имущество, связи в государстве, в котором ведётся преследование, международные контакты[142].

---

[141] Диков Г. Право на освобождение обвиняемого под залог : (в свете практики ЕСПЧ) [Электронный ресурс] // Адвокатская практика. 2009. № 3. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[142] Европейский суд по правам человека. Третья секция. Дело «Смирнова против России» : (жалобы № 46133/99 и 48183/99) [Электронный ресурс] : судебное постановление Страсбург

Именно с учётом указанного решения в Уголовно-процессуальный кодекс были внесены изменения о том, что при избрании меры пресечения в постановлении суда должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, на основании которых суд принял решение.

Для законного и обоснованного решения о мере пресечения необходимо дать оценку всем фактическим обстоятельствам дела и на основании собранных доказательств сделать вывод (по сути – прогноз) о таком поведении обвиняемого (подозреваемого), которое дает основание применить к нему меру пресечения. Вывод о вероятном поведении обвиняемого (подозреваемого) должен базироваться на объективно установленных фактах, на реальных доказательствах, свидетельствующих о том, что обвиняемый (подозреваемый) может скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать установлению истины, заниматься преступной деятельностью, уклониться от исполнения приговора. К ходатайству об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу следует прилагать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, привлечении лица в качестве обвиняемого, копии протоколов задержания, допросов обвиняемого (подозреваемого), имеющиеся в деле доказательства, подтверждающие наличие обстоятельств, а также копии документов, свидетельствующих о необходимости избрания лицу меры пресечения в виде заключения под стражу. Как уже говорилось, наибольшая сложность видится в том, что необходимо делать вывод не об имеющемся или имевшем место в прошлом поведении, а о будущих поступках субъекта. Тем не менее такой вывод нужно основывать на тех доказательствах, которыми следователь, дознаватель или суд располагают уже сейчас, на данный момент. На практике это требование нарушается весьма часто.

Так, исследуя судебные материалы об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении ранее избранной меры пресечения, было замечено, что суды не всегда приводят достаточные основания, подтверждающие

---

24 июля 2003 г. // Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика. Электрон. дан. [Б. м.], 2002. URL: http://www.echr.ru/documents/doc/new/004.htm (дата обращения 10.11.2018).

необходимость применения указанной меры пресечения, а в своих решениях, скорее, формально перечисляют указанные в ст. 97 и ст. 99 УПК РФ основания и условия избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, не приводя при этом конкретных доказательств, обосновывающих такой вывод. Нередко встречается то, что в постановлении суда повторяются доводы, приведенные в ходатайстве следователя (дознавателя). Удовлетворяя такие ходатайства, судьи в своих постановлениях не приводят конкретных, исчерпывающих данных, на основании которых суд пришел к выводу, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться, продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелям и прочее. Также еще одним из недостатков является то обстоятельство, что некоторые судьи, избирая меру пресечения, не выполняют требование ст. 99 УПК РФ, согласно которой необходимо учитывать сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

На это обстоятельство также обращал внимание Европейский суд по правам человека. Так, применительно к обоснованности мер пресечения Европейский суд в деле «Панченко против России» указывает на недостаточность оснований в отдельных случаях, на шаблонность и краткость постановлений об избрании меры пресечения. Например, национальный суд несколько раз делает ссылки на «личность» обвиняемого, но эти ссылки не сопровождаются какими-либо пояснениями, и остаётся неясным, каковы в действительности личностные характеристики заявителя[143].

В ходе исследования указанных вопросов был проведен анализ собранных материалов практики для получения ответа на вопрос: на что же в первую очередь обращают внимание следователи и суд, решая вопрос об избрании меры пресечения? Были проанализированы и систематизированы по различным

---

[143] Дело «Панченко (Panchenko) против Российской Федерации : (жалоба № 45100/98) [Электронный ресурс] : постановление Европейского суда по правам человека от 8 февр. 2005 г. // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=29457#045252667054492357 (дата обращения: 10.11.2018).

критериям архивные материалы районных судов г. Красноярска и г. Томска по избранию и продлению мер пресечения, в том числе ходатайства об избрании заключения под стражу (залога, домашнего ареста) в качестве меры пресечения; постановления об избрании заключения под стражу (залога, домашнего ареста) в качестве меры пресечения; ходатайства о продлении содержания под стражей и постановления о продлении срока содержания под стражей. В ходе исследования был проведен контент-анализ данных постановлений, благодаря чему стало возможно выявить определённые числовые закономерности, а именно, частоту упоминания выделенных автором содержательных единиц-аргументов в обоснование выбора меры пресечения[144].

Приведём наглядный пример. Красноярским краевым судом был проведен анализ судебной практики, который показал, что районные (городские) суды разрешали ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в соответствии с действующим законодательством. Были выявлены следующие мотивы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу:

1. Ранее судим;
2. Скрылся от следствия;
3. Преступление совершено в период условно-досрочного освобождения;
4. Преступление совершено в период испытательного срока;
5. Нарушена подписка о невыезде;
6. Нет постоянного места жительства;
7. Отсутствие регистрации в РФ;
8. Тяжесть преступления;
9. Может скрыться от следствия;
10. Может повлиять на потерпевших и свидетелей;
11. Может воспрепятствовать следствию;
12. Может продолжить заниматься преступной деятельностью.

---

[144] Подробнее ознакомиться с результатами данного анализа можно в Приложении Д и Е к настоящей работе.

Судьи, делая вывод о том, что подозреваемый или обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью, в большинстве случаев указывали на такие обстоятельства, как:

– наличие обвинения или подозрения в совершении нескольких преступлений;

– злоупотребление алкогольными напитками и наркотическими веществами;

– наличие непогашенных судимостей;

– отсутствие регистрации на территории РФ [145].

Отсюда видно, что даже сами судьи смешивают вместе цели избрания меры пресечения, мотивы и основания избрания конкретной меры пресечения.

Автором также был проведен анализ постановлений районных судов об избрании меры пресечения с целью выявления тех обстоятельств, на которые суд ссылается при принятии решения наиболее часто. Оговоримся, что здесь не учитывались фразы-выводы, указанные в законе как основания для избрания мер пресечения (например, «есть основания полагать, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда» или «подозреваемый или обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью»). По результатам исследования рейтинг частоты упоминаний выглядит так[146]:

- тяжесть преступления – 95 %;
- отношение к труду – 75 % (работает/не работает, учится/не учится, официально не трудоустроен);
- наличие или отсутствие судимости – 60 %;
- характеристика личности – 40 %;
- наличие или отсутствие постоянного места жительства – 33 %;

---

[145] Обобщение практики рассмотрения судами Красноярского края ходатайств об избрании в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений меры пресечения в виде заключения под стражу [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=1972#05964427718763026 (дата обращения: 01.12.2018).

[146] См. рисунок Д.1 в Приложении Д к настоящей работе.

• брак или наличие семьи – 29 %;

• наличие или отсутствие детей и иждивенцев – 25 %;

• наличие или отсутствие регистрации – 21 %;

• зависимости (алкогольная, азартные игры, употребление наркотиков) – 21%;

• характер преступления – 18 %;

• совершил преступление в течение испытательного срока по приговору суда или совершил преступление в течение неотбытого срока наказания – 17 %;

• совершил преступление в период условно досрочного освобождения – 15 %.

Также была проведена оценка обоснованности постановлений следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, для того чтобы сравнить аргументы следователя при ходатайстве об избрании меры пресечения и аргументы суда при избрании меры пресечения. В постановлениях следователя наиболее часто встречаются следующие доводы в пользу избрания заключения под стражу[147]:

• тяжесть преступления – 84 %;

• наличие или отсутствие судимости – 65 %;

• отношение к труду – 62 %;

• характеристика личности – 37 %;

• наличие или отсутствие постоянного места жительства – 24 %;

• привлекался к уголовной и административной ответственности – 24 %;

• зависимости – 22 %;

• совершил преступление в период УДО – 22 %;

• отбывал наказания в местах лишения свободы –19 %;

• совершил преступление в течение испытательного срока по приговору суда или совершил преступление в течение неотбытого срока наказания – 14 %.

В результате сравнительного анализа стало очевидно, что и следователи, и суд используют чаще всего одни и те же аргументы в обоснование выбора меры

[147] См. подробнее в Приложении Е «Анализ ходатайств следователей об избрании меры пресечения», рисунок Е.1.

пресечения. Наиболее значимыми доводами на практике становятся пять компонентов: тяжесть содеянного, наличие регистрации и постоянного места жительства, отношение к труду, характеристика личности и криминальное прошлое обвиняемого (подозреваемого).

На наш взгляд, проблема в данном случае заключается не только в том, какие приводятся обоснования, а в наличии причинно-следственной связи с выводами о том, что обвиняемый может скрыться, угрожать свидетелям, – этой связи просто не видно в тексте постановления. Сама совокупность перечисленных факторов не обязательно влечёт за собой вывод о том, что обвиняемый, например, будет препятствовать следствию. Из набора «тяжкое преступление, ранее судим, работает, имеет постоянное место жительства, но не имеет регистрации, характеризуется удовлетворительно» автоматически не следует вывод как о том, что обвиняемый может скрыться, так и о том, что он не скроется.

Интересным примером применения подобных критериев на практике может послужить дело, рассмотренное в Красноярском крае: постановлением суда в отношении подозреваемого Х. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок 1 месяц, по 30 сентября 2017 года включительно. Принимая решение об избрании в отношении подозреваемого в совершении преступлений небольшой тяжести меры пресечения в виде заключения под стражу, за совершение которых законом предусмотрено лишение свободы на срок до трех лет, суд мотивировал это тем, что Х. подозревается в совершении преступлений небольшой тяжести в период нахождения на подписке о невыезде, надлежащем поведении и отбытия наказания в виде обязательных работ, семьей и иждивенцами не обременен, официально не трудоустроен, нарушил ранее избранную меру пресечения. Между тем для заключения под стражу при совершении преступления небольшой тяжести наряду с основаниями, предусмотренными ст. 97 УПК РФ, требуется наличие хотя бы одного из обстоятельств, перечисленных в подпунктах 1 - 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, которых органом дознания суду не представлено. Кроме этого, в постановлении суда не имеется убедительных доводов, из которых следует, что избрание иной меры

пресечения, не связанной с содержанием под стражей, не обеспечит явку Х. в следственные органы, а затем и в судебное заседание при рассмотрении дела по существу. Постановление суда отменено, в удовлетворении ходатайства отказано[148].

До принятия действующего УПК РФ применение мер пресечения и избрание из всей их совокупности именно той, которая оптимально соответствует конкретным обстоятельствам уголовного дела, определялось, прежде всего, характером, свойствами совершенного преступления, в качестве которых ст. 91 УПК РСФСР называла тяжесть предъявленного обвинения. В ст. 147 УПК РСФСР 1923 года эти качества преступления именовались его важностью, в ст. 421 Устава уголовного судопроизводства – строгостью угрожающего обвиняемому наказания. Тяжесть преступлений, вменяемых обвиняемому, подлежит учету при выборе меры пресечения в соответствии со ст. 89 УПК Монголии, § 120 УПК Венгрии, п. 3 ст. 217 УПК Польши. Следует отметить, что не только в названных государствах, но и во многих странах мира меры пресечения избираются и применяются, прежде всего, в зависимости от «важности вменяемых обвиняемым преступлений», степени их общественной опасности, тяжести предъявленного обвинения, строгости угрожающих им наказаний с учетом конкретных санкций.

Не устанавливая так подробно критериев для избрания меры пресечения, как в дореволюционной России, уголовно-процессуальное право РСФСР тем не менее также исходило из того, что как в целом система мер пресечения, так и каждая из них должны определяться характером, свойствами совершенных обвиняемыми преступлений, видом и строгостью установленных за них санкций, тяжестью угрожающих наказаний, то есть, по существу, уголовно-процессуальное законодательство РСФСР, следуя историческим традициям борьбы с преступностью, ставит меры пресечения в зависимость от тяжести

---

[148] Обобщение апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2017 год [Электронный ресурс] : (утв. Президиумом Красноярского краевого суда) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=238151#00047092499992498205 (дата обращения: 01.12.2018).

предъявленного обвинения и мер уголовного наказания. Заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено по мотивам одной опасности преступления (ч. 2 ст. 96 УПК РСФСР). Заключение под стражу допустимо, если санкция за совершенное преступление предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года (ч. 1 ст. 96 УПК РСФСР).

Однако ст. 5 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека гласит, что тяжесть предъявленного обвинения не является критерием для избрания меры пресечения. Она должна зависеть не от статьи, а от непосредственной опасности обвиняемого для общества.

По целому ряду дел против России Европейский суд признал незаконным учет только тяжести преступления в качестве основного довода, что лицо может скрыться («Белевицкий против Российской Федерации», постановление от 1 марта 2007 г.[149], «Старокадомский против России», постановление от 31 июля 2008 г.[150], «Салманов против Российской Федерации», постановление от 31 июля 2008 г.[151] и др.)[152]. Европейский суд неоднократно указывал на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в ряде дел против Российской Федерации, где суды государства-ответчика продлевали срок содержания под стражей заявителей исключительно на основании тяжести обвинений против них, используя шаблонную формулу, пересказывающую предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации основания для содержания под стражей. Суды при этом не разъясняют, почему они применяются в отношении заявителей и рассматривались ли другие меры пресечения (см. упоминавшиеся выше постановления Европейского суда по делам «Белевицкий против Российской Федерации», «Худоеров против Российской Федерации», а также постановление Европейского суда по делу «Худобин против Российской Федерации» (Khudobin v. Russia), жалоба № 59696/00, § 103 и последующие,

---

[149] Бюл. Европейского суда по правам человека. 2007. № 8. С. 69–91.

[150] Российская хроника Европейского суда: приложение к Бюл. Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2009. № 1. С. 124–137.

[151] Российская хроника Европейского суда: приложение к Бюл. Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2009. № 2. С. 132–144.

[152] Уланова Ю. Ю. Указ. соч.

ECHR 2006 – ... (извлечения); постановление Европейского суда от 2 марта 2006 г. по делу «Долгова против Российской Федерации»[153] (Dolgova v. Russia), жалоба № 11886/05, § 38 и последующие; постановление Европейского суда от 7 апреля 2005 г. по делу «Рохлина против Российской Федерации»[154] (Rokhlina v. Russia), жалоба № 54071/00, § 63 и последующие; постановление Европейского суда от 8 февраля 2005 г. по делу «Панченко против Российской Федерации»[155] (Panchenko v. Russia), жалоба № 45100/98, § 91 и последующие; и постановление Европейского суда по делу «Смирнова против Российской Федерации» (Smirnova v. Russia), жалобы № 46133/99 и 48183/99, § 56 и последующие, ECHR 2003-IX (извлечения).

Вместе с тем ч. 1 ст. 108 УПК РФ предусматривает, что лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трёх лет. То есть по преступлениям небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ) данная мера пресечения, как правило, не применяется. Значит ли это, что заключение под стражу может применяться только тогда, когда реально возможно назначение наказания в виде лишения свободы более чем на 3 года, или речь идёт буквально о верхней границе санкции статьи УК РФ? Конституционный Суд РФ в своём Определении подчеркивает, что «не допускается заключение под стражу… если лицу не может быть назначено наказание в виде лишения свободы»[156]. Всё же представляется, что верный ответ здесь один: заключение под стражу может применяться только тогда, когда санкция статьи УК РФ (по которой лицо

---

[153] Бюл. Европейского суда по правам человека. 2006. № 8. С. 5, 75–86.

[154] Там же. № 6. С. 53–68.

[155] КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=29457#045252667054492357 (дата обращения: 10.11.2018).

[156] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гончарова Николая Степановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 5, 89, 93, 143, 154, 221, 247 и 378 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 дек. 2000 г. № 296-О // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31272/ (дата обращения: 01.12.2018).

подозревается или обвиняется в совершении преступления) предусматривает наказание в виде лишения свободы на 3 года и более. Логика рассуждений проста: общие правила ведения судопроизводства должны быть понятны не только специалисту, но и любому участнику процесса, и не нужно ставить избрание меры пресечения в зависимость от гипотетически возможного размера наказания, подсчитать заранее которое не юрист-профессионал не может. Однако здесь имеется оговорка[157]: в исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, при наличии одного из следующих обстоятельств:

1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации;

2) его личность не установлена;

3) им нарушена ранее избранная мера пресечения;

4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Таким образом, в УПК РФ сохраняется некоторое соотношение между тяжестью совершенного обвиняемым преступления и мерой пресечения, которая к нему применяется, но соотношение это не жёсткое. Тяжесть предъявленного обвинения определяется с учетом положений ст. 15 УК РФ, в которой перечислены категории преступлений. Наглядным подтверждением этого являются данные судебной статистики.

Так, в 2016 году районными судами и мировыми судьями было рассмотрено по существу 134 700 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Структура удовлетворенных ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу по тяжести совершенных лицами преступлений представлена следующими показателями: по особо тяжким преступлениям 24,7% от общего числа удовлетворенных ходатайств; по тяжким

---

[157] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : (ред. от 1 апр. 2019 г., с изм. и доп. от 17 апр. 2019 г.) Ст. 108 // Там же. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.04.2019).

преступлениям – 47,1%; средней тяжести – 24,0%; небольшой тяжести – 4,2%. Доля удовлетворенных ходатайств от рассмотренных по существу по степени тяжести совершенных преступлений составила: по особо тяжким преступлениям – 95,8%; по тяжким преступлениям – 90,6%; средней тяжести – 88,3%; небольшой тяжести – 84,8%.[158]

За 2017 год районными судами и мировыми судьями было рассмотрено 124900 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из них по особо тяжким преступлениям 26,2% от общего числа удовлетворенных ходатайств; 12 по тяжким преступлениям – 45,3%; средней тяжести – 24,4%; небольшой тяжести – 4,1%. Доля удовлетворенных ходатайств от рассмотренных по существу по степени тяжести совершенных преступлений составила: по особо тяжким преступлениям – 95,1%; по тяжким преступлениям – 89,9 %; средней тяжести – 88,0%; небольшой тяжести – 85,4%.[159]

Представители уральской процессуальной школы Н. В. Азаренок и А. А. Давлетов высказывают мнение, что суд должен не просто ориентироваться на тяжесть преступления, но давать «первоначальную оценку квалификации деяния, т.е. определение тяжести преступления, с последующей проверкой наличия достаточных данных о причастности лица к его совершению», и предлагают наделить суд обязанностью проверять уголовно-правовую квалификацию деяния при избрании и продлении меры пресечения[160]. О. В. Качалова пишет о том, что правильность квалификации относится к числу необходимых условий, без

---

[158] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2016 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Электрон. дан. [Б. м.], 2009-2019. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=4144 (дата обращения: 16.08.2019).

[159] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2017 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Электрон. дан. [Б. м.], 2009-2019. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYu_2017.pdf (дата обращения: 16.08.2019).

[160] Азаренок Н. В., Давлетов А. А. Должен ли судья при решении вопроса об избрании меры пресечения проверять квалификацию преступления? // Российский судья. 2017. № 1. С. 33–37.

которых применить наиболее строгие меры пресечения невозможно[161]. А.Д. Назаров указывает: «Желает или не желает того суд, но в обоснование своего репрессивного решения он ссылается на квалификацию инкриминируемого подозреваемому, обвиняемому следствием деяния, обращая особое внимание на его тяжесть или особую тяжесть. Вместе с тем теории и практике уголовно-процессуальной деятельности известны такие ситуации, как «завышение уголовно-правовой квалификации деяния» или «квалификация с запасом»[162].

При этом в данном вопросе важно соблюдать баланс, так как есть вероятность, что суд, занимаясь вопросами квалификации, не только начнет обсуждать вопрос вины, что недопустимо, но и предложит более правильную (с точки зрения суда) квалификацию, фактически навязывая её следователю, тем самым лишая его процессуальной самостоятельности в этом важнейшем вопросе. К тому же для проверки правильности предложенной квалификации судье возможно необходимо будет изучить практически все материалы уголовного дела, то есть выйти за объём предоставленных материалов.

В литературе можно встретить предложения увязать систему мер пресечения с санкциями уголовно-правовых норм, они неоднократно выдвигались и раньше учеными-процессуалистами, например И. Л. Петрухиным, В. А. Михайловым[163]. Е. В. Гусельникова указывает на необходимость и обоснованность законодательного установления зависимости мер пресечения от категории преступления, в совершении которого лицо обвиняется (подозревается). «Если в санкции статьи предусмотрен штраф, – предлагает данный автор, – допустимо использование в качестве меры пресечения залога; при ограничении свободы, аресте, исправительных и обязательных работах –

---

[161] Качалова О. В. Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 38–42.

[162] Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки при заключении под стражу // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 39–43.

[163] Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 143–149; Михайлов В. А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М., 1991. С. 29–33.

надзор милиции» [164]. Однако указанное предложение создало бы значительные сложности при реализации на практике, так как в ст. 44 УК РФ предусмотрено 12 видов наказаний, из них реально «работают» около восьми; а мер пресечения семь, общего характера всего пять (ст. 98 УПК РФ). Не совсем понятно, как они друг с другом соотносились бы, поскольку нет жёсткой привязки. Неясно, кто мог бы установить такое соотношение. Кроме того, это означало бы отказ от учёта индивидуальных особенностей обвиняемого (подозреваемого), что, очевидно, не привело бы к повышению качества принимаемых решений.

В научной литературе есть предложение, согласно которому следует исходить не из вида наказания, а из категории преступления, в совершении которого предъявлено обвинение. Возможна, например, следующая система соотношений между мерами пресечения и тяжестью совершенного преступления[165]:

1) преступления небольшой тяжести (умышленные и неосторожные преступления, максимальное наказание за которые – до двух лет лишения свободы): подписка о невыезде; личное поручительство;

2) преступления средней тяжести (неосторожные преступления, максимальное наказание за которые превышает два года лишения свободы; умышленные преступления, наказание за которые не превышает пяти лет лишения свободы): подписка о невыезде; личное поручительство; залог. Если избрание указанных мер невозможно, то избирается заключение под стражу;

3) преступления тяжкие (умышленные преступления, максимальное наказание за которые не превышает десяти лет лишения свободы): залог; домашний арест; запрет определённых действий; заключение под стражу;

4) преступления особо тяжкие (максимальное наказание за которые превышает десять лет лишения свободы): заключение под стражу.

---

[164] Гусельникова Е. В. Заключение под стражу в системе мер пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 9.

[165] Цоколова О. И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Рос. следователь. 2005. № 5. С. 13–21.

И всё же представляется, что установление такого прямого соотношения невозможно, так как на выбор конкретной меры пресечения не влияет только (или в первую очередь) тяжесть преступления, между ними собственно вообще нет причинно-следственной связи. На первый план здесь скорее должны выходить данные о личности, которые позволят с определённой долей вероятности прогнозировать его поведение.

Наряду с тяжестью преступления следователи и судьи в своих постановлениях часто делают акцент на общественную опасность деяния, характер преступления, обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность, обстоятельства совершенного преступления. Вместе с тем такие доводы, как «характер преступления» или «обстоятельства совершенного преступления», никак не раскрываются и смотрятся скорее стандартными, дежурными фразами, чем реальным обоснованием. Согласно данным, полученным в результате нашего исследования, частота упоминания этих показателей составляет:

1) в постановлениях суда об избрании меры пресечения: общественная опасность деяния – 12 %, характер преступления – 18 %;

2) в постановлениях суда о продлении меры пресечения: характер инкриминируемого деяния – 38,4 %; обстоятельства совершенного преступления – 25,6 %;

3) в постановлениях следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения: общественная опасность деяния – 8,5 %; характер преступления – 10 %.

Вместе с тем сегодня в литературе разные учёные-процессуалисты выделяют различные основания избрания меры пресечения и данные, которые следует при этом учитывать. Нам важно проанализировать каждый из пунктов ст. 97 УПК РФ и выяснить, какими доказательствами могут подтверждаться выводы следователя.

В связи с вышеизложенными замечаниями необходимо внимательно проанализировать те положения, которые предложены законодателем в качестве

оснований избрания мер пресечения и те, что ранее предлагались в научной литературе.

О намерении скрыться от дознания, предварительного следствия или суда может свидетельствовать ряд действий лица по подготовке отъезда или смены места жительства, например, соответствующая информация от свидетелей; подготовка новых документов, продажа имущества, приобретение билетов на различные виды транспорта, покупка или аренда недвижимости в ином населённом пункте, нарушение ранее избранной меры пресечения, неявка по вызову следователя, дознавателя или суда без уважительной причины, нахождение в розыске и т.д.

Примером обоснованного избрания меры пресечения, как указывает Г. Диков[166], может служить дело «W против Швейцарии[167]», где в обоснование того довода, что обвиняемый может скрыться от правосудия, швейцарским судом были положены фактические данные о том, что заявитель, будучи руководителем свыше 60 фирм, постоянно проживал за границей, в Монте-Карло, постоянно путешествовал, имел обширные международные связи, несколько раз заявлял, что хотел бы жить в США. У него были достаточно большие средства в иностранных банках и несколько иностранных паспортов, при этом он был одинок – без семейных обязательств. Анализируя дело Платона Лебедева против РФ[168], Европейский суд также пришёл к выводу об обоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на основании того, что предъявлено

---

[166] Диков Г. Право на освобождение обвиняемого под залог : (в свете практики ЕСПЧ) [Электронный ресурс] // Адвокатская практика. 2009. № 3. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[167] Европейский Суд по правам человека. «Решения ЕСПЧ на русском языке« W. против Швейцарии [Электронный ресурс] : постановление Европейского Суда W. против Швейцарии (W. v. Switzerland) от 26 янв. 1993 г. : (жалоба № 14379/88) : (извлечение) // Сайт Олега Анищика о подаче жалоб против России в Европейский Суд по правам человека. Электрон. дан. [Б. м.], 2010-2019. URL: http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/w-protiv-shvejcarii-postanovlenie-evropejskogo-suda/ (дата обращения: 05.03.2018).

[168] Дело «Лебедев (Lebedev) против Российской Федерации : (жалоба № 4493/04) [Электронный ресурс] : постановление Европейского суда по правам человека от 25 окт. 2007 г. // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=68794#01827132535847198 (дата обращения: 05.04.2018).

серьёзное обвинение, у обвиняемого имеются значительные средства в иностранных банках (некоторые из которых он контролирует) и недвижимость за рубежом, а также международные связи.

Кроме того, предполагать, что обвиняемый (подозреваемый) может скрыться, можно при наличии таких факторов, как: отсутствие постоянного места жительства в данном населенном пункте, отсутствие у него иждивенцев и зависимых от него лиц, отсутствие сильных социальных связей в том или ином населенном пункте (здесь ли проживают друзья, родственники, родители и т.д.), отсутствие работы или официального трудоустройства.

Здесь уместно привести высказывание П. И. Люблинского: «Стремление к уклонению, скрываясь в психике обвиняемого, будучи затаенным среди сокровенных его стремлений, не может быть констатировано непосредственно. Для определения его приходится прибегать к определению мотивов, имевших возможность повлиять на среднюю психику человека, при известных условиях, к принятию определенного решения относительно уклонения… выводы следователя или судьи, сделанные на основании оценки мотивов уклонения, являются приблизительными, но все же нормальными для решения вопроса»[169].

Данные, которые могут подтверждать предположение о том, что обвиняемый (подозреваемый) может продолжить заниматься преступной деятельностью: нахождение на свободе соучастников преступления, данные о прежних судимостях, в том числе сведения о том, что лицо ранее привлекалось к уголовной ответственности за совершение аналогичного преступления; данные о том, что лицо совершило преступление в период отбывания наказания или находясь на условно-досрочном освобождении, в настоящее время привлекается к уголовной ответственности за совершение аналогичного умышленного преступления; сведения о пристрастии подозреваемого к наркотическим веществам и алкоголю; отсутствие постоянного места работы или легального (постоянного) источника дохода; совершение административных

[169] Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 427–428.

правонарушений, отрицательные характеристики по месту жительства и работы, злоупотребление спиртными напитками.

Наличие неснятой и непогашенной судимости является непосредственным свидетельством того, что лицо не встало на путь исправления, не изменило своего поведения и не сделало необходимых выводов, а вновь совершило преступление. С. И. Скабелин указывает, что «при исследовании данного основания на первое место встает тяжесть и категория ранее совершенного деяния. В зависимости от направленности (экономической, общеуголовной и т.п.) следователь, дознаватель могут дать оценку риску повторного совершения преступления обвиняемым (подозреваемым) по уголовному делу, находящемуся в его производстве»[170]. Так как речь идет о наличии зависимостей, то необходимо пояснить позицию автора данного исследования: обвиняемому (подозреваемому), в отношении которого установлено, что он является наркотически зависимым, следует всегда избирать меру пресечения, связанную с ограничением свободы, в случае если совершение преступления сопряжено с данной зависимостью. Данное лицо фактически больно неизлечимым (или трудно излечимым) заболеванием, влияющим на его психику и поведение, кроме того, совершило преступление для удовлетворения этой болезненной потребности (чтобы раздобыть очередную «дозу» или средства для её покупки). При таких данных можно с высокой долей уверенности предположить, что это лицо и в дальнейшем может продолжить совершать преступления. Данные о том, что лицо ранее судимо за преступление в сфере незаконного оборота наркотиков, употребляет наркотические средства и не имеет постоянного места работы или легального источника доходов, с высокой степенью вероятности могут свидетельствовать о том, что обвиняемый (подозреваемый) может продолжить заниматься преступной деятельностью, поэтому в случаях выявления факта злоупотребления наркотическими средствами со стороны подозреваемого или обвиняемого должностным лицам необходимо обращать на это самое пристальное внимание.

---

[170] Скабелин С. И. Совокупность данных, являющаяся достаточной для избрания меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2015. № 56. 11. С. 38–43.

Примером рассмотрения подобного случая можно назвать дело № 22-4708 Березниковского городского суда. Постановлением судьи отказано в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, – в покушении на незаконный сбыт наркотического средства, героина массой 0,48 грамма, по тем основаниям, что К. имеет постоянное место жительства и работы. Также у нее на иждивении имеется малолетний ребенок, которого она воспитывает одна. Суду не представлено доказательств, что подозреваемая может скрыться от следствия и суда или воспрепятствовать установлению истины дела. Суд не принимает во внимание факт употребления подозреваемой наркотических средств как не предусмотренный ст. 108 УК РФ в качестве основания для заключения под стражу. Судебной коллегией по кассационному представлению прокурора постановление судьи отменено с направлением материалов на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям. Из представленных материалов видно, что К. была осуждена 23 сентября 2008 года по ч. 1 ст. 228 УК РФ к 1 году лишения свободы, в силу ст. 73 УК РФ условно, с испытательным сроком на 2 года. Она подозревается в совершении преступления в период условного осуждения. Как видно из ходатайства следователя, одним из оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, по мнению следствия, является то, что подозреваемая может продолжить заниматься преступной деятельностью. Указанный довод следователя судом при вынесении постановления об отказе в удовлетворении ходатайства не нашел оценки. Также не оценены в совокупности и другие доводы следователя: К. ранее судима за преступление в сфере незаконного оборота наркотиков, она употребляет наркотические средства, не имеет постоянного места работы. С учетом изложенного постановление судьи нельзя признать законным и обоснованным[171].

---

[171] Обзор кассационной и надзорной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2009 года [Электронный ресурс] : (утв. президиумом Пермского краевого суда от 19 марта 2010 г. // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL:

Угрозы свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства могут быть подтверждены их личными заявлениями, протоколами допросов указанных лиц и самого обвиняемого (подозреваемого), результатами оперативно-розыскных мероприятий или отдельных следственных действий, таких как контроль и запись переговоров, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка.

В изученных в ходе исследования процессуальных актах указания на данные, подтверждающие такие обстоятельства, имеются, но их крайне мало. Так, в постановлениях суда об избрании меры пресечения: орудие преступления и вещественное доказательство не найдены – 1 %; известны личности свидетелей, знакомство со свидетелем – 5 %. В постановлениях суда о продлении меры пресечения: знаком с потерпевшим и/или свидетелями – 10 %. В постановлениях следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения: известны личности свидетелей, знакомство со свидетелем – 8 %. Однако и эти доводы сомнительны, так как само по себе знакомство со свидетелями и наличие сведений о том, где они работают, учатся, проживают, ещё не свидетельствует о намерении воздействовать на них.

Примером обоснованного решения суда (по этому основанию) служит следующее решение. Постановлением Борисовского районного суда отказано в удовлетворении ходатайства следователя об избрании К., обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 ч. 1 УК РФ, меры пресечения в виде заключения под стражу. К. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. В кассационном представлении прокурор просил постановление отменить как незаконное и необоснованное, материалы дела направить на новое судебное рассмотрение. Суд кассационной инстанции представление удовлетворил, постановление суда отменил. Отказывая в удовлетворении ходатайства следователя и избирая меру пресечения в виде домашнего ареста, суд свои выводы обосновал отсутствием оснований и

---

http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOPV;n=1101#09722733397071863 (дата обращения: 01.12.2018).

достаточных мотивов для избрания К. меры пресечения в виде заключения под стражу. Данные выводы суда не основаны на материалах уголовного дела. К. обоснованно подозревается в совершении особо тяжкого преступления против жизни, уголовное дело в отношении него возбуждено в соответствии с требованиями ст. ст. 144–145 УПК РФ уполномоченным должностным лицом, причастность К. к совершению преступления подтверждается материалами уголовного дела. Материалами дела подтверждаются обстоятельства, указанные следователем в ходатайстве, обосновывающие необходимость применения к К. заключения под стражу, а именно: возможность обвиняемого угрожать свидетелям по делу, совершить в отношении них преступление, уничтожить доказательства его причастности к совершенному преступлению. Как видно из протокола судебного заседания, свидетели П. и В. пояснили, что сразу же после убийства обвиняемый, держа в руке нож, запугивал В. и высказывал в его адрес угрозу убийством. По данному факту и заявлению В. в отношении К. было возбуждено уголовное дело по ст. 119 ч. 1 УК РФ. В связи с вышеизложенным свидетели В. и П. обоснованно опасаются за свою жизнь. Кроме того, К. принимал меры к уничтожению и сокрытию следов преступления, что объективно подтверждается протоколом осмотра жилища, составленным в соответствии с требованиями УПК РФ.

Судом при принятии решения о мере пресечения К. неполно исследована его личность, не принято во внимание, что он злоупотребляет спиртными напитками, предоставлял свое жилище для совместного распития спиртного, что также свидетельствует о возможности продолжения им преступной деятельности[172].

В соответствии со ст. 99 УПК РФ при решении вопроса о мере пресечения, помимо наличия так называемых оснований для избрания меры пресечения, законодатель обязывает учитывать тяжесть преступления, сведения о личности

---

[172] Обзор судебной практики по уголовным делам за июнь 2010 года [Электронный ресурс] // Информ. бюл. 2010. № 7. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (например, совершение лицом преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании, поведение лица после совершения преступления, в частности, явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда)[173].

Большое значение имеет выяснение обстоятельств и оснований задержания обвиняемого (подозреваемого), наличие явки с повинной, готовность содействовать раскрытию преступления и изобличению остальных участников преступления. Может быть учтено и общественное положение или специфика работы обвиняемого.

Для подтверждения этих сведений следователь или дознаватель могут использовать такие документы, как: характеристики с места жительства (работы, учёбы) обвиняемого (подозреваемого), справки о том, состоит ли обвиняемый (подозреваемый) на учете в наркологическом, психоневрологическом диспансерах, сведения из допросов близких лиц, соседей, друзей обвиняемого (подозреваемого), выписки из истории болезни и амбулаторные карты из поликлиники, сведения об инвалидности. Важным для характеристики личности обвиняемого (подозреваемого) является его социальное положение и социальное окружение. Это значит, что следует выяснять не только семейное положение (имеется в виду и официальный брак, и длительное сожительство с ведением совместного хозяйства и прочими необходимыми атрибутами), но и сведения о детях (наличие, участие в их содержании и воспитании), пожилых родителях и прочих иждивенцах (с выяснением степени финансового и морального участия в их жизни).

---

[173] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 : (ред. от 24 мая 2016 г.) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 04.05.2018).

Существенное влияние на избрание меры пресечения может оказать пол, возраст и состояние здоровья обвиняемого. Это не означает, что должен быть запрет, например, на арест людей пожилого возраста или лиц, страдающих тяжёлыми заболеваниями. Однако указанные обстоятельства должны учитываться в совокупности с иными данными по делу, включая особенности совершенного преступления и иные данные о личности. Учёту также подлежит и возможность соответственных государственных учреждений предоставить необходимую медицинскую помощь лицу. Часто следователи и судьи абсолютно формально подходят к выяснению необходимых обстоятельств и указывают в своих решениях общие фразы, содержание которых из документа непонятно. Например, в проанализированных постановлений суда о продлении заключения под стражу в качестве меры пресечения о состоянии здоровья обвиняемого упоминается в 18% постановлениях, но в абсолютном большинстве случаев в соответствующем решении это представлено самыми общими фразами, такими как «сведений о невозможности нахождения под стражей по состоянию здоровья подозреваемого не имеется» или «учитывая состояние здоровья». А из проанализированных автором постановлений суда об избрании меры пресечения эти же фразы встречаются в 22% постановлений.

Показательными относительно данного критерия являются материалы уголовного дела в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ[174]. Из материалов дела следует, что в отношении гр-на К. было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 228 УК РФ. В этот же день он был задержан в порядке ст. 91 УПК РФ и допрошен в качестве подозреваемого (от дачи показаний отказался, воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ). В тот же день ему было предъявлено обвинение. На следующий день после задержания и предъявления обвинения в отношении К. была избрана мера пресечения – заключение под стражу. Доводы следователя выглядели следующим образом: «Возможность обвиняемого продолжить

[174] Уголовное дело № 20179573// Архив Березовского районного суда Красноярского края.

заниматься преступной деятельностью – незаконной перевозкой наркотических средств, оказать воздействие на свидетелей, скрыться от органов предварительного следствия и суда, поскольку обвиняемый не проживает на территории Красноярского края». Вместе с тем ссылка на то, что обвиняемый (подозреваемый) намерен скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, ничем не подтверждена, а свидетели (за которых теоретически можно было бы опасаться) не названы и в материалах дела не упоминаются. Приведен лишь один довод – обвиняемый не прописан и не проживает на территории Красноярского края. В приведенной ситуации следователь свои предположения фактически ничем не подтвердил.

Обвиняемый и его защитник возражали против удовлетворения данного ходатайства следователя, настаивали на применении более мягкой меры пресечения (подписке о невыезде) и приводили следующие доводы: К. ранее не судим; скрываться и оказывать давление на свидетелей не собирается, так как он женат, имеет постоянное место жительство на территории РФ, является пенсионером, пожилым человеком, инвалидом 2-й группы и в связи с онкологическим заболеванием нуждается в лечении, которое нельзя провести в условиях изоляции от общества. Тем не менее суд решил избрать в качестве меры пресечения заключение под стражу, сославшись (подобно следователю) на характер и тяжесть инкриминируемого деяния, не являющегося законным основанием для этого. Причем по логике суда вид и размер изъятого у обвиняемого наркотического средства (героина) в сочетании с его пенсионным статусом сам по себе доказывает, что обвиняемый понимает и осознает тяжесть возможного наказания. Поэтому он, осознавая тяжесть возможного наказания (лишение свободы на срок до 10 лет), может продолжить заниматься преступной деятельностью и скрыться от органов следствия и суда. Через 2 месяца срок содержания под стражей был продлён. В постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей следователь, обосновывая необходимость продления срока содержания под стражей, указал следующее: по делу необходимо ознакомить К. и его защитника с

полученными экспертизами, предъявить К. новое обвинение и ознакомить с материалами уголовного дела, составить обвинительное заключение; в связи с тем, что К. житель другой области, он может скрыться от органов предварительного следствия и суда; поэтому с учетом степени общественной опасности совершённого К. преступного деяния, а также для обеспечения исполнения приговора оснований для отмены и изменения меры пресечения нет. То есть следователь просит продлить срок заключения под стражу, так как ему удобно держать обвиняемого «под рукой». Более того, он мотивирует это обеспечением исполнения приговора, которого ещё нет, и общественной опасностью преступления, вина К. в котором не установлена. Суд ходатайство удовлетворил и срок ареста продлил. Ещё через 2 месяца следователь вновь обращается с ходатайством о продлении срока содержания под стражей на один месяц с аналогичной (практически слово в слово) аргументацией. Причем следователь не дает ответа на принципиальные вопросы: почему ситуация не изменилась к моменту практически завершенного расследования и каким образом обвиняемый может оказать воздействие на свидетелей преступления, если уже имеются их показания в материалах дела? Странной выглядит и ссылка на тяжесть преступления, не являющейся основанием для избрания меры пресечения. В то же время адвокат обвиняемого заявил ходатайство об изменении ранее избранной меры пресечения в виде заключения под стражу на залог, обосновав это тем, что К. является пенсионером, ранее к уголовной ответственности не привлекался, по месту жительства характеризуется положительно, бессрочно является инвалидом 2-й группы (рак щитовидной железы 4-й степени, рак предстательной железы 2-й степени, метастазы в почках). Сын обвиняемого выразил желание внести залог деньгами в сумме 500 000 руб. и снял для него квартиру в г. Красноярске. К. пояснил, что за время нахождения в СИЗО у него ухудшилось состояние здоровья, необходимого лечения он не получает, поскольку отсутствуют специалисты и нужные медикаменты, кроме того, у него появились новые заболевания, которых ранее не было. Помощник прокурора поддержал ходатайство адвоката. Учитывая доводы защитника, суд

своим решением изменил ранее избранную меру пресечения на залог в сумме 1 000 000 руб. (хотя и не обосновал, почему считает сумму залога, предложенную сыном обвиняемого, недостаточной и увеличил её в 2 раза).

Таким образом, видно, что правоприменители на практике свои решения фактически не мотивируют или делают это с помощью ссылки на норму закона (в данном случае отсылают к тексту ст. 98 УПК), не приводят оснований избрания той или иной меры пресечения, а зачастую обосновывают свою позицию и вовсе недопустимыми аргументами, такими как тяжесть преступления (в совершении которого вина лица ещё не установлена судом и не является предметом рассмотрения).

Под «другими обстоятельствами», указанными в ст. 99 УПК РФ, подразумеваются те обстоятельства, которые способствуют избранию конкретного вида избираемой меры пресечения. В Постановлении Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41 указывается, что ими могут быть, например, совершение лицом преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании, поведение лица после совершения преступления, в частности, явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда[175]. Кроме того, к таким обстоятельствам можно отнести сотрудничество со следствием, особенности поведения при задержании и т.п. Среди рассмотренных постановлений суда нам встретились следующие примеры дополнительных обстоятельств-аргументов: «намерение обвиняемого сотрудничать со следствием» – 3, «явка с повинной» – 4, «при задержании пытался скрыться, оказывал активное физическое сопротивление при задержании» – 2, «нарушил ранее избранную меру пресечения» – 5, «нарушал общественный порядок» – 2, «скрывался от органов следствия или был объявлен в розыск» – 2.

---

[175] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 : (ред. от 24 мая 2016 г.) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 04.05.2018).

В настоящее время норма закона о наличии или отсутствии постоянного места жительства у подозреваемого сводится к наличию у него регистрации в том населенном пункте, где им было совершено преступление, что само по себе является нарушением п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Законодатель указывает на наличие постоянного места жительства на территории Российской Федерации, а не в пределах определенного населенного пункта. Так, если подозреваемый зарегистрирован во Владивостоке, а совершил преступление в Красноярске, то в постановлении о возбуждении ходатайства следователь не может давать такую формулировку обоснования, как «подозреваемый не имеет регистрации в Красноярске». Подобное толкование закона недопустимо и может быть оспорено защитой в кассационном порядке. Особенно недопустима такая формулировка при отсутствии иных оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. На практике этот довод и следователи, и судьи используют в своих решениях достаточно часто. Но сам по себе факт регистрации гражданина по тому или иному адресу не является бесспорным свидетельством наличия у него определенного места жительства. Зачастую подозреваемый может быть зарегистрирован по определенному адресу, а фактически проживать на съемной квартире, у жены, сожительницы, родственников, знакомых или не иметь постоянного места жительства вообще. Поэтому в ходе допроса следователь должен самым тщательным образом выяснить у подозреваемого сведения о фактическом месте его проживания и в случае необходимости допросить знакомых, близких, соседей подозреваемого. Вместе с тем на практике встречается и чрезмерное внимание к этому вопросу. В изученных автором постановлениях суд и следователь указывали не только на наличие или отсутствие постоянного места жительства лица, наличие или отсутствие у него регистрации, но и на то, проживает ли обвиняемый по месту регистрации, а также, аргументируя пользу избрания меры пресечения, на место проживания (населённый пункт) и даже продолжительность проживания в регионе.

Как видно, суд не всегда с достаточной полнотой исследует данные, подтверждающие необходимость применения конкретной меры пресечения,

зачастую следователи и судьи в своих постановлениях формально перечисляют указанные в ст. 97, 99 УПК РФ основания для избрания меры пресечения. Данные о личности подсудимого не связаны с итоговым выводом, даже не всегда можно понять, учитывались ли вообще перечисленные сведения о личности подозреваемого или обвиняемого и как именно они повлияли на итоговое решение; были ли они собраны в достаточном объеме. Практически ни в одном из рассмотренных актов не дана оценка доводам защиты.

Итак, для доказывания в рассматриваемом производстве характерной является необходимость подтверждения наличия:

- обоснованного подозрения в причастности обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления определенной степени тяжести и общественной опасности;

- фактов противоправных действий, направленных на сокрытие следов преступлений, воздействия на свидетелей и потерпевших и уклонение от следствия и суда;

- фактов, свидетельствующих о высокой вероятности совершения указанных выше противоправных действий.

Также на основании всего вышеизложенного в данном параграфе можно сделать следующие выводы:

- все обстоятельства, подлежащие доказыванию в рассматриваемом производстве, должны подтверждаться доказательствами, полученными в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ;

- причастность лица к совершению преступления – это обстоятельство, подлежащее доказыванию в степени обоснованного подозрения, необходимое для того, чтобы говорить, почему именно в отношении данного лица ставится вопрос об избрании меры пресечения. Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных сведений о том, что лицо могло совершить преступление;

- под основанием выбора меры пресечения понимается вывод, сделанный следователем исходя из собранных доказательств, из которого вытекает необходимость применения конкретной меры пресечения.

В настоящем параграфе подробно проанализировано, как могут быть обоснованы доводы о предполагаемом противоправном поведении обвиняемого или подозреваемого.

Автором обозначены пределы доказывания в рассматриваемом производстве. Обосновано, что первая группа обстоятельств, подлежащих доказыванию, (*обстоятельства, указывающие на причастность лица к совершению преступления*) доказывается в пределах, необходимых для обоснованного подозрения в совершении конкретного преступления конкретным лицом.

Доказательств первой группы обстоятельств будет достаточно, если они, как минимум, достоверно устанавливают событие преступления (или такие составляющие его элементы, без которых объективной стороны состава преступления быть не может), в максимальной степени вероятности указывают на причастное к его совершению лицо.

Вторая (обстоятельства, свидетельствующие о необходимости и целесообразности избрания меры пресечения) – в пределах, необходимых для достоверного подтверждения существования позитивных и/или негативных характеристик обвиняемого или подозреваемого.

Доказательств второй группы будет достаточно, если они позволяют дать точное описание поведения обвиняемого, позволяющее судить о его личностных качествах (оценочных суждений не достаточно).

Третья (обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого или подозреваемого) – в пределах, необходимых для достоверного установления иных обстоятельств, свидетельствующих в пользу избрания той или иной меры пресечения.

Доказательств третьей группы будет достаточно, если они достоверно подтверждают существование обстоятельств, которые позволяют отдать предпочтение конкретной мере пресечения.

В целом доказательств будет достаточно, если они позволяют сделать правдоподобный вывод (прогноз) о будущем поведении и обвиняемого.

2.2 Прогнозирование поведения обвиняемого (подозреваемого): средства установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при избрании меры пресечения судом

Отличительная особенность доказывания в производстве об избрании меры пресечения заключается в том, что оно нацелено чаще всего не на установление событий прошлого, а на прогнозирование будущего поведения обвиняемого (подозреваемого).

В. М. Корнуков В.М. и С. И. Вершинина верно отмечают, что «практически меры пресечения, в том числе и арест, в подавляющем большинстве случаев применяются на основе вероятного знания. Требование достижения достоверного знания в этих случаях выглядит лукавством, виртуальным представлением о действительности... И 30 лет назад, и сейчас в постановлениях следователей и судей о применении мер пресечения в обоснование принимаемого решения вместо конкретных фактических обстоятельств зачастую воспроизводится почти дословно текст ч. 1 ст. 97 УПК»[176]

Вопрос прогнозирования ранее подробно не рассматривался в работах учёных-процессуалистов, это скорее «вотчина» юридической психологии, социологии, социальной физики и криминологии. Но в данном исследовании говорится о том, что следователь, дознаватель, прокурор и суд фактически должны спрогнозировать поведение обвиняемого (подозреваемого) и обосновать этот прогноз. Значит, необходимо понять, имеют ли они такую возможность в принципе и если да, то что для этого нужно? Необходимо разобраться в понятии прогнозирования и специфике этой деятельности, для того чтобы понять, как применять такую форму познания на практике.

С. И. Вершинина в своем исследовании справедливо указывала, что «в уголовном судопроизводстве определить баланс в соотношении

---

[176] Корнуков В.М., Вершинина С.И. Проблемы объективации оснований применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 19–23.

публичных и личных интересов достаточно сложно, поскольку в большинстве случаев необходимость ограничения прав и свобод человека в указанной сфере возникает в связи с предположением о его возможном противоправном поведении»[177].

В науке существуют диаметрально противоположные точки зрения на проблему прогнозирования поведения человека и саму возможность такого прогноза. Так, некоторые ученые полагают, что прогноз вообще не возможен. Например, для западных футурологов типично отрицание объективной обусловленности будущего[178]. Говоря об «образах будущего», они обычно рассматривают их лишь как предпочитаемые человеком варианты, развёртываемые его воображением в «сценарии будущего»[179]. В целом эту логику рассуждений понять можно. Основным аргументом в поддержку подобных утверждений является ненаучность знания, полученного в результате прогноза индивидуального поведения. Действительно, как этот прогноз может быть научным? Проблема отличия науки от других форм познавательной деятельности – это проблема демаркации, что подразумевает поиск критериев разграничения собственно научного знания и вненаучных построений. Как известно, научное знание всегда обладает такими критериями, как объективность, системность, постоянная методологическая рефлексия, строгая доказательность, обоснованность полученных результатов, достоверность выводов. Может ли следовать получить такое «научное знание», если он не обладает специальными знаниями в области психологии или социологии и у него отсутствует образование психолога? Сделанный следователем вывод невозможно подтвердить опытным путём (эмпирически); важную роль в принятии решения играет интуиция и опыт следователя или дознавателя (жизненный и профессиональный), а также

---

[177] Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : нормативно-правовая природа и механизм функционирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 3

[178] Дьячкова Ю. Е. Психологический прогноз поведения участников следственных действий при расследовании преступлений : дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 23.

[179] Polak F. L. Responsibility for the future // Images for the future: the twenty first century and beyond. Buffalo, 1976. P.11; Bell W. Futuristics and social behavior // Ibid. P. 58.

сложившаяся устойчивая практика. Достоверность же сделанных выводов невозможно оценить на тот момент времени, когда даётся прогноз, да и в дальнейшем (например, по окончании расследования) сделать это будет крайне сложно.

Так, Энтони Винер в предисловии к книге профессора Т. Джонса утверждает[180]: «Будущее не существует, оно не предоставляет в наше распоряжение никаких фактов. Мы не можем поэтому изучать его научными методами»[181].

Вторая же группа учёных, в том числе и абсолютное большинство отечественных психологов и криминологов, считает, что прогноз индивидуального поведения сделать вполне реально, и конфликта такого вида познания с общими законами гносеологии нет. Историческое познание постигает прошлое объекта посредством отражения его «следов» в настоящем, прогностическое познание (предвидение) дает образы будущего, опосредованные его «зародышами», «ростками», тенденциями в современной действительности[182]. Соответственно, те объекты, с которыми может работать следователь, дознаватель или суд, имеются в действительности и являются объектами доказывания.

Определение вероятности совершения в будущем преступления тем или иным конкретным лицом составляет прогнозирование индивидуального преступного поведения. Главное внимание при этом переносится на особенности личности[183]. Поведение обвиняемого следует рассматривать как совокупность свойств, качеств и навыков, которые можно обнаружить органолептически или научно-техническими средствами и исследовать их[184]. Поведение любого

---

[180] Дьячкова Ю. Е. Психологический прогноз поведения участников следственных действий при расследовании преступлений : дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 24.

[181] Jones Th. Options for the future. A comparative analisis of policyoriented forecasts. New York, 1980. P. 9.

[182] Дьячкова Ю. Е. Психологический прогноз поведения ... С. 25.

[183] Алауханов Е. Криминология : учебник. Алматы, 2008. 429 с.

[184] Биленчук П. Д. Криминалистическое прогнозирование поведения обвиняемого на предварительном следствии : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Киев, 1983. С. 10.

человека – это результат взаимодействия различного рода обстоятельств, среди которых важную роль играет сама личность[185].

В литературе предлагается несколько определений термину «прогнозирование». Прогнозирование в широком смысле – предвидение, вообще получение любой информации о будущем. В узком смысле – специальное научное исследование, предметом которого выступают перспективы развития явлений[186]. Криминалистическое прогнозирование – это деятельность по составлению прогнозов, основанная на общих и частных теориях прогностики, т.е. научно обоснованное предвидение и предсказание событий, развития и изменения конкретных свойств и признаков объектов, закономерностей, научных концепций из области науки криминалистики[187].

Под психологическим прогнозом при расследовании преступлений целесообразно понимать научно обоснованное суждение следователя о возможных психологически детерминированных линиях поведения участников следственных действий в будущем и (или) об альтернативных путях их достижения[188].

Выявление вариантов развития или изменения объекта дает возможность выбирать тактику и стратегию взаимодействия с этим объектом, управления объектом, выработки технологии воздействия на него, выбора путей планомерной реализации нововведений[189].

---

[185] Алауханов Е. Указ. соч.

[186] Серёгина В. В., Шаповалова Л. Н., Середина М. Н. Социальное проектирование и конструирование как социально-философская теория и общественная практика [Электронный ресурс] // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2016. Т. 40. С. 59–63. URL: http://e-koncept.ru/2016/56901.htm (дата обращения: 03.04.2018); Никитина В. В. Теоретико-методологические основы социально-экономического прогнозирования реформ [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 357. Электрон. версия печат. публ. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-sotsialno-ekonomicheskogo-prognozirovaniya-reform (дата обращения: 01.07.2019).

[187] Биленчук П. Д. Указ. соч. С. 14.

[188] Дьячкова Ю. Е. Проблема научно-психологического прогноза в деятельности следователя // Следователь. 2003. № 4. С. 44–45.

[189] Серёгина В. В., Шаповалова Л. Н., Середина М. Н. Указ. соч.

Таким образом, учёные считают прогноз результатом отражения, опосредованным прошлыми и настоящими событиями, тем самым придавая прогнозу статус научной адекватности[190].

Ю. Е. Дьячкова указывает, что получение теоретических знаний (о психологии. – Прим. авт.) будущими следователями должно осуществляться в период их обучения в вузах. Следователям, не имеющим юридического образования, указанные выше знания, навыки и умения необходимо прививать в рамках служебной подготовки[191]. Это предложение нам кажется несколько сомнительным. Можно ли обучить на юридическом факультете вуза, в юридическом колледже или на практике следователя тому же, чему 5 лет неотрывно и целенаправленно учат будущих психологов, которые многие годы потом ещё совершенствуются на практике? Прослушать полугодовой курс под названием «юридическая психология» или прочитать книгу по психологии – это ещё не значит стать психологом. Так же как нельзя стать первоклассным следователем, прочитав ряд занимательных детективов. Не отрицая необходимости обучать будущих следователей основам психологии, всё же думается, что следует дать им в руки действенную методику работы в различных направлениях. Именно поэтому следует иметь некоторый обязательный для выполнения алгоритм действий для решения вопроса о мере пресечения. Наибольшая сложность прогнозирования заключена в его объекте и, как ни парадоксально, в субъекте, который сегодня осуществляет это прогнозирование (по большей части на интуитивном уровне). Прогнозируется индивидуальное поведение человека, но каждый человек несёт в себе целую совокупность свойств и качеств – и физических, и психологических, и социальных. Выбрать среди них наиболее значимые для прогноза – это та задача, с которой бывает не под силу справиться непрофессионалу. Вместе с тем следователь или дознаватель обладает столь большим количеством информации по делу, что он может иметь

---

[190] Дьячкова Ю. Е. Психологический прогноз поведения участников ... С. 25.

[191] Дьячкова Ю. Е. Проблема научно-психологического прогноза в деятельности следователя ... С. 45.

предубеждённость в отношении обвиняемого (подозреваемого). Возможно, к моменту решения этого вопроса у следователя (дознавателя) уже сформировалась личная неприязнь к подозреваемому или обвиняемому. На решение следователя ходатайствовать о заключении под стражу могли повлиять совершенно разные второстепенные факторы – от грубости обвиняемого или нежелания идти на контакт и сотрудничать со следствием до фотографий жертвы преступления или эмоциональных показаний потерпевших. Именно поэтому следователь (дознаватель) должен иметь возможность привлекать к этой работе специалиста-психолога.

Научное предвидение основывается на выявлении закономерностей развития явления или события, когда известны причины его зарождения, формы функционирования и ход развития. Прогнозирование есть форма предвидения, выражающаяся в целеполагании, программировании и управлении планируемым процессом явления на основе выявленных параметров его возникновения, существования, устойчивых форм и тенденций развития. Эта форма связана с предвидением направления развития явления в будущем посредством переноса на него представлений о том, как развивается явление в настоящем. Указанный перенос осуществляется с помощью методов экстраполяции, моделирования и экспертизы[192]. Ни следователь, ни дознаватель, ни судья не обладают навыками работы с указанными методами. А значит, для составления хоть сколько-нибудь вероятного и обоснованного прогноза следует привлекать эксперта.

В целом проблема прогнозирования индивидуального преступного поведения еще нуждается в основательной разработке с привлечением достижений психологии, других наук. В частности, актуальной задачей является создание компактной модели прогноза, разработка пригодных для практики правил, процедур, способов ее применения[193].

---

[192] Серёгина В. В., Шаповалова Л. Н., Середина М. Н. Указ. соч.

[193] Алексеев А. И. Криминология [Электронный ресурс] : курс лекций. М., 1999. Лекция 12: Изучение личности преступника. Электрон. версия печат. публ. URL: https://lawbook.online/page/krimminolog/ist/ist-15--idz-ax237--nf-13.html (дата обращения: 06.03.2018).

В основе прогнозирования индивидуального преступного поведения находится анализ личности человека, изучение закономерностей его поведения и особенностей реагирования на определенные обстоятельства[194]. Однако методы прогнозирования в литературе предлагаются различные. Так, Д. Е. Зайков выделяет следующие методы:

– метод экстраполяции – основывается на сходности поведенческих реакций в сходных условиях; наиболее эффективным является составление краткосрочных прогнозов, хотя личность человека может измениться, а соответственно, изменятся и реакции, но так как процесс изменения личности длительный, погрешность прогнозирования будет невелика;

– метод экспертных оценок – наиболее эффективен; в качестве экспертов могут выступать родители, родственники, медики, специалисты-психологи. Этот метод является основным методом при криминологическом прогнозировании в процессе принятия решения по уголовному делу;

– метод моделирования – основывается на расчете усредненной вероятности совершения преступлений на основе коэффициента преступности. В Российской Федерации ежегодно совершает преступление 1 из 50 человек, поэтому усредненная вероятность 1/50, а в процессе совершения преступления вероятность равна 1. Для совершения преступления усредненная вероятность у конкретного человека должна повыситься в 50 раз, ее повышают различные криминогенные качества и криминогенные обстоятельства.

В качестве ещё одного действенного метода прогнозирования некоторые учёные выделяют социальное проектирование. Проектирование социальных процессов направлено на внесение изменений в социальную среду человека. Оно в идеальной форме задает эти изменения, которые осуществляются последующей реализацией проекта[195].

---

[194] Зайков Д. Е. Криминология. М., 2008. 24 с.

[195] Котляров И. В. Теоретические основы социального проектирования / под ред. Е. М. Бабосова. Минск, 1989. 188 с.

Социальное проектирование – это проектирование социальных объектов, социальных качеств, социальных процессов и отношений. В отличие от проектирования таких объектов, при изменении которых не учитывается субъективный фактор, при проектировании социальных объектов этот фактор должен учитываться. Его учет во многом предопределяет специфику социального проектирования. При этом в основание социального проектирования должны быть заложены следующие параметры:

- противоречивость социального объекта;
- многовекторность развития социального объекта;
- невозможность описания социального объекта конечным числом терминов любой социальной теории (принципиальная неформализуемость);
- многофакторность бытия социального объекта;
- наличие множества субъективных составляющих, определяющих соотношение должного и сущего в отношении развития социального объекта;
- субъективные факторы формирования социального ожидания, социального прогноза и социального проектирования;
- факторы, определяющие разные критерии оценки зрелости развития социального объекта[196].

Профессор М. Д. Шаргородский справедливо отмечает, что при оценке прогноза социальных явлений следует иметь в виду, что социальный прогноз – это большей частью не одновариантное «пророчество», которое обязательно должно «сбыться». Прогноз социальных явлений, как правило, вариативен, он сам воздействует на человеческое поведение, и развитие событий может пойти вопреки прогнозу или с учётом этого прогноза. Ценность прогноза заключается часто (и, может быть, чаще всего) в том, что он вызывает силы, способные мешать его наступлению. Прогноз не одновариантен, не фатален, а многовариантен. Не предсказывая неизбежность наступления какого-либо события, он сам создаёт возможность путём внесения определённых изменений в цепь детерминирующих

[196] Курбатов В. И., Курбатова О. В. Социальное проектирование: учеб. пособие. Ростов н/Д., 2001. С. 8.

факторов добиться того, чтобы наступил иной результат. Цель прогноза – руководство действиями, относящимися к будущему[197].

С таким подходом в целом можно согласиться, считаю, что прогноз поведения обвиняемого (подозреваемого), представляемый следователем, является лишь наиболее вероятным вариантом развития событий, который можно предположить, исходя из имеющихся исходных данных. Такой прогноз делается не просто «для сведения», а со вполне конкретной целью – следователь, предположив большую возможность (высокую вероятность) противоправного поведения обвиняемого (подозреваемого), может собственными действиями корректировать это поведение или предупредить его. Вопрос в том, может ли следователь самостоятельно делать прогнозы подобного рода. Прогноз становится возможным тогда, когда следователь может выбрать из разнообразия собранных данных информацию, отражающую свойства личности конкретного лица и возможные тенденции его поведения[198]. Как показало исследование, проведённое П. Д. Биленчуком, 71,2 % опрошенных следователей, готовясь к допросу обвиняемого, прогнозируют его поведение, 25,7 % прогнозируют не всегда, и только 3,1 % ответили, что не прогнозируют. Однако на вопрос об эффективности прогнозирования 73,2 % следователей ответили, что прогнозы оправдываются, 26,8 % указали, что их прогнозы оправдываются редко.

В ходе данного исследования было проведено самостоятельное анкетирование правоприменителей для проверки выдвинутой версии о необходимости прогноза поведения лица, в отношении которого избирается мера пресечения, и в результате получены следующие данные: при ответе на вопрос «Есть ли необходимость прогнозировать поведение обвиняемого (подозреваемого) по уголовному делу при избрании ему меры пресечения?» опрашиваемые могли выбрать ответ а) «да, это важно, я стараюсь прогнозировать будущее поведение обвиняемого (подозреваемого)» или ответ б) «нет, в этом нет необходимости, я не делаю таких прогнозов».

---

[197] Шаргородский М. Д. Прогноз и правовая наука // Правоведение. 1971. № 1. С. 40–50.
[198] Биленчук П. Д. Указ. соч. С. 15.

Получены следующие результаты:

- следователи (дознаватели): а) 69,4 %, б) 30,6 %;
- прокуроры: а) 40 %, б) 60 %;
- адвокаты: а) 83,3 %, б) 16,7 %;
- судьи: а) 69 %, б) 31 %.

Как видим, при равной в целом картине из общей тенденции выбиваются только прокурорские работники. Возможно, это связано с тем, что они не принимают самостоятельного итогового решения о применении меры пресечения и не несут ответственности за него, а потому не относятся к решению этого вопроса достаточно серьёзно.

Профессор М. Д. Шаргородский также указывает, что для того, чтобы прогноз был наиболее правилен, а значит и эффективен, необходимо: а) знание объективных фактов прошлого и настоящего; б) знание законов развития; в) объективная оценка совокупности взаимодействующих факторов[199]. Он же, рассматривая различные виды криминалистического прогнозирования (как части социологии права), писал о том, что «среднее» поведение коллектива предсказать всегда труднее, чем действия каждого из его членов. Неизбежно возникает вопрос: способен ли суд удовлетворить предъявляемые к нему требования такого прогноза?[200] И действительно, следует признать, что сегодня следователь (дознаватель), прокурор и суд строят свой прогноз на основании интуиции и предыдущего опыта – собственного или устоявшейся практики правоприменения в похожих случаях. Поэтому верно пишет М. Д. Шаргородский, что при существующем положении вещей этот прогноз не соответствует тем данным, которые уже сейчас достигнуты наукой о человеке и обществе. Чтобы этот прогноз был по возможности правилен, необходимо сотрудничество суда с психологами и педагогами[201]. Прогнозируя индивидуальное будущее поведение, мы действительно имеем дело с явлениями, которые «содержат слишком много

---

[199] Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 49.
[200] Там же.
[201] Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 49.

переменных для практического исследования во всех подробностях»[202]. Но сейчас психолог может найти подход, с помощью которого он сумеет получить информацию, которая ему действительно нужна. При всех недостатках и ошибках такой прогноз гораздо лучше, чем чисто интуитивный прогноз, который имеет место в настоящее время[203]. Специалист-психолог в силу наличия специального образования и опыта обладает достаточными знаниями, чтобы определить, например, тип личности преступника, отличить ложное от истинного, понять его отношение к возможному наказанию, выявить действительные интересы и жизненные приоритеты личности. Кроме того, такой специалист просто не запутается в огромном массиве имеющейся информации, он способен её фильтровать, отбирая наиболее существенное для разрешения поставленного вопроса. Именно поэтому только с помощью заключения психолога можно построить обоснованный прогноз индивидуального поведения.

Объективно при обращении в суд с ходатайством о применении в качестве меры пресечения залога, домашнего ареста, запрета определенных действий или заключения под стражу следователь или дознаватель, как правило, не имеют достаточного времени для получения заключения психолога. Однако видится целесообразным рассмотреть вопрос о необходимости получить заключение специалиста-психолога в тех случаях, когда следователь или дознаватель обращается в суд с ходатайством о продлении срока домашнего ареста или заключения под стражу свыше 3 месяцев. Причём следует дать возможность предоставить документы и доказательства для дачи такого заключения специалисту не только следователем, но и адвокатом. Не всегда возможно дать психологу много времени для общения с лицом и изучения всех необходимых документов, предоставленных следователем и адвокатом, но даже такой анализ будет полезен суду и позволит сделать применение таких мер пресечения, как заключение под стражу, более обоснованными, а саму процедуру более прозрачной и профессиональной. Например, сегодня в арсенале

---

[202] Эшби У. Р. Введение в кибернетику / под ред. В. А. Успенского. М., 1959. С. 163.
[203] Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 50.

профессиональных психологов достаточно много разнообразных экспресс-методов определения доминирующих черт личности, скрытых намерений и желаний лица.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при наличии достаточных данных прогнозировать индивидуальное поведение возможно, однако органы и должностные лица, ведущие процесс, не обладают специальными знаниями для построения такого прогноза, поэтому не всегда могут качественно проанализировать имеющиеся у них данные.

Во всех случаях, при наличии хотя бы ограниченных научных познаний, а не полного знания всех взаимосвязанных причин, научное прогнозирование достовернее и эффективнее, чем прогнозирование интуитивное. Вот почему желательно привлечение специалиста-психолога, который более обоснованно сможет рекомендовать те или иные меры для ресоциализации конкретного лица. «Недопустимо решать данные вопросы на основе одной только интуиции, как это сейчас иногда имеет место»[204]. Вопрос о личности преступника достаточно неоднозначный и сложный в связи с бесчисленным количеством вкладываемых в данное понятие критериев, временными ограничениями для сбора сведений о личности судом, отсутствием преемственности, взаимодействия в изучении личности между судом и следователем, расследовавшим уголовное дело, а также скудным количеством источников данной информации[205].

Значительный интерес при исследовании проблемы прогнозирования поведения представляет собой работа А. П. Закалюка, который ещё в советский период предложил способ практического применения методики прогноза индивидуального преступного поведения[206]. Он в своей работе ссылается на Ю. В. Солопанова, который непосредственно испытал в прикладных разработках

---

[204] Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 45.

[205] Южанин В. Е. Оптимизация процесса изучения личности осужденного, применение принудительных и воспитательных мер в ИТУ // Педагогическое наследие А.С. Макаренко и проблемы исправления и перевоспитания осужденных : материалы науч.-практ. конф. Рязань, 1988. С. 134.

[206] Закалюк А. П. Опыт создания и применения методики прогноза индивидуального преступного поведения // Вопросы борьбы с преступностью / отв. ред. И. И. Карпец. М., 1985. Вып. 43. С. 14–23.

различные методы прогнозирования преступного поведения и в конечном счете пришёл к выводу, что основой такой работы должны быть типизация комплексов признаков и типологизация личности, без чего индивидуальное криминологическое прогнозирование бесперспективно. А. П. Закалюк построил своё исследование на гипотезе о том, что признаки, значимые для прогноза преступного поведения какой-то совокупности лиц, являются для них типическими (относительно их личности или её взаимодействия с социальной средой либо поведения) и в комплексе образуют модель определённого типа, скажем, личности правонарушителя или (на другом уровне типологизации) антиобщественного (преступного) поведения ранее судимого или тунеядца, либо других разновидностей (типов) его субъектов[207]. Это предположение подтверждено эмпирическим методом: было проведено серьёзное практическое исследование и построена соответствующая ему математическая модель. Наибольшую сложность автор видел в выявлении среди всей массы признаков (личности, поведения, преступления, социальной среды и т.д.) таких, которые имеют прогностическое значение. Необходимо было научно обосновать ключевые признаки-индикаторы, позволяющие в комплексе выявить и представить интересующую тенденцию[208]. Именно эту задачу и решало исследование, для этого и рассчитывалась математическая модель с коэффициентом детерминации признака, кроме того, исследование имело своей задачей вычислить меру связи «признак-результат», а также оценить такую связь. В результате были установлены наиболее значимые для криминологического прогноза признаки. Эти признаки разделены на две группы: позволяющие говорить о высокой вероятности противоправного поведения в будущем и свидетельствующие о низкой вероятности такого поведения. Например, к первой группе относятся следующие признаки: систематическое злоупотребление спиртными напитками (особенно пьянство по месту жительства), отрицательное поведение по месту жительства, нарушение ранее установленных для лица

[207] Закалюк А. П. Опыт создания и применения методики ... С. 16.
[208] Там же. С. 14.

ограничений, совершение повторных правонарушений, незанятость работой или учёбой, усугубление антиобщественного поведения, невыполнение родительских обязанностей или отсутствие своей семьи, проживание совместно с неродственными лицами и некоторые другие[209]. Представляется, что эти данные носят прикладной характер и могут быть использованы на практике с некоторыми дополнениями, отвечающими современным реалиям. Представляется, что на основании разработанных признаков и признаков, полученных благодаря изучению практики судебных и следственных органов, можно составить перечень таких обстоятельств, касающихся личности и её социального окружения, которые должны устанавливаться следователем (дознавателем), прокурором и судом всегда, то есть в каждом случае решения вопроса о применении меры пресечения к обвиняемому (подозреваемому). Совокупность этих обстоятельств будет образовывать обстоятельства, подлежащие доказыванию в данном производстве.

Так, и в криминальной психологии некоторые исследователи (Ю. М. Анотонян, А. Н. Пастушеня, Е. Г. Самовичев) указывают на необходимость учета криминогенных индивидуально-психологических особенностей лица для прогноза его будущего преступного поведения.

В своём исследовании К. Д. Титаев, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, на основании анализа 10 тыс. судебных решений и цикла экспертных интервью анализирует вероятность избрания обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу. Он указывает, что на этом этапе следователь, как правило, имеет стандартную персональную информацию о подозреваемом (пол, возраст, брачный и семейный статусы), его легальном статусе (судимость, рецидив, статья или статьи обвинения, наличие соучастников), наличии основных смягчающих обстоятельств. Кроме того, следователь с большой степенью точности прогнозирует, признает ли подсудимый вину, сможет ли он собрать положительные характеристики и то, как будет вести себя потерпевший. Все эти факторы играют важную роль в принятии следователем решения о ходатайстве о

[209] Закалюк А. П. Указ. соч. С. 19–21.

заключении под стражу. Понятно, что многие из этих параметров могут меняться по ходу следствия или даже судебного разбирательства, но, как показывают данные качественных исследований, происходит это крайне редко. Признание вины резко снижает вероятность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В интервью следователи утверждают, что на практике заключение под стражу имеет две фактические цели: предотвращение ситуации, в которой подозреваемый скроется, и стимуляция признания вины. Понятно, что, с точки зрения следователя, судимость и отсутствие постоянной работы резко повышают вероятность того, что подозреваемый скроется. Признание же вины (сотрудничество со следствием) часто выступает предметом торга, когда подозреваемому предлагают признать вину в обмен на избрание меры пресечения, не связанной с лишением свободы. Наличие же гражданского иска в деле о краже (то есть наличие живого и активного потерпевшего) также резко повышает шансы на предварительное заключение. Деклассированные потерпевшие, как правило, не знают о существовании этого правового института и не имеют возможности нанять адвоката, который рассказал бы им о таком механизме[210].

Особое внимание следует уделить не только прежним судимостям обвиняемого или подозреваемого, но и фактам применения к ним мер общественного воздействия за правонарушения, совершение административных проступков, отрицательное поведение в быту и т. п. Также подлежат установлению характер трудовой деятельности, график работы, размер заработной платы. Подлежат рассмотрению вопросы здоровья обвиняемого (подозреваемого), для чего могут быть истребованы амбулаторные карты из поликлиники по месту жительства, сведения об оформленных или оформляемых инвалидностях, карты из медицинских учреждений, в которых проходил лечение подозреваемый или обвиняемый.

---

[210] Титаев К. Д. Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда // Экономическая социология. 2014. Т. 15, № 3. С. 88–118.

К характеристикам личности можно отнести пол, возраст, отношение к работе/учёбе; пристрастие к спиртному и наркотическим веществам; наличие постоянного фактического места жительства; наличие семьи и участие в её жизни. При этом следователь и дознаватель не могут быть лишены права представлять и дополнительные, необходимые в данном случае сведения. Перечень не должен быть закрытым.

Следователь (дознаватель) должен располагать совокупностью доказательств, указывающих на необходимость ограничения свободы и личной неприкосновенности обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления. Эти данные должны быть закреплены в материалах уголовного дела в установленном процессуальном порядке. В постановлении об избрании меры пресечения должны быть указаны все обстоятельства, позволившие суду сделать прогноз о дальнейшем поведении обвиняемого. Причём ссылаться и в постановлении, и в соответствующем определении суда следует не на пункт ст. 97 и 99 УПК, как сейчас происходит на практике, а на непосредственные доказательства, которые свидетельствуют о возможности отрицательного поведения лица, конкретные обстоятельства с указанием листов дела.

Ответы опрошенных практических работников на вопрос «На какие из перечисленных обстоятельств Вы обязательно обращаете внимание при решении вопроса об избрании меры пресечения обвиняемому (подозреваемому)?» расположились следующим образом (от выбранных наиболее часто к редко выбранным):

1) тяжесть преступления, в котором подозревается (обвиняется) лицо;
2) наличие/отсутствие постоянного места жительства;
3) наличие/отсутствие судимости;
4) характеристики личности обвиняемого (подозреваемого);
5) наличие/отсутствие постоянного места работы;
6) наличие семьи, несовершеннолетних детей;
7) возраст;

8) особенности совершённого преступления (совершено группой лиц; с особым цинизмом; в отношении малолетнего и т.д.);

9) отношение лица к спиртным напиткам и наркотическим веществам;

10) пол;

11) среди иного было предложено: возмещение причиненного вреда; обстоятельства статьи 97 УПК РФ; наличие сведений о том, что обвиняемый угрожает либо может угрожать свидетелям; поведение на следствии.

В материалах уголовных дел крайне редко можно найти доказательства, прямо указывающие на необходимость применения меры пресечения. Чаще всего об этом косвенно свидетельствуют такие обстоятельства дела, как способ совершения преступления, тяжесть совершённого преступления, совершение нескольких преступлений, корыстные или иные низменные побуждения, отрицательная характеристика личности обвиняемого, наличие у него судимости и т.д. Однако считаю недопустимым ссылаться на такие «основания», не предусмотренные законом, как «не найдено вещественное доказательство», «не обнаружено орудие преступления», «не успели опросить всех свидетелей» и т.п. Подобные доводы следственных органов носят предположительный характер, как правило, не основаны на материалах дела в том смысле, что неизвестно, будут ли когда-нибудь найдены эти предметы, как и не доказано, что обвиняемый будет препятствовать этому.

Таким образом, когда идёт речь о таком блоке обстоятельств, подлежащих доказыванию, как обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (подозреваемого) при выборе конкретной меры пресечения, то все подлежащие учёту факторы следует условно разбить на 3 группы: данные о личности подозреваемого или обвиняемого; данные о социальном окружении этой личности; значимые для прогноза особенности совершённого преступления. Только имея все эти данные, можно составить прогноз индивидуального поведения, который будет обладать высокой степенью вероятности.

К данным, характеризующим личность, относятся:

1) общедемографические характеристики: пол, возраст;

2) уровень образования, уровень умственного развития, специальность, жизненный опыт, направленность взглядов, культурный уровень;

3) наличие официального места работы, наличие постоянного легального источника дохода, трудовой опыт и стаж работы; отношение к труду, к общепринятым ценностям, участие в общественной жизни;

4) доминирующие черты характера: замкнутый или общительный, деятельный или пассивный, добросовестный или безответственный, мнительный, мстительный, жестокий, грубый, завистливый, добрый и т.п.; наличие и характер хобби и увлечений; привычки антиобщественного характера; желание сотрудничать со следствием; отношение к содеянному.

Вместе с тем, если говорить о чертах характера обвиняемого, в проанализированных постановлениях суда об избрании меры пресечения лишь в нескольких суд в качестве обоснования избрания заключения под стражу среди прочего указывал на черты личности. Например, встречаются фразы «характеризуется как скрытное лицо, агрессивное, имеются антиобщественные установки», «особая дерзость лица», «агрессивный», «уважением среди односельчан не пользуется», «склонен к совершению правонарушений». Также в нескольких постановлениях нам встретилась фраза «суд учитывает намерение обвиняемого сотрудничать со следствием»;

5) наличие устойчивых социальных ролей, отношение к родителям, супругу и детям, участие в их жизни;

6) данные о ранее совершённых преступлениях и правонарушениях, случаи привлечения к уголовной, административной и дисциплинарной ответственности, какие меры наказания и кем назначались, выполнялись ли обязанности, наложенные судом, где лицо отбывало наказание и как характеризовалось в этот период. Учету подлежит и наличие преступного опыта и связей в криминальном мире;

7) тяжкие и хронические заболевания, такие как алкоголизм, наркомания, токсикомания, отклонения в сексуальной сфере, психические заболевания, разного рода зависимости (в реальности в постановлениях суда об избрании меры

пресечения часто можно встретить не данные о заболеваниях, а общий вывод об отсутствии тяжелых заболеваний, препятствующих нахождению под стражей).

Это не означает, что выяснению и изучению подлежат все перечисленные факторы, но общее представление по каждому пункту у следователя должно быть сформировано.

Сегодня требование об изучении данных о личности при избрании меры пресечения правоприменителеми зачастую упускается из виду. Примером является дело № 22к-377[211]: отменяя постановление судьи районного суда, которым оставлено без удовлетворения ходатайство органов предварительного следствия в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, коллегия по уголовным делам Красноярского краевого суда указала на то обстоятельство, что постановление суда не отвечает требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Суд не привел в постановлении данные о личности Н., представленные в обоснование доводов следователя.

Негативная практика, указывающая на недостаточное изучение личности, есть и в ЕСПЧ. Так, применительно к обоснованности мер пресечения Европейский суд в деле «Панченко против России» указывает на недостаточность оснований в отдельных случаях, на шаблонность и краткость постановлений об избрании меры пресечения. Например, национальный суд несколько раз делает ссылки на «личность» обвиняемого, но эти ссылки не сопровождаются какими-либо пояснениями, и остаётся неясным, каковы в действительности личностные характеристики заявителя[212].

Нельзя забывать и о социальном окружении лица. Как известно, человек, личность формируется лишь под влиянием социума. Личность всегда играет определённые социальные роли, является постоянным членом нескольких малых

---

[211] Уголовное дело № 22к-377 // Архив Кировского районного суда г. Красноярска

[212] Дело «Панченко (Panchenko) против Российской Федерации : (жалоба № 45100/98) [Электронный ресурс] : постановление Европейского суда по правам человека от 8 февр. 2005 г. // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n= 29457#045252667054492357 (дата обращения: 10.11.2018).

социальных групп (семья, трудовой коллектив, друзья, преступное сообщество и прочие). Ближайшее социальное окружение может как подтолкнуть лицо на преступление, так и в целом положительно влиять на него, как быть его постоянными сообщниками в совершении правонарушений, так и добропорядочными гражданами. Нельзя не учитывать эти факторы при избрании, например, таких мер пресечения, как домашний арест или заключение под стражу. В этом «блоке» выяснению подлежат: 1) данные о семье – семейное положение лица; состав семьи; с кем из членов семьи постоянно проживает; характеристика членов семьи; сложившиеся семейно-бытовые отношения; жилищные условия и материальные условия семьи в целом и обвиняемого (подозреваемого), его участие в совместной деятельности; 2) данные о ближайшем окружении – отношения в трудовом коллективе и общие условия труда; круг общения в сфере досуга, кто оказывает на обвиняемого (подозреваемого) негативное либо позитивное влияние, есть ли на свободе сообщники преступления, имеют ли члены семьи и лица из ближайшего окружения алкогольную или наркотическую зависимости и т.п.

При учёте третьей составляющей – данных о преступлении – следует помнить, что далеко не все обстоятельства совершения преступления будут иметь значение. Следует искать лишь те стороны и грани совершенного деяния, через которые можем увидеть личность человека, его совершившего, его принципы, установки и мотивацию. Учёту подлежит лишь то, что помогает установить определённую тенденцию в поведении. Такими значимыми характеристиками могут служить обстоятельства, обусловившие совершение преступления – причины и мотивы самого преступления, в отношении кого совершено преступление, какие условия способствовали совершению правонарушений либо облегчили его, было ли связано совершённое деяние с пьянством или употреблением наркотиков и иных психотропных веществ, ранее существовавшими конфликтами на работе, в семье, было ли преступление спланированное или ситуативное и т.п. Важным может оказаться и поведение обвиняемого (подозреваемого) сразу после совершения преступления – пытался

ли он скрыться, сокрыть следы преступления, оказывал ли сопротивление при задержании.

При анкетировании, проведённом в рамках настоящего диссертационного исследования, на вопрос «Что лично Вам затрудняет решение вопроса об избрании меры пресечения?» (возможно несколько вариантов ответов) 11,8 % опрошенных назвали большую загруженность; 19,7% – ограниченность процессуальных сроков, некогда вникать в вопрос; 25,2% – сложность с прогнозированием поведения обвиняемого (подозреваемого); 1,6% – необходимость в наращивании статистических показателей (такой ответ дали только следователи); 41,6% – ничего не затрудняет. В качестве иных вариантов ответа были предложены: «практически невозможно повлиять на выбор меры пресечения в связи с обвинительным уклоном правоохранительной системы и судов»; «качество представляемых материалов».

На вопрос «Чего Вам обычно не хватает при решении вопроса об избрании меры пресечения обвиняемому (подозреваемому)?» 40,1% опрошенных ответили «материалов дела, данных о личности»; 2,4% выбрали ответ «знаний психологии»; 4,7% - «опыта»; 6,3% - «письменных рекомендаций для практических работников, которыми можно руководствоваться»; 45,7% - ничего из вышеперечисленного. Как иные варианты ответа были указаны: «данных о заболеваниях, состоянии здоровья»; «несобранность материалов для избрания меры пресечения»; «отсутствие процессуальной независимости».

На вопрос «Если бы у Вас была такая возможность, обратились бы Вы к специалисту-психологу (для получения консультации, заключения о личности обвиняемого) при решении вопроса о выборе меры пресечения?» Были предложены варианты ответов: а) да, в каждом случае; б) возможно, иногда в сложных или спорных случаях; в) в этом нет необходимости.

Получены следующие результаты:

- адвокаты: а) 33,3 %, б) 58,3 %, в) 8,3 %;
- прокуроры: а) 12 %, б) 48 %, в) 41,4 %;
- судьи: а) 6,9 %, б) 51,7 %, в) 38 %.

• следователи (дознаватели): а) 0 %, б) 44,9 %, в) 55,1 %.

То есть более половины опрошенных указали, что хотели бы иметь возможность обратиться к специалисту-психологу для получения консультации и заключения о личности обвиняемого в сложных или спорных случаях.

Практически осуществить это не так сложно, как кажется. Психолог мог бы выступать в качестве специалиста и давать заключение по поставленным следователем вопросам. Поскольку организационно и финансово практически невозможно ввести в штат судов судебных психологов, то разумно было бы поручать подготовку таких заключений дипломированным специалистам в данной области. С целью экономии процессуальных средств, с одной стороны, и обеспечения прав обвиняемому (подозреваемому) с другой, было бы разумно привлекать этих специалистов при решении вопроса об избрании меры пресечения судом (не в каждом случае, но при необходимости), а главное – при решении вопроса о продлении меры пресечения на срок свыше 3 месяцев. Специалисту-психологу должна быть предоставлена возможность знакомиться с материалами, направляемыми в суд, а также психолог должен иметь возможность лично встретиться с обвиняемым (подозреваемым) до составления такого заключения. Такой специалист мог бы давать суду письменное обоснованное заключение о необходимости (*или отсутствии такой необходимости*) применения конкретной меры пресечения и рекомендации о наиболее эффективной мере пресечения в данном случае. При такой процедуре избрания наиболее строгих из имеющихся в законе мер пресечения соблюдение прав обвиняемого (подозреваемого) будет гарантировано.

Итак, специфика доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом заключается в прогнозировании, которое осуществляет субъект доказывания. Прогноз поведения обвиняемого (подозреваемого) является наиболее вероятным вариантом развития событий, который можно предположить исходя из имеющихся сведений. Такой прогноз обосновывается первоначально в ходатайстве и окончательно в решении суда. В случае, если за истекший срок с момента избрания меры пресечения судом у следователя (дознавателя) не

появилось дополнительной аргументации, новых доказательств необходимости и целесообразности применения (и продления) этой меры пресечения, то следователь или дознаватель должны иметь возможность обратиться за заключением специалиста к психологу, который может оценить риски нежелательного поведения лица.

Заключение

Для целей настоящего исследования содержание некоторых понятий было уточнено:

- *процессуальная форма* – это совокупность нормативно-установленных (единых и обязательных) правил и требований, организующих (приводящих в движение, упорядочивающих) уголовно-процессуальную деятельность на всем её протяжении. Совокупность принципов, гарантий, общих условий, прав и обязанностей субъектов и участников уголовного процесса и есть форма процесса;
- *уголовно-процессуальное производство* – это совокупность стадий уголовного процесса, направленная на достижение собственных целей, сообразующихся с целями уголовного процесса, обладающая собственным предметом рассмотрения, которая реализуется субъектами уголовного процесса в соответствии с закрепленной в законе процедурой уголовно-процессуальной деятельности, итогом которой является судебное решение;
- *меры пресечения* – это применяемые компетентными субъектами меры уголовно-процессуального принуждения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, оказывающие на обвиняемого (подозреваемого) определённое психологическое воздействие или временно ограничивающие его права и свободы, в целях исключения возможности для обвиняемого (подозреваемого) уклониться от дознания, предварительного следствия или суда, помешать установлению истины по делу или заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора;
- *меры пресечения, избираемые судом* – это наиболее строгие меры уголовно-процессуального принуждения, решение о применении которых: требует особого процессуального порядка; принимается в целях обеспечения нормального хода уголовного судопроизводства; оказывает на обвиняемого (подозреваемого) определённое психологическое воздействие; временно ограничивает его права и свободы.

Применение обоснованной и законной меры пресечения имеет превентивную функцию, пресекая и предупреждая новые преступления или правонарушения со стороны обвиняемого (подозреваемого).

Любое процессуальное производство обладает следующим набором признаков: 1) реализуется компетентными должностными лицами и уполномоченными органами государства из числа субъектов уголовного процесса при обязательном участии суда как органа, принимающего итоговое решение; 2) всегда включает в себя более одной стадии или этапа уголовного процесса; 3) является доказательственным; 4) направлено на достижение собственных, конкретных целей, которые согласуются с целями и задачами уголовного процесса; 5) имеет собственный предмет рассмотрения; 6) имеет нормативно закреплённый порядок; 7) завершается итоговым актом, постановляемый судом.

Проведенное исследование позволило обосновать, что самостоятельное уголовно-процессуальное производство по избранию меры пресечения появляется только там, где есть судебный контроль, то есть решение об избрании меры пресечения судом принимается в результате осуществления одной из функций суда – судебного контроля. Такое производство является доказательственным и имеет целью обеспечение нормального хода основного производства по делу и соблюдение прав и свобод лица, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения.

Применение законной и обоснованной меры пресечения имеет превентивную функцию – пресечение и предупреждение новых преступлений или правонарушений со стороны обвиняемого (подозреваемого). Вместе с тем, автором обосновано предложение внести в закон специальную (дополнительную) цель избрания заключения под стражу: предотвращение общественных волнений и/или нарушений общественного порядка, если оставление лица на свободе может привести к таковым.

Уточнена функциональная направленность деятельности субъектов производства (следователя, дознавателя, прокурора и суда) в производстве по избранию судом меры пресечения и определены пределы их полномочий:

- следователь или дознаватель в рассматриваемом производстве реализует функцию обоснования вывода о необходимости избрания определенной меры пресечения (путем заявления соответствующего ходатайства и участия в его рассмотрении судом);

- прокурор осуществляет от имени государства надзора за соблюдением законодательства в ходе уголовного судопроизводства, в связи с чем может поддержать заявленное следователем или дознавателем ходатайство либо отказаться от его поддержания, обеспечивая соблюдение законности избрания меры пресечения;

- суд реализует функцию судебного контроля путем рассмотрения и разрешения ходатайства в порядке судебного разбирательства;

Обосновано, что пределы полномочий указанных субъектов могут выражаются в следующем:

- отказ прокурора от поддержания заявленного следователем ходатайства в судебном заседании не прекращает производство по рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения, при этом следователю предоставляется право поддерживать заявленное ходатайство;

- отказ следователя от поддержания заявленного им ходатайства обязателен для суда, если прокурор также откажется поддерживать его;

- дознаватель не вправе отказаться от поддержания заявленного им ходатайства без согласия прокурора;

- отказ прокурора от поддержания заявленного дознавателем ходатайства обязателен для суда;

В этой связи представляются вполне обоснованными предложения по созданию института специализированных органов судебной власти – федеральных следственных судей, осуществляющих исключительную функцию судебного контроля и свободных от полномочий по отправлению правосудия.

Также в работе обосновано, что в целях обеспечения состязательности и равенства прав сторон, стороне защиты должно быть предоставлено право ознакомления с материалами производства до судебного заседания, а потерпевшего и его представителя надлежит уведомлять о назначении судебного заседания по рассмотрению ходатайства следователя об избрании меры пресечения, также потерпевшему и его представителю должно быть предоставлено право участвовать в рассмотрении судьей ходатайства о применении меры пресечения.

Сформулировано предложение сократить срок содержания под стражей при избрании заключения под стражу до 1 месяца. Вместе с тем указывается на необходимость дополнительной обоснованности и мотивированности позиции о продлении срока содержания. Так, органы предварительного расследования обязаны предоставить суду новые аргументы, дополнительные доказательства, обосновывающие необходимость принятия такого решения, а также сведения о процессуальных и иных действиях, произведенных в период нахождения лица под стражей, обоснование необходимости проведения ранее не произведенных следственных и иных процессуальных действий, а также причин невозможности их проведения до момента обращения в суд с соответствующим ходатайством.

Специфика доказывания для производства по избранию меры пресечения судом заключается в прогнозировании будущего поведения; в том, что вывод всегда вероятностный. Общими объектами исследования, имеющими значение для субъекта доказывания в данном производстве, являются преступление, личность и ближайшее социальное окружение обвиняемого (подозреваемого).

В результате исследования установлено, что в каждом случае при избрании меры пресечения субъектам доказывания надлежит устанавливать: 1) обстоятельства, указывающие на причастность лица к совершению преступления; 2) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого или подозреваемого (в эту группу включаются, среди прочего, данные о социальном окружении этой личности; значимые для прогноза характеристики совершённого преступления); 3) обстоятельства, свидетельствующие о необходимости и

целесообразности избрания конкретной меры пресечения (залога, домашнего ареста, запрета определённых действий или заключение под стражу). Это значит, что в каждом случае требуются доказательства, которые, с одной стороны, подтверждают участие лица в совершении преступления в степени обоснованного подозрения (причастность лица к преступлению, его активную роль в совершении преступного деяния), а с другой – указывают на совершение действий по воспрепятствованию осуществления уголовного правосудия, либо на реальную возможность совершения указанным лицом подобных действий, либо на то, что оно будет продолжать заниматься преступной деятельностью.

Все обстоятельства, подлежащие доказыванию в рассматриваемом производстве, должны подтверждаться доказательствами, полученными в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ;

В работе обосновано, что причастность лица к совершению преступления – это обстоятельство, подлежащее доказыванию в степени обоснованного подозрения, необходимое для того, чтобы говорить, почему именно в отношении данного лица ставится вопрос об избрании меры пресечения. Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных сведений о том, что лицо могло совершить преступление;

Автором обозначены пределы доказывания в рассматриваемом производстве. Обосновано, что первая группа обстоятельств, подлежащих доказыванию, (*обстоятельства, указывающие на причастность лица к совершению преступления*) доказывается в пределах, необходимых для обоснованного подозрения в совершении конкретного преступления конкретным лицом.

Доказательств первой группы обстоятельств будет достаточно, если они, как минимум, достоверно устанавливают событие преступления (или такие составляющие его элементы, без которых объективной стороны состава преступления быть не может), в максимальной степени вероятности указывают на причастное к его совершению лицо.

Вторая (обстоятельства, свидетельствующие о необходимости и целесообразности избрания меры пресечения) – в пределах, необходимых для достоверного подтверждения существования позитивных и/или негативных характеристик обвиняемого или подозреваемого.

Доказательств второй группы будет достаточно, если они позволяют дать точное описание поведения обвиняемого, позволяющее судить о его личностных качествах (оценочных суждений не достаточно).

Третья (обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого или подозреваемого) – в пределах, необходимых для достоверного установления иных обстоятельств, свидетельствующих в пользу избрания той или иной меры пресечения.

Доказательств третьей группы будет достаточно, если они достоверно подтверждают существование обстоятельств, которые позволяют отдать предпочтение конкретной мере пресечения.

В целом доказательств будет достаточно, если они позволяют сделать правдоподобный вывод (прогноз) о будущем поведении и обвиняемого.

Кроме того, выработан ряд практических рекомендаций по совершенствованию механизма избрания меры пресечения; предложены возможные средства доказывания, которыми могут подтверждаться выводы следователя о том, что лицо скроется, будет воздействовать на свидетелей или иным образом воспрепятствует правосудию.

Значимой и отличительной особенностью доказывания в производстве об избрании меры пресечения является то, что оно нацелено чаще всего не на установление событий прошлого, а на прогнозирование будущего поведения обвиняемого (подозреваемого). Представляется верной точка зрения, согласно которой при наличии достаточных данных прогнозировать индивидуальное поведение возможно. Прогноз поведения обвиняемого (подозреваемого) является наиболее вероятным вариантом развития событий, который можно предположить исходя из имеющихся сведений. Такой прогноз обосновывается первоначально в ходатайстве и окончательно в решении суда. Таким образом, предлагается

рассмотреть вопрос о возможности получения заключения специалиста-психолога о необходимости (*или отсутствии такой необходимости*) применения конкретной меры пресечения и/или рекомендации о наиболее эффективной мере пресечения в отношении конкретного лица, в случаях, когда следователь (дознаватель) обращается в суд с ходатайством о продлении меры пресечения на срок свыше 3 месяцев. В случае, если за истекший срок с момента избрания меры пресечения судом у следователя (дознавателя) не появилось дополнительной аргументации, новых доказательств необходимости и целесообразности применения (и продления) этой меры пресечения, то следователь или дознаватель должны иметь возможность обратиться за заключением специалиста к психологу, который может оценить риски нежелательного поведения лица.

Указанные выводы позволили внести ряд предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и сформулировать их в виде законопроекта[213].

Перспективы дальнейшей разработки темы видятся в более детальном рассмотрении вопросов компетенции следственных судей, использования при избрании и продлении меры пресечения судом заключения специалиста, а также требований, которые могут предъявляться к специалисту-психологу в уголовном процессе.

[213] Указанный проект оформлен в виде приложения А к нестоящей работе.

Список использованных источников и литературы

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосование 12 дек. 1993 г. : (с учетом поправок от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.05.2018).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : (ред. от 23 апр. 2019 г.) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.05.2019).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : (ред. от 1 апр. 2019 г.; с изм. и доп. от 17 апр. 2019 г.) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.04.2019).

4. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 : (ред. от 27 дек. 2018 г.; с изм. и доп. от 8 янв. 2019 г.) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 04.03.2019).

5. О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 02.08.2019 N 315-ФЗ // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 08.08.2019).

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : заключена в г. Риме от 4 нояб. 1950 г. : (с изм. от 13 мая 2004 г.) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 01.07.2018).

7. Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей [Электронный ресурс] : указание Генпрокуратуры Рос. Федерации от 9 нояб. 2011 г. № 392/49 // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125218/ (дата обращения: 04.02.2019).

8. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 : (ред. от 24 мая 2016 г.) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 04.05.2018).

9. В постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера должны быть изложены указанные в ст. 434 УПК РФ обстоятельства, подлежащие доказыванию [Электронный ресурс] : определение Верховного Суда РФ от 16 окт. 2002 г. по делу № 48-о02-172 // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=18088#03 (дата обращения: 04.05.2018).

10. Правовые позиции Европейского суда по правам человека, касающиеся применения пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской

Федерации. – М., 2013. – 78 с. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=8856 (дата обращения: 05. 04.2018).

11. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 22 марта 2018 г. № 12-П // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294013/ (дата обращения: 04.05.2018).

12. По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125218/ (дата обращения: 04.05.2018).

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гончарова Николая Степановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 5, 89, 93, 143, 154, 221, 247 и 378 Уголовно – процессуального кодекса РСФСР [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 дек. 2000 г. № 296-О // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31272/ (дата обращения: 01.12.2018).

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гурина Михаила Ануфриевича на нарушение его конституционных прав частями третьей и четвертой статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью

второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 сент. 2018 г. № 2140-О // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=556652#08933010199095879 (дата обращения: 01.12.2018).

15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Переверзева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 марта 2009 г. № 384-О-О // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=96876#09231944239149781 (дата обращения: 01.12.2018).

16. По жалобе муниципального образования «Родниковское сельское поселение» Троицкого муниципального района Челябинской области на нарушение конституционных прав и свобод отдельными положениями Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статьей 2 Закона Челябинской области «О некоторых вопросах правового регулирования организации местного самоуправления в Челябинской области» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 20 нояб. 2014 г. № 2741-О // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191050/ (дата обращения: 01.12.2018).

17. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочарова Олега Севастьяновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17, частью второй статьи 195, частью первой статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 75.1 Уголовно-

исполнительного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 июля 2017 г. № 1541-О // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=512752#04053141561298528 (дата обращения: 01.12.2018).

18. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильясова Имрана Спахиевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта «н» статьи 44, части первой статьи 59 и части четвертой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 48 УК РСФСР, статьи 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 июня 2007 г. № 592-О-О // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=41317#020704732218800426 (дата обращения: 01.12.2018).

19. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 12 июля 2005 г. № 330-О // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55927/ (дата обращения: 01.12.2018).

20. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс] : приказ Генпрокуратуры Рос. Федерации от 7 дек. 2007 г. № 195 // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90762/ (дата обращения: 01.07.2018).

21. Дело «Худоеров (Khudoyorov) против Российской Федерации» : (жалоба № 6847/02) : постановление Европейского суда по правам человека от 8 нояб. 2005 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. – 2006. – № 7–9. – С. 57–99.

22. Дело «Нахманович (Nakhmanovich) против Российской Федерации» : (жалоба № 55669/00) : постановление Европейского суда по правам человека от 2 марта 2006 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. – 2006. – № 6. – С. 55, 81–99.

23. Дело «Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации» : (жалоба № 54071/00) : постановление Европейского суда по правам человека от 7 апр. 2005 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. – 2006. – № 6. – С. 53–68.

24. Дело «Белевицкий (Belevitskiy) против Российской Федерации» : (жалоба № 72967/01) : постановление Европейского суда по правам человека от 1 марта 2007 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. – 2007. – № 8. – С. 69–91.

25. Дело «Корчуганова (Korchuganova) против Российской Федерации» : (жалоба № 75039/01) : постановление Европейского суда по правам человека от 8 июня 2006 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. – 2006. – № 11. – С. 73, 110–122.

26. Дело «Долгова (Dolgova) против Российской Федерации» : (жалоба № 11886/05) : постановление Европейского суда по правам человека от 2 марта 2006 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. – 2006. – № 8. – С. 5, 75–86.

27. Дело «Смирнова против России» : (жалобы № 46133/99 и 48183/99) [Электронный ресурс] : судебное постановление Страсбург 24 июля 2003 г. // Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2002. – URL: http://www.echr.ru/documents/doc/new/004.htm (дата обращения 10.11.2018).

28. Европейский Суд по правам человека. «Решения ЕСПЧ на русском языке» W. против Швейцарии [Электронный ресурс] : постановление Европейского Суда W. против Швейцарии (W. v. Switzerland) от 26 янв. 1993 г. :

(жалоба № 14379/88) : (извлечение) // Сайт Олега Анищика о подаче жалоб против России в Европейский Суд по правам человека. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2010 –2019. – URL: http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/w-protiv-shvejcarii-postanovlenie-evropejskogo-suda/ (дата обращения: 05.03.2018).

29. Дело «Панченко (Panchenko) против Российской Федерации» : (жалоба № 45100/98) [Электронный ресурс] : постановление Европейского суда по правам человека от 8 февр. 2005 г. // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс«. – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=29457#045252667054492357 (дата обращения: 10.11.2018).

30. Дело «Нелюбин (Nelyubin) против Российской Федерации» : (жалоба № 14502/04) [Электронный ресурс] : постановление Европейского суда по правам человека от 2 нояб. 2006 г. // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=36748#07889984208472813 (дата обращения: 10.11.2018).

31. Дело «Говорушко (Govorushko) против Российской Федерации» : (жалоба № 42940/06) [Электронный ресурс] : постановление Европейского суда по правам человека от 25 окт. 2007 г // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2019. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

32. Дело «Старокадомский (Starokadomskiy) против Российской Федерации» : (жалоба № 42239/02) : постановление Европейского суда по правам человека от 31 июля 2008 г. // Российская хроника Европейского суда: приложение к Бюл. Европейского суда по правам человека. Спец. вып. – 2009. – № 1. – С. 124–137.

33. Дело «Салманов (Salmanov) против Российской Федерации» : (жалоба № 3522/04) : постановление Европейского суда по правам человека от 31 июля

2008 г. // Российская хроника Европейского суда : приложение к Бюл. Европейского суда по правам человека. Спец. вып. – 2009. – № 2. – С. 132–144.

34. Медников Д. С. Европейский суд по правам человека: обзор Постановления Большой Палаты от 28 ноября 2017 года по делу Мерабишвили (Merabishvili) против Грузии : (жалоба № 72508/13) // Международное правосудие. – 2018. – № 1. – С. 20–37.

35. Европейский суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России : (сб. документов). – М. : [б. и.], 2004. – 152 с.

36. Belevitskiy v. Russia [Electronic resource] : Judgment of 1 March 2007 : App. № 72967/01 // HUDOS / European Court of Human Rights. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-79648 (access date: 10.11.2018).

37. Smirnova v. Russia [Electronic resource] : Judgment of 24 July 2003 : App. № 46133/99 and 48183/99 // HUDOS / European Court of Human Rights. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61262 (access date: 10.11.2018).

38. Salmanov v. Russia [Electronic resource] : Judgment of 31 July 2008 : App. № 3522/04 // HUDOS / European Court of Human Rights. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-87888 (access date: 10.11.2018).

39. Khudoyorov v. Russia [Electronic resource] : Judgment of 8 November 2005 : App. № 6847/02 // HUDOS / European Court of Human Rights. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70865 (access date: 10.11.2018).

40. Khudobin v. Russia [Electronic resource] : Judgment of 26 October 2006 : App. № 59696/00 // HUDOS / European Court of Human Rights. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-77692 (access date: 10.11.2018).

41. Dolgova v. Russia [Electronic resource] : Judgment of 2 March 2006 : App. № 11886/05 // HUDOS / European Court of Human Rights. – Electronic data. –

[S. l., s. a.]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72642 (access date: 10.11.2018).

42. Panchenko v. Russia [Электронный ресурс] : Judgment of 8 February 2005: App. № 45100/98 // HUDOS / European Court of Human Rights. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-68148 (access date: 10.11.2018).

43. Lebedev v. Russia [Electronic resource] : Judgment of 25 October 2007 : App. № 4493/04 // HUDOS / European Court of Human Rights. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82973 (access date: 10.11.2018).

44. Govorushko v. Russia [Electronic resource] : Judgment of 25 October 2007: App. № 42940/06 // HUDOS / European Court of Human Rights. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82995 (access date: 10.11.2018).

45. Korolev v. Russia [Electronic resource] : Judgment of 21 October 2010 : App. № 38112/04 // HUDOS / European Court of Human Rights. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101195 (access date: 10.11.2018).

46. Korchuganova v. Russia [Electronic resource] : Judgment of 8 June 2006 : App. № 75039/01 // HUDOS / European Court of Human Rights. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75706 (access date: 10.11.2018).

47. Nakhmanovich v. Russia [Electronic resource] : Judgment of 2 March 2006 : App. № 55669/00 // HUDOS / European Court of Human Rights. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72633 (access date: 10.11.2018).

48. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2013 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2009-2019. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=2508 (дата обращения: 05.03.2018).

49. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2014 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2009-2019. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=3139 (дата обращения: 05.03.2018).

50. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2015 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2009-2019. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=3823 (дата обращения: 16.08.2019).

51. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2016 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2009-2019. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=4144 (дата обращения: 16.08.2019).

52. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2017 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2009-2019. – URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYu_2017.pdf (дата обращения: 16.08.2019).

53. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2015 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2009-2019. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=3823 (дата обращения: 05.05.2016).

54. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год: «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской

Федерации. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2009-2019. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.08.2019).

55. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2015 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2009-2019. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=3823 (дата обращения: 05.05.2016).

56. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год: «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2009-2019. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476 (дата обращения: 10.07.2018).

57. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2018 года [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2009-2019. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.07.2018).

58. Бюллетень суда Еврейской автономной области за II полугодие 2009 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SODV;n=925#006374346497800709 (дата обращения: 01.07.2018).

59. Бюллетень суда Еврейской автономной области за II полугодие 2005 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SODV;n=418#08451242056807287 (дата обращения: 25.06.2019).

60. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей [Электронный ресурс] : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 18 янв. 2017 г. // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт

компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/ (дата обращения: 19.04.2017).

61. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017) : утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2017 г. // Бюл. Верх. Суда Рос. Федерации. – 2018. – № 11.

62. Обзор кассационной и надзорной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2009 года [Электронный ресурс] : (утв. президиумом Пермского краевого суда от 19 марта 2010 г.) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOPV;n=1101#09722733397071863 (дата обращения: 01.12.2018).

63. Обзор кассационной и надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за первое полугодие 2007 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=1416#06584815534324837 (дата обращения: 25.06.2019).

64. Обзор кассационной и надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 6 месяцев 2008 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=1764#05284412238431309 (дата обращения: 25.06.2019).

65. Обзор кассационной и надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2010 год [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.

consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=3438#009838141111928578 (дата обращения: 01.12.2018).

66. Обзор судебной практики по уголовным делам за июнь 2010 года [Электронный ресурс] // Информ. бюл. – 2010. – № 7. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

67. Обзор апелляционной и кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за шесть месяцев 2014 года [Электронный ресурс] : (утв. Президиумом Красноярского краевого суда от 22 июля 2014 г.) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=102658#08411750735096826 (дата обращения: 01.12.2018).

68. Обобщение апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2017 год [Электронный ресурс] : (утв. Президиумом Красноярского краевого суда) // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=238151#00047092499992498205 (дата обращения: 01.12.2018).

69. Обобщение судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (продлении срока содержания под стражей) по материалам, рассмотренным районными и городскими судами Рязанской области в 2008 году [Электронный ресурс] : обзор судебной практики Рязанского областного суда от 29 окт. 2009 г. // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOCN;n=14192#033966254264558504 (дата обращения: 01.12.2018).

70. Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в первом полугодии 2015 года

[Электронный ресурс] : справка Кемеровского областного суда от 24 авг. 2015 г. № 08-22/666 // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=135238#06381570835146488 (дата обращения: 01.12.2018).

71. Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в 2009 году [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=1248#019409538340395405 (дата обращения: 01.07.2018).

72. Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в 1 полугодии 2011 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=3463#013346934998211268 (дата обращения: 01.12.2018).

73. Кассационное определение Липецкого областного суда от 31 марта 2011 г. по делу № 22к-501/2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOCN;n=36058#003027310727333732 (дата обращения: 01.12.2018).

74. Обобщение практики рассмотрения судами Красноярского края ходатайств об избрании в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений меры пресечения в виде заключения под стражу [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-

2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=1972#05964427718763026 (дата обращения: 01.12.2018).

75. Обобщение судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (продлении срока содержания под стражей) по материалам, рассмотренным районными и городскими судами Рязанской области в 2008 году [Электронный ресурс] : обзор судебной практики Рязанского областного суда от 29 окт. 2009 г. // КонсультантПлюс – надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – М., 1997-2019. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOCN;n=14192#07807314578351834 (дата обращения: 01.07.2018).

76. Азаренок Н. В. Должен ли судья при решении вопроса об избрании меры пресечения проверять квалификацию преступления? / Н. В. Азаренок, А. А. Давлетов // Рос. судья. – 2017. – № 1. – С. 33–37.

77. Азаренок Н.В. Правило о допустимости применения запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и заключения под стражу только при невозможности избрания иной, более мягкой меры пресечения // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 69–71.

78. Азаренок Н. В. Пределы ознакомления защиты с материалами, представленными в суд для решения вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу / Н. В. Азаренок, А. А. Давлетов // Рос. следователь. – 2016. – № 15. – С. 8–12.

79. Азаров В. А. Отзыв официального оппонента на диссертацию Е. В. Носковой «Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» [Электронный ресурс] // Науч. вестн. Омской академии МВД России. – 2012. – № 3. – Электрон. версия печат. публ. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otzyv-ofitsialnogo-opponenta-na-dissertatsiyu-e-v-noskovoyproizvodstvo-po-rassmotreniyu-i-razresheniyu-sudom-zhalob-v-poryadke-stati-125 (дата обращения: 04.12.2018).

80. Алауханов Е. Криминология: учебник / Е. Алауханов. – Алматы, 2008. – 429 с.

81. Алексеев А. И. Криминология: курс лекций [Электронный ресурс] / А. И. Алексеев. – М. : Щит-М, 1999. – Лекция 12: Изучение личности преступника. – Электрон. версия печат. публ. – URL: https://lawbook.online/page/krimminolog/ist/ist-15--idz-ax237--nf-13.html (дата обращения: 06.03.2018).

82. Алексеев Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 252 с.

83. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 361 с.

84. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 710 с.

85. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1971. – 223 с.

86. Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О. И. Андреева. – Томск, 2007. – 24 с.

87. Арбитражный процесс: учебник / под ред. В. В. Яркова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфотропик Медиа, 2010. – 480 с.

88. Ахминова Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю. Ю. Ахминова. – СПб., 2017. – 187 с.

89. Багаутдинов Ф.Н. Актуальные вопросы избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Росс. юстиция. – 2017. – № 8. – С. 65–67.

90. Бажукова Ж. А. О неразрешенных вопросах досудебного производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера // Администратор суда. – 2017. – № 1. – С. 21–24.

91. Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А. С. Барабаш. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 257 с.

92. Барабаш А. С. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам // Законность. – 2011. – № 4. – С. 5–10.

93. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А. С. Барабаш. – Красноярск, 2006. – 414 с.

94. Барабаш А. С. Основной, вспомогательный и дополнительный процессы доказывания в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства / А. С. Барабаш. – М : Юрлитинформ, 2017. – 272 с.

95. Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя / А. С. Барабаш. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. аграр. ун-та, 1997. – 131 с.

96. Басков В. И. Деятельность прокурора в рассмотрении уголовных дел в порядке надзора / В. И. Басков. – М. : Юрид. лит., 1975. – 200 с.

97. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. – 9-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2010. – 688 с.

98. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: учебник / Б. Т. Безлепкин. – М. : Проспект : Велби, 2003. – 301 с.

99. Беляев В. П. Теоретические аспекты надзорно-процессуального производства // Журн. рос. права. – 2006. – № 1. – С.98–107.

100. Биленчук П. Д. Криминалистическое прогнозирование поведения обвиняемого на предварительном следствии : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / П. Д. Биленчук. – Киев, 1983. – 196 с.

101. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.; СПб. : Большая российская энциклопедия : Норинт, 1997. – 1456 с.

102. Валиуллин Р. Р. Ошибки правоприменителей при решении вопроса о содержании под стражей до вынесения приговора [Электронный ресурс] // За правовое государство : проект адвоката Валиуллина Рустема Рафаэлевича. –

Электрон. дан. – [Б. м., б. г.]. – URL: http://www.lawfulstate.ru/index.php/analytics/errors-of-lawyers-at-the-decision-of-a-question-on-holding-in-custody-before-adjudgment.html (дата обращения: 05.02.2018).

103. Вандышев В. В. Уголовный процесс: конспект лекций / В. В. Вандышев. – СПб. : Питер, 2002. – 528 с.

104. Васильев А. М. О правоприменении и процессуальном праве // Тр. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. Проблемы соотношения материального и процессуального права. – М., 1980. – С.8–10.

105. Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д. П. Великий. – М., 2001. – 211 с.

106. Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : нормативно-правовая природа и механизм функционирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С. И. Вершинина. – Тольятти, 2017. – 449 с.

107. Вершинина С. И. Залог в системе мер пресечения [Электронный ресурс] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. И. Вершинина. – Самара, 1998. – 177 с.

108. Вершинина С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журн. рос. права. 2017. – № 6. – С. 115–125.

109. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности / Н. В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : НОРМА, 2009. – 432 с.

110. Волошин В.М. К вопросу о сущности и свойствах международно-правового стандарта применения меры пресечения в виде заключения под стражу / В.М. Волошин, А.О. Зайцев // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. – 2017. – № 5. – С. 19– 2.

111. Галаган И. А. Теоретические проблемы административной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.711 / И. А. Галаган. – М., 1971. – 43 с.

112. Головинская И. В. Судебный контроль за применением мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу / И. В. Головинская, С. В. Гущин // Соврем. право. – 2018. – № 11. – С. 120–126.

113. Горский Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. – 303 с.

114. Горшенёв В. М. Контроль как правовая форма деятельности / В. М. Горшенёв, И. Б. Шахов. – М. : Юрид. лит., 1987. – 176 с.

115. Григорьева А. Е. Вопросы теории и практики избрания следователями органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Е. Григорьева. – Красноярск, 2008. – 194 с.

116. Гриненко А. В. Задержание и заключение под стражу должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными // Журн. рос. права. – 2005. – № 3. – С. 96–99.

117. Гриненко А. В. Обоснованность задержания и заключения под стражу по УПК РФ // Журн. рос. права. – 2003. – № 9. – С. 47–53.

118. Громов Н. А. Понятие процесса доказывания / Н. А. Громов, Е. Ю. Жога, И. В. Новиков // Право и политика. – 2005. – № 2. – С. 42–46.

119. Громов Н. А. Уголовный процесс России : учеб. пособие / Н. А. Громов. – М. : Юристъ, 1998. – 552 с.

120. Гусельникова Е. В. Заключение под стражу в системе мер пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. В. Гусельникова. – Томск, 2001. – 242 с.

121. Гуценко К. Ф. Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, А. В. Головко; ред. Б. А. Филимонов. – М. : Зерцало-М, 2002. – 528 с.

122. Давлетов А. А. Поворот в практике избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения? / А. А. Давлетов, Н. В. Азаренок // Рос. юстиция. – 2018. – № 9. – С. 58–60.

123. Давлетов А.А. Проблема исключительности применения меры пресечения к подозреваемому / А.А. Давлетов, О.Е. Политыко // Рос. юстиция. – 2018. – № 6. – С. 50–52.

124. Давлетов А. А. Проблемы процессуальной формы уголовного судопроизводства // Рос. юрид. журн. – 2012. – № 6. – С. 97–102.

125. Демидов И. Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы : материалы конф. – М.; Тюмень, 1995. – С. 24–25.

126. Диков Г. Право на освобождение обвиняемого под залог : (в свете практики ЕСПЧ) [Электронный ресурс] // Адвокатская практика. – 2009. – № 3. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

127. Добровольская Т. Н. Принципиальное единство уголовно-процессуальной формы – важная гарантия законности правосудия и прав личности / Т. Н. Добровольская, П. С. Элькинд // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе : межвуз. темат. сб. / под ред. Я. О. Мотовиловкера. – Ярославль, 1977. – Вып. 2. – С. 3–9.

128. Добровольский А. А. Исковая форма защиты права / А. А. Добровольский. – М. : Изд-во МГУ, 1965. – 190 с.

129. Доля Е. А. Соотношение гносеологической и правовой сторон доказывания в российском уголовном процессе // Государство и право. – 1994. – № 10. – С. 118–128.

130. Доля Е. А. Уголовно-процессуальная форма и содержание уголовно-процессуальной деятельности [Электронный ресурс] // Законность. – 2009. – № 10. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

131. Дудникова Г. В. Арбитражная процессуальная форма : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Г. В. Дудникова. – Саратов, 2005. – 202 с.

132. Дьячкова Ю. Е. Проблема научно-психологического прогноза в деятельности следователя // Следователь. – 2003. – № 4. – С. 44–45.

133. Дьячкова Ю. Е. Психологический прогноз поведения участников следственных действий при расследовании преступлений : дис. … канд. юрид. наук : 19.00.06 / Ю. Е. Дьячкова. – М., 2004. – 277 с.

134. Енаева Л. К. Уголовный процесс : учеб. пособие / Л. К. Енаева. – М. : Форум, 2007. – 320 с.

135. Ерохина О. С. Участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О. С. Ерохина. – М., 2014. – 22 с.

136. Есина А.С. Вопросы совершенствования мер пресечения в современном уголовном процессе России / А.С. Есина, О.Е. Жамкова, А.В. Борбат // Рос. следователь. – 2019. – № 1. – С. 23–25.

137. Жданов А. Законность или обоснованность ареста? // Рос. юстиция. – 1999. – № 1. – С. 48.

138. Железняк Н. С. Процессуальное положение прокурора в рамках предварительного следствия / Н. С. Железняк, О. Г. Иванова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2012. – № 2. – С. 84–88.

139. Зайков Д. Е. Криминология : учеб. минимум / Д. Е. Зайков. – М. : Юриспруденция, 2008. – 24 с.

140. Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. О. Зайцев. – М., 2017. – 38 с.

141. Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. О. Зайцев. – М., 2017. – 201 с.

142. Закалюк А. П. Опыт создания и применения методики прогноза индивидуального преступного поведения // Вопросы борьбы с преступностью / отв. ред. И. И. Карпец. – М., 1985. – Вып. 43. – С. 14–23.

143. Зипунникова Ю. К вопросу о пределах действия процессуальной формы [Электронный ресурс] // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 8. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

144. Зорин В. Толковый словарь «Евразийская мудрость от А до Я» / В. Зорин. – Алматы : СОЗДІК-СЛОВАРЬ, 2002. – 408 с.

145. Иванова О. Г. Анализ практики следственных и судебных органов Красноярского края в свете применения ст. 97 УПК РФ // Проблемы современной юридической науки и практики : сб. ст. студентов, аспирантов и молодых ученых : в 2 т. – Красноярск, 2011. – Т. 2. – С. 336 – 340.

146. Иванова О. Г. Есть ли усмотрение в уголовном процессе // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества: сб. докладов Междунар. научной конф. – Красноярск, 2011. – Т.2. – С. 339 – 341.

147. Иванова О. Г. Избрание меры пресечения российскими судами в свете практики Европейского суда по правам человека // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Ч. 55. – С. 28 – 32.

148. Иванова О. Г. Некоторые полномочия суда при избрании меры пресечения // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. – Томск, 2013. – Ч. 59. – С. 40–43.

149. Иванова О. Г. О производстве по избранию мер пресечения судом // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – Ч.51. – С. 87 – 91.

150. Иванова О. Г. Полномочия прокурора и суда при избрании меры пресечения в судебном порядке // Вестн. СПб. ун-та. Сер. 14, Право. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 209–216.

151. Иванова О. Г. Понятие и виды уголовно-процессуальных производств // Право и общество. – 2011. – № 7. – С. 30–37.

152. Иванова, О. Г. Проблемы совершенствования процессуального положения потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 199–206.

153. Иванова О. Г. Соблюдение адвокатской тайны [Электронный ресурс] // Адвокатская палата Красноярского края. – Электрон. дан. – Красноярск, 2012. – URL: https://www.krasadvpalata.ru/pyblikacii/54.html (дата обращения: 25.06.2019).

154. Иванова О.Г. Установление причастности лица к совершению преступления при избрании меры пресечения судом // Сиб. уголовно-процессуальные и криминалистические чтения.– 2012. – № 1. – С. 58-65.

155. Иванова О. Г. Цели и основания избрания мер пресечения // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Ч. 47. – С. 148 – 150.

156. Канафин Д. К. Понятие и дифференциация процессуальной формы уголовного судопроизводства / Д. К. Канафин. – Алматы, 1998. – 187 с.

157. Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н. И. Капинус. – М., 2001. – 547 с.

158. Катькало С. И. Судопроизводство по делам частного обвинения / С. И. Катькало, В. З. Лукашевич. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1972. – 208 с.

159. Качалова О.В. Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве / О. В. Качалова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 3. – С. 38-42.

160. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О. В. Качалова. – М., 2016. – 482 с.

161. Качалова О.В. Нужен ли российскому уголовному судопроизводству судебный следователь? // Расследование преступлений: проблемы и пути их

решения: сб. научно-практич. тр. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – Вып. 3. – С. 252–258.

162. Качалова О. В. Критерии определения ускоренных производств в российском уголовном процессе. // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXI междунар. научно-практич. конф: в 2 т. – Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. – Т.1. – С. 231–235.

163. Качалова О. В. Как определить обоснованность подозрения при заключении лица под стражу // Уголов. процесс. – 2017. – № 11 (155). – С. 64–67.

164. Качалова О. В. Обоснованность подозрения как условие заключения под стражу: позиции европейского суда по правам человека и российская практика // Рос. правосудие . – 2018. – № 3 (143). – С. 100–105.

165. Качалова О. В. Заключение под стражу: как преодолеть пропасть между теорией и практикой // Законность в Российской Федерации: проблемы обеспечения, тенденции, перспективы: сб. ст. участников Школы-семинара молодых ученых-юристов /под ред. А.Ю. Винокурова, К.А. Комогорцевой. – М., 2018. – С. 86–91.

166. Качалова О. В. Основания заключения под стражу в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Предварит. расследование. – 2017. – № 2 (2). – С. 29–33.

167. Качалова О. В. Современные подходы к применению мер пресечения в российском уголовном процессе // Предварит. расследование. – 2018. – № 2 (4). – С. 41– 47.

168. Качалова О. В. Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 3. – С. 38–42.

169. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года: Теоретическое и практическое руководство / А. Квачевский. – СПб. : Тип. Ф.С. Сущинского, 1870. – Вып. 2, ч. 3: О предварительном следствии. – 314 с.

170. Керимов Д. А. Категория цели в советском праве // Правоведение. – 1964. – № 3. – С.34–39.

171. Керимов Д. А. Методология права: (предмет; функции; проблемы философии права): монография / Д. А. Керимов. – М.: Аванта+, 2001. – 560 с.

172. Кесаева М. С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М. С. Кесаева. – Н. Новгород, 2017. – 34 с.

173. Кобликов А. С. Сущность и задачи уголовного процесса // Учебник уголовного процесса / А .С. Кобликов [и др.] ; под общ. ред. А. С. Кобликова. – М., 1995. – С.13.

174. Ковтун Н. Н. Эффективность оперативного судебного контроля / Н. Н. Ковтун, Е. Н. Суслова // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 3. – С. 7–15.

175. Козявин А. А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы как аксиологическое явление в современной социальной практике [Электронный ресурс] / А. А. Козявин Е. С. Цуканова // Рос. право в Интернете. Спецвыпуск. – 2010. – № 4. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://rpi.msal.ru/prints/201004_42Kozyavin.html (дата обращения: 19.09.2018).

176. Корнуков В. М. Проблемы объективации оснований применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве / В. М. Корнуков, С. И. Вершинина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 19–23.

177. Котляров И. В. Теоретические основы социального проектирования / И. В. Котляров; под ред. Е. М. Бабосова. – Минск : Наука и техника, 1989. – 188 с.

178. Крипиневич С.С. Подготовка к рассмотрению судьей ходатайства о применении меры пресечения в ходе досудебного производства // Мировой судья. – 2018. – № 9. – С. 27–35.

179. Крюков В. Ф. Курс лекций по прокурорскому надзору : учеб. пособие для юрид. вузов и факультетов / В. Ф. Крюков. – Курск : ГУ ИПП, 2000. – 464 с.

180. Крюков В. Ф. Прокурорский надзор : учебник для вузов / В. Ф. Крюков. – М. : Норма, 2006. – 784 с.

181. Ксендзов Ю. Ю. Задержание и заключение под стражу подозреваемого : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю. Ю. Ксендзов. – СПб., 2010. – 271 с.

182. Курбатов В. И. Социальное проектирование : учеб. пособие / В. И. Курбатов, О. В. Курбатова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2001. – 416 с.

183. Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. – М. : Юрид. лит., 1989. – 640 с.

184. Лазарева В.А. О цели доказывания в уголовном судопроизводстве // Юрид. аналит. журн. – 2005. – № 3–4. – С. 5–11.

185. Лазарева В.А. Истина как основание дифференциации процессуальной формы // Вектор науки Тольяттин. гос. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2018. – № 2 (33). – С. 31–35.

186. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб. / В.А. Лазарева. – М. : Юрайт, 2018. – 263 с.

187. Лебедев В. М. Судебная власть в современной России : проблемы становления и развития / В. М. Лебедев. – СПб. : Лань, 2001. – 384 с.

188. Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе / П. А. Лупинская. – СПб., 1906. – 703 с.

189. Малышева Ю.В. Обоснованность российской практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в контексте правовой позиции Европейского суда по правам человека // Рос. юстиция. – 2017. – № 8. – С. 67–70.

190. Манова Н.С. Возможно ли принятие судом решения о применении меры пресечения при отказе прокурора поддержать ходатайство следователя? // Рос. судья. – 2019. – № 5. – С. 18–23.

191. Манова Н.С. Роль прокурора при решении судом вопроса о применении мер пресечения / Н.С. Манова, К.А. Рыгалова // Законность. – 2017. – № 12. – С. 6–10.

192. Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н. С. Манова. – М., 2005. – 443 с.

193. Мельников В. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В. Ю. Мельников. – М., 2014. – 68 с.

194. Мельников В. Ю. Применение мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых // Рос. судья. – 2007. – № 7. – С. 64–68.

195. Мельников В. Ю. Судебный контроль в условиях состязательности уголовного процесса // Рос. судья. – 2010. – № 8. – С. 8–11.

196. Михайлов В. А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве / В. А. Михайлов. – М. : Академия МВД СССР, 1991. – 190 с.

197. Михайлов В. А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации / В. А. Михайлов. – М. : Центр информ. технологий ИЗП, 1997. – 643 с.

198. Михайлов В.А. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве российской федерации // Публ. и частное право. – 2014. – № 1 (21). – С. 91–114.

199. Михайлов В.А. Методологические основы мер пресечения / В.А. Михайлов. – М. : Акад. упр. МВД РФ, 1998. – 188 с.

200. Михайлов В.А. Меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Публ. и частное право. – 2010. – № 4 (8). – С. 28–62.

201. Михайлов В. А. Меры пресечения в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В. А. Михайлов. – М., 1996. – 47 с.

202. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская. – М. : Проспект, 2006. – 189 с.

203. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И. Б. Михайловская. – М. : Проспект, 2003. – 142 с.

204. Мищенко Е. В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е. В. Мищенко. – Оренбург, 2014. – 458 с.

205. Мищенко Е. В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е. В. Мищенко. – М., 2014. – 59 с.

206. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки при заключении под стражу // Рос. юстиция. – 2010. – № 4. – С. 39–43.

207. Недбайло П. Е. О юридических гарантиях правильного применения норм советского права // Советское государство и право. – 1957. – № 6. – С. 22.

208. Нигматулин И. Р. Средства обеспечения правомерного поведения подозреваемых и обвиняемых на предварительном следствии : автореф. дис. … канд. юрид. наук / И. Р. Нигматулин. – Ижевск, 2005. – 25 с.

209. Никитина В. В. Теоретико-методологические основы социально-экономического прогнозирования реформ [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 357. – Электрон. версия печат. публ. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-sotsialno-ekonomicheskogo-prognozirovaniya-reform (дата обращения: 01.07.2019).

210. Никитина Н. Тенденции развития процессуальной формы в уголовном судопроизводстве России // Право и жизнь. – 2010. – № 5. – С. 128–134.

211. Новейший философский словарь / сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. – Минск : Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.

212. Носкова Е. В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. В. Носкова. – Томск, 2011. – 23 с.

213. Носкова Е. В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. В. Носкова. – Томск, 2011. – 225 с.

214. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд. стереотип. – М. : Рус. яз., 1990. – 921 с.

215. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 57 000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.

216. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : науч.-практ. пособие / Ю. К. Орлов. – М. : Проспект, 2000. – 138 с.

217. Пертли Л. Ф. Мера пресечения в виде заключения под стражу по российскому и зарубежному законодательству // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. – 2015. – № 1. – С. 17–21.

218. Петров И. В. Концептуальные основы подозрения в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] // Вестн. Балтий. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 9. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-podozreniya-v-rossiyskom-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 03.07.2019).

219. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – М. : Наука, 1989. – 256 с.

220. Петрухин И. Л. Понятие, принципы и общие положения уголовного процесса и уголовно-процессуального права // Уголовный процесс: учебник / под ред. И. Л. Петрухина. – М., 2001. – С. 7.

221. Плоткина Ю. Б. Применение мер пресечения, избираемых по решению суда, в стадии предварительного расследования : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю. Б. Плоткина. – М., 2010. – 227 с.

222. Поволоцкий Л. И. Дела особого производства / Л. И. Поволоцкий, В. А. Лисковец, А. С. Соминский. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 115 с.

223. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие: в 2 ч. / В. А. Давыдов [и др.]; под ред. В. М. Лебедева. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – Ч. 1. – 231 с.

224. Прошляков А.Д. О недопустимости повторного участия судьи в производстве по уголовному делу / А. Д. Прошляков, Л. А. Александрова //

Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 6. – С. 105–113.

225. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории / В. Н. Протасов. – М. : Юрид. лит., 1991. – 143 с.

226. Протасов В. Н. Юридическая процедура / В. Н. Протасов. – М. : Юрид. лит., 1991. – 79 с.

227. Процессуальные нормы и процессуальные отношения в советском праве (в «непроцессуальных» отраслях) / под ред. И. А. Галагана. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 157 с.

228. Прутченкова Г. Н. Процессуальная форма и её значение для совершенствования правовой регламентации предварительного расследования : автореф. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Г. Н. Прутченкова. – М., 1992. – 20 с.

229. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М. : Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 672 с.

230. Россинский С. Б. Результаты «невербальных« следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу : монография / С. Б. Россинский. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 224 с.

231. Рудич В.В. О гарантиях прав участников процедуры избрания меры пресечения по уголовному делу // Уголовное право. – 2018. – № 3. – С. 114–117.

232. Рудич В.В. Об исследовании мировым судьей обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения по уголовному делу с обвинительным актом // Мировой судья. – 2018. – № 3. – С. 29–32.

233. Руновский А. В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Руновский. – М., 2012. – 26 с.

234. Рустамов Х. Ц. Уголовный процесс. Формы : учеб. пособие для вузов / Х. Ц. Рустамов. – М. : Закон и право : ЮНИТИ, 1998. – 304 с.

235. Рыжаков А. П. Анализ разъяснений практики применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста : комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29 окт. 2009 г. №

22 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ: информ. правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2019. – URL: http://base.garant.ru/5854299/#ixzz5sOmSkfXA (дата обращения: 01.07.2018).

236. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР / Н. Г. Салищева. – М. : Юрид. лит., 1964. – 108 с.

237. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Т. В. Сахнова. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 676 с.

238. Седельников П.В. Полномочия прокурора по обращению в суд с ходатайством о продлении срока избранной в отношении обвиняемого меры пресечения / П.В. Седельников, Е.Е. Коробкова, Р.А. Бескембиров // Законность. – 2019. – № 1. – С. 49–53.

239. Серёгина В. В. Социальное проектирование и конструирование как социально-философская теория и общественная практика [Электронный ресурс] / В. В. Серёгина, Л. Н. Шаповалова, М. Н. Середина // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. – 2016. – Т. 40. – С. 59–63. – URL: http://e-koncept.ru/2016/56901.htm (дата обращения: 03.04.2018).

240. Скабелин С. И. Совокупность данных, являющаяся достаточной для избрания меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Адвокат. – 2015. – № 11. – С. 38–43.

241. Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] // Международная Организация Содействия Правосудию. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2005-2018. – URL: http://www.iuaj.net/node/1723 (дата обращения: 05.03.2018).

242. Смирнов А. В. Уголовный процесс / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – М. : КНОРУС, 2008. – 704 с.

243. Сорокина В. В. Процессуальная форма юридической деятельности в современной России: Вопросы теории и практики : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. В. Сорокина. – Саратов, 2009. – 22 с.

244. Стародубова Г.В. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого: объективная основа и субъективная оценка // Рос. юстиция. – 2017. – № 12. – С. 62–64.

245. Стойко Н. Г. Доказывание при прекращении уголовных дел: вопросы реабилитации и освобождения от уголовной ответственности: учеб. пособие / Н. Г. Стойко, А.С. Барабаш.– Красноярск, 1996. – 48 с.

246. Стойко Н. Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела / Н. Г. Стойко. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. – 104 с.

247. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : монография / Н. Г. Стойко. – СПб. : Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та : Изд-во юрид. факультета СПбГУ, 2006. – 264 с.

248. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н. Г. Стойко. – СПб., 2009. – 374 с.

249. Стойко Н. Г. Принуждение в уголовном процессе и личностно-ориентированная модель его организации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 42–48.

250. Строгович М. С. Актуальные вопросы судебной этики // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. – М., 1985. – С. 10–13.

251. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович; отв. ред. Н.Н. Полянский. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 703 с.

252. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович : в 2 т. – М. : Наука, 1968. – Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. – 468 с.

253. Строгович М. С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Соц. законность. – 1974. – № 9. – С. 50 –52.

254. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности / М. С. Строгович. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 151 с.

255. Судницын А.Б. Значение данных о совершении преступления определенной степени тяжести при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Рос. следователь. – 2016. – № 1. – С. 21–25.

256. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации : науч.-практ. пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса РФ / под ред. В. М. Лебедев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2011. – 999 с.

257. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации : практ. пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / С. А. Ворожцов [и др.]; под общ. ред. А. И. Карпова. – М. : Юрайт, 2008. – 732 с.

258. Талынева З. З. Особенности уголовного производства по делам частного обвинения : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / З. З. Талынева. – Уфа, 2008. – 26 с.

259. Тарасенко Е.А. Полномочия органов предварительного следствия по отмене или изменению меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. – 2017. – № 11. – С. 53–55.

260. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2001. – 776 с.

261. Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенева. – Харьков : Изд-во при Харков. Гос. ун-та изд. объединения «ВИЩА ШКОЛА», 1983. – 180 с.

262. Титаев К. Д. Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда // Экон. социология. – 2014. – Т. 15, № 3. – С. 88–118.

263. Тришева А. Институт следственных судей – необходимое условие состязательности судопроизводства // Законность. – 2009. – № 7. – С. 3–9.

264. Трубникова Т. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения заключения под стражу в современном уголовном судопроизводстве // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Экономика, юридические науки. – 2003. – № 4. – С. 49–51.

265. Трубникова Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09. – Томск, 1997. – 264 с.

266. Трунова Л. К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л. К. Трунова. – М., 2002. – 419 с.

267. Тукиев А. С. Понятие и сущность уголовно-процессуальной формы // Вестн. Карагандин. юрид. ин-та Мин-ва внутренних дел Республики Казахстан. – 2004. – Вып. 2 (10). – С. 60–66.

268. Уголовно-процессуальное право : учебник для вузов по специальности «Юриспруденция» / под ред. П. А. Лупинской. – 2-е изд. – М. : Юристъ, 1997. – 590 с.

269. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2019. – 1008 с.

270. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под ред. П. А. Лупинской. – М. : Юристъ, 2005. – 815 с.

271. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. – М. : Юристъ, 2003. – 797 с.

272. Уголовный процесс : учебник для студентов юрид. вузов и фак. : (с источниками норматив. материалов, образцами процессуал. док., схемами и библиогр.) / под ред. К. Ф. Гуценко. – М. : Зерцало : ТЕИС, 1996. – 509 с.

273. Уголовный процесс : учебник для бакалавриата юрид. вузов / О. И. Андреева [и др.]. – Ростов н/Д. : Феникс, 2015. – 445 с.

274. Уланова Ю. Ю. Влияние постановлений Европейского суда по правам человека на судебную практику об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [Электронный ресурс] // Рос. судья. – 2010. – № 4. – С. 11–13. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

275. Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л. М. Фетищева. – Н. Новгород, 2016. – 33 с.

276. Философский энциклопедический словарь / [ред. -сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко]. – М. : ИНФРА-М , 1999. – 574 с.

277. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.

278. Философский энциклопедический словарь / редкол. С. С. Аверинцев [и др.]. – 2-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.

279. Францифорова С. Ю. Уголовно-процессуальная форма – гарантия обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 3. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

280. Хатуаева В. Упрощенное судопроизводство как способ дифференциации уголовно-процессуальной формы // Государство и право. – 2007. – № 4. – С. 40–46.

281. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О. В. Химичева. – М., 2004. – 46 с.

282. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / О. В. Химичева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2004. – 232 с.

283. Химичева О.В., Плотников Ю.Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда: моногр. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 287 с.

284. Цоколова О. И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Рос. следователь. – 2005. – № 5. – С. 8–12.

285. Цоколова О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О. И. Цоколова. – М., 2007. – 60 с.

286. Цыганенко С. С. Проблемы процессуальных производств и их типов в новом УПК // Правоведение. – 2002. – № 4 (243). – С. 13–21.

287. Цыганенко С. С. Производства по уголовным делам в российском уголовном процессе / С. С. Цыганенко. – Ростов н/Д. : Проф-Пресс, 2003. – 448 с.

288. Чельцов М. А. Уголовный процесс / М. А. Чельцов. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 624 с.

289. Червоткин А. С. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ о применении заключения под стражу, домашнего ареста и залога // Уголовный процесс. – 2014. – № 2. – С. 10–19.

290. Черемисина Т.В. Взаимодействие следователя и суда при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Рос. следователь. – 2018. – № 2. – С. 29–32.

291. Чувилев А. А. Заключение под стражу в качестве меры пресечения : лекция / А. А. Чувилев. – М. : МВШМ, 1989. – 48 с.

292. Шаргородский М. Д. Прогноз и правовая наука // Правоведение. – 1971. – № 1. – С.40–50.

293. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования : моногр. / С. А. Шейфер. – М. : НОРМА, 2009. – 125 с.

294. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства / В. Н. Шпилев. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1974. – 173 с.

295. Эшби У. Р. Введение в кибернетику / У. Р. Эшби; под ред. В. А. Успенского. – М. : Изд-во иностр. лит., 1959. – 432 с.

296. Южанин В. Е. Оптимизация процесса изучения личности осужденного, применение принудительных и воспитательных мер в ИТУ // Педагогическое наследие А.С. Макаренко и проблемы исправления и перевоспитания осужденных : материалы науч.-практ. конф. – Рязань, 1988. – С. 134–162.

297. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под ред. В. М. Горшенева [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1976. – 280 с.

298. Якимович Ю. К. Дифференциация уголовного процесса / Ю. К. Якимович, А. В. Ленский, Т. В. Трубникова; под ред. М. К. Свиридова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 300 с.

299. Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства / Ю. К. Якимович. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. – 168 с.

300. Якимович Ю. К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России / Ю. К. Якимович. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. – 104 с.

301. Якимович Ю. К. Уголовно-процессуальные производства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ю. К. Якимович. – М., 1992. – 369 с.

302. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М. Л. Якуб. – М. : Юрид. лит., 1981. – 144 с.

303. Якупов Р. Х. Уголовный процесс : учебник для вузов / Р. Х. Якупов; под ред. В. Н. Галузо. – М. : Зерцало, 1998. – 448 с.

304. Ashworth A. Sentencing and Criminal Justice / A. Ashworth. – L.: Butterworths, 1995. – 393 p.

305. Bell W. Futuristics and social behavior // Images for the future: the twenty first century and beyond / eds.W. Bell., J. A. Mau. – Buffalo, 1976. – P. 6–44.

306. Fricke Ch. 5000 Criminal Definitions. Terms and Phrases / Ch. Fricke. – L. A., California : California University Press, 1968. – 159 p.

307. Goldschmidt J. Der Prozeß als Rechtslage / J. Goldschmidt. – B., 1925. – 602 S.

308. Griffiths J. Ideology in Criminal Procedure or Third «Model of the Criminal Practices» // Yale Law Journ. – 1970. – Vol. 79, № 3. – P. 359–417.

309. Jones Th. Options for the future. A comparative analisis of policyoriented forecasts / Th. Jones. – N.Y. : Praeger, 1980. – 348 p.

310. Perkins R. Criminal Law / R. Perkins. – 2 ed. – Mineola; N. Y., 1969. – 1115 p.

311. Polak F. L. Responsibility for the future // Images for the future: the twenty first century and beyond. – Buffalo, 1976. – P. 11.

312. Pradel J. Procédure pénale / J. Pradel. – 9 éd. – P., 1997. – 1088 p.

Приложение А

Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья 1

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 52, ст. 4921; 2002, N 22, ст. 2027; N 30, ст. 3015; 2003, N 27, ст. 2706, 2708; N 50, ст. 4847; 2005, N 23, ст. 2200; 2007, N 18, ст. 2118; N 24, ст. 2830, 2833; 2008, N 49, ст. 5724; N 52, ст. 6235; 2009, N 1, ст. 29; N 29, ст. 3613; N 52, ст. 6422; 2010, N 19, ст. 2284; N 30, ст. 3986; N 31, ст. 4164; N 49, ст. 6414; 2011, N 1, ст. 16, 45; N 15, ст. 2039; N 25, ст. 3533; N 45, ст. 6322, 6334; N 48, ст. 6730; N 50, ст. 7362; 2012, N 10, ст. 1162, 1166; N 24, ст. 3071; N 31, ст. 4330; N 53, ст. 7635; 2013, N 14, ст. 1662; N 26, ст. 3207; N 27, ст. 3478; N 30, ст. 4031, 4050, 4078; N 44, ст. 5641; N 51, ст. 6685; N 52, ст. 6947, 6997; 2014, N 6, ст. 556; N 11, ст. 1094; N 19, ст. 2335; N 26, ст. 3385; N 30, ст. 4278; 2015, N 1, ст. 71, 81, 83; N 6, ст. 885; N 10, ст. 1417; N 29, ст. 4354, 4391; 2016, N 26, ст. 3859; N 27, ст. 4257; N 28, ст. 4559; 2017, N 24, ст. 3484; N 31, ст. 4752, 4799; 2018, N 1, ст. 51; N 18, ст. 2584; N 27, ст. 3940; N 31, ст. 4817) следующие изменения:

1) Переименовать статью 97 «Основания для избрания меры пресечения» на «Цели избрания мер пресечения».

2) Часть 1 статьи 97 дополнить и изложить в следующей редакции

«1. Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;

2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;

3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

4) если оставление обвиняемого, подозреваемого на свободе может привести к общественным волнениям и/или нарушению общественного порядка.»

2) Переименовать статью 99 «Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения» на «Обстоятельства, подлежащие доказыванию при избрании меры пресечения».

3) Статью 99 дополнить и изложить в следующей редакции:
«1. При избрании меры пресечения подлежат установлению следующие обстоятельства:
указывающие на причастность лица к совершению преступления;
характеризующие личность обвиняемого или подозреваемого;
свидетельствующие о необходимости и целесообразности избрания конкретной меры пресечения.
2. Для решения вопроса о возможности применения меры пресечения к конкретному лицу, органы предварительного расследования должны представить суду достаточные сведения, в том числе указанные в статье 91 УПК РФ, дающие основания обоснованно подозревать конкретное лицо в причастности к совершению инкриминируемого ему деяния.
3. При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения и определения ее вида в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления должны учитываться также тяжесть и степень общественной опасности преступления, состояние здоровья, способствование раскрытию и расследованию преступления и другие обстоятельства.
4. Все обстоятельства, указанные в настоящей статье, должны подтверждаться доказательствами, полученными в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ».

4) Часть 1 статьи 109 изложить в следующей редакции:
«При избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения устанавливаемый судом срок содержания под стражей не может превышать 1 месяца».

5) Часть 2 статьи 109 изложить в следующей редакции:
«В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до 1 месяца и при наличии оснований для продления меры пресечения этот срок может быть продлен судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня в порядке, установленном частью третьей статьи 108 настоящего Кодекса, на срок до 6 месяцев. Дальнейшее продление срока может быть осуществлено в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела и при наличии оснований для продления этой меры пресечения судьей того же суда по ходатайству следователя, внесенному с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту Российской Федерации, иного приравненного к нему руководителя следственного органа либо по ходатайству дознавателя в случаях, предусмотренных частью пятой статьи 223 настоящего Кодекса, с

согласия прокурора субъекта Российской Федерации или приравненного к нему военного прокурора, до 12 месяцев».

6) Часть 7.1. статьи 108 изложить в следующей редакции:
«При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе, с учетом исследованных в судебном заседании обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий или домашнего ареста».

7) Дополнить статью 108 частью 7.2. в следующей редакции:
«При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу по мотиву недостаточной обоснованности причастности лица к совершению инкриминируемого ему преступления, следователь или дознаватель не вправе избрать обвиняемому или подозреваемому иную меру пресечения».

8) Дополнить Уголовно-процессуальный кодекс статьей 108.1 «Отказ от поддержания ходатайства об избрании или продлении меры пресечения» в следующей редакции:
1. отказ прокурора от поддержания заявленного следователем ходатайства в судебном заседании не прекращает производство по рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения; в указанном случае судебное разбирательство откладывается с вызовом в суд следователя для предоставления ему права поддержать в судебном разбирательстве заявленное ходатайство;
2. отказ следователя от поддержания заявленного им ходатайства обязателен для суда, в случае, если прокурор также откажется поддерживать рассматриваемое ходатайство;
3. дознаватель не вправе отказаться от поддержания заявленного им ходатайства без согласия прокурора;
4. отказ прокурора от поддержания заявленного дознавателем ходатайства обязателен для суда;
5. отказ прокурора от поддержания ходатайства об избрании или продлении меры пресечения может быть заявлен только после исследования материалов, представленных в судебное заседание.

Статья 2

1. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня официального опубликования настоящего Федерального закона.

Приложение Б

Анкета для опроса лиц, работающих в системе правоохранительных органов

АНКЕТА

В рамках проведения научного исследования обращаемся к Вам с просьбой дать ответы на сформулированные ниже вопросы. Результаты Ваших ответов будут использованы только в научных целях. Анкета анонимная.

1) Вы:

а) следователь (дознаватель);
б) прокурор (зам. прокурора, пом. прокурора);
в) адвокат;
г) судья.

2) Срок работы в этом качестве:

а) менее 3 лет;
б) от 3 до 6;
в) от 6 до 10;
г) свыше 10.

3) Какие меры пресечения, судя по Вашему опыту, избираются наиболее часто и наиболее редко? (укажите не более 3 мер пресечения, перечислив цифры)

Часто _____
Редко _____

1) подписка о невыезде;
2) личное поручительство;
3) наблюдение командования воинской части;
4) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
5) залог;
6) домашний арест;
7) заключение под стражу.

4) Укажите причины, по которым выбранные Вами в вопросе №3 меры пресечения не применяются (редко применяются) на практике.
(Возможно несколько вариантов ответов)

а) нет механизма контроля за обвиняемым (подозреваемым)
б) нет практики (опыта) применения некоторых мер
в) несовершенство законодательства
г) Иное _____
_____

5) Есть ли такие меры пресечения, которые Вы не избирали ни разу (имея на то полномочия)? Если да, то укажите какие.

1) подписка о невыезде - Да Нет
2) личное поручительство - Да Нет
3) наблюдение командования воинской части- Да Нет
4) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым - Да Нет

5) залог - Да Нет
6) домашний арест - Да Нет
7) заключение под стражу - Да Нет

6) На какие из ниже перечисленных обстоятельств Вы обязательно обращаете внимание при решении вопроса об избрании подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения?
(Возможно несколько вариантов ответов)

а) наличие/отсутствие постоянного места жительства;
б) наличие/отсутствие постоянного места работы;
в) возраст;
г) пол;
д) наличие/отсутствие судимости
е) тяжесть преступления, в котором подозревается (обвиняется) лицо
ж) особенности совершённого преступления (совершено группой лиц; с особым цинизмом; в отношении малолетнего и т.д.)
з) характеристики личности обвиняемого (подозреваемого)
и) наличие семьи, несовершеннолетних детей;
к) отношение лица к спиртным напиткам и наркотическим веществам
л) иное _____

7) Как Вам кажется, достаточно ли подробно УПК РФ регламентирует вопросы избрания мер пресечения?

а) Да, всё предельно понятно;
б) Нет, на практике возникают сложности;
в) Затрудняюсь ответить.

8) Всегда ли должен прокурор, принимая участие в судебном заседании по рассмотрению ходатайства об избрании обвиняемому (подозреваемому) залога, домашнего ареста или заключения под стражу, поддерживать ходатайство следователя (дознавателя)?

а) Да, должен всегда;
б) Нет, только по своему усмотрению.

9) Что лично Вам затрудняет решение вопроса об избрании меры пресечения?
(Возможно несколько вариантов ответов)

а) большая загруженность;
б) ограниченность процессуальных сроков; (некогда вникать в вопрос)
в) сложность с прогнозированием поведения обвиняемого (подозреваемого);
г) необходимость в наращивании статистических показателей;
д) ничего не затрудняет;
е) иное_____
_____

11) Чего Вам обычно не хватает при решении вопроса об избрании меры пресечения обвиняемому (подозреваемому)?

а) материалов дела, данных о личности;
б) знаний психологии;
в) опыта;
г) письменных рекомендаций для практических работников, которыми можно руководствоваться;
д) ничего из вышеперечисленного
е) иное _____

12) Если бы у Вас была такая возможность, обратились бы Вы к специалисту-психологу (для получения консультации, заключения о личности обвиняемого) при решении вопроса о выборе меры пресечения?

а) да, в каждом случае;

б) возможно, иногда в сложных (спорных) случаях;

в) нет, в этом нет необходимости.

13) Чем Вы руководствуетесь при выборе <u>конкретной</u> меры пресечения обвиняемому (подозреваемому)?

а) сложившейся правоприменительной практикой;

б) личным опытом, интуицией;

в) удобством дальнейшей работы по делу для следователя (дознавателя), суда;

г) тяжестью преступления (возможным наказанием)

д) данными о личности обвиняемого (подозреваемого);

е) иное _____

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!

14) Есть ли необходимость прогнозировать поведение обвиняемого (подозреваемого) по уголовному делу при избрании ему меры пресечения?

а) да, это важно, я стараюсь прогнозировать будущее поведение обвиняемого (подозреваемого)

б) нет, в этом нет необходимости, я не делаю таких прогнозов

Если Вы ответили отрицательно, пропустите вопрос 15

15) На основе чего Вы составляете прогноз поведения обвиняемого (подозреваемого)? (расставьте все пункты по мере убывания важности)

а) материалов уголовного дела;

б) непосредственного контакта с лицом;

в) устных показаний участников процесса;

г) прошлый опыт работы; сложившаяся практика;

д) интуиция;

Приложение В

Обобщение результатов анкетирования

Таблица В.1 – Обобщение результатов анкетирования (всего опрошено 127 человек)

Вопрос и варианты ответов:	Адвокаты		Прокуроры (зам. Прокуроров, помощники прокуроров)		Судьи		Следователи (дознаватели)	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Всего участвовали	24	100%	25	100%	29	100%	49	100%
Срок работы в этом качестве: а) менее 3х лет б) от 3 доб лет в) от 6 до 10 лет г) свыше 10 лет	а) 2 б)4 в)8 г)10	а) 8,3 % б)16,6% в)33,3% г) 41,6%	а)10 в)5 г)10	а)40% в)20% г)40%	а)10 б)5 в)9 г)5	а)34,5% б)17,2% в)31,1% г)17,2%	а)13 б)19 в)7 г)10	а) 26,5% б)38,7% в)14,3% г)20,5%
Какие меры пресечения, судя по Вашему опыту, избираются наиболее часто и редко: а) подписка о невыезде б)личное поручительство в)наблюдение командования воинской части г)присмотр за несовершеннолетним обвиняемым д)залог е) домашний арест ж)заключение под стражу	Часто: а) 24 ж)24 г)2 Редко: б) 18 в)12 г)16 д)14 е)14	Часто а) 100% ж)100% г)8,3% Редко: б)75% в)50% г)66% д)58,3% е)58,3%	Часто: а)23 б)3 в)3 г)5 д)8 е)3 ж)20 Редко: а)3 б)15 в)10 г)13 д)13 е)15 ж)3	Часто: а)92% б)12% в)12% г)20% д)32% е)12% ж)80% Редко: а) 12% б)60% в)40% г)52% д)52% е)60% ж)12%	Часто: а)27 в)2 г)2 д)2 е)2 ж)22 Редко: б)12 в)7 г)9 д)15 е)17 ж)5	Часто: а)93,1% в)6,9% г)6,9% д)6,9% е)6,9% ж)75,9% Редко: б)41,3% в)24,1% г)31,0% д)51,7% е)58,6% ж) 17,2%	Часто: а)38 г)1 е)4 ж)40 Редко: а)4 б)26 в)16 г)19 д)19 е)20 ж)8	Часто: а)77,6% г)2,0% е)8,1% ж)81,6% Редко: а)8,1 б)53,0% в)32,7% г)38,8% д)38,8% е)40,8% ж)16,3%

Продолжение таблицы В.1

Вопрос и варианты ответов:	Адвокаты		Прокуроры (зам. Прокуроров, помощники прокуроров)		Судьи		Следователи (дознаватели)	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Всего участвовали	24	100%	25	100%	29	100%	49	100%
Укажите причины, по которым, указанные в предыдущем вопросе, меры пресечения не применяются(применяются редко): а)нет механизма контроля за обвиняемым(подозреваемым) б)нет практики применения в)несовершенство законодательства г) иное(предлагали самостоятельно): г.1)Следователю удобнее работать с обвиняемый, когда он под стражей г.2)материальное положение обвиняемого при залоге	а)14 б)22 в)2 г) 2	а)58,3% б)91,6% в)8,3% г.1)8,3%	а)18 б)15 в)5	а)72% б)60% в)20%	Всего на вопрос ответило 27 человек а)15 б)12 в)10 г.2)2	Всего на вопрос ответило 27 человек: а)55,5% б)44,4% в)37,0% г.2)7,4%	а)25 б)35 в)10	а)51,0% б)71,4% в)20,4%
Если меры пресечения, которые вы не применяли ни разу(имея на то полномочия): а) подписка о невыезде б)личное поручительство в)наблюдение командования воинской части г)присмотр за несовершеннолетним обвиняемым д)залог е) домашний арест ж)заключение под стражу	Всего на вопрос ответило 20 человек: б) 12 в)8 г)18 д)2 е)20	Всего на вопрос ответило 20 человек: б)60% в)40% г)90% д)10% е)100%	а)8 б)15 в)10 г)15 д)13 е)13 ж)8	а)32% б)60% в)40% г)60% д)52% е)52% ж)32%	Всего на вопрос ответило 27 человек б)20 в)19 г)15 д)9 е)17	Всего на вопрос ответило 27 человек: б) 74,1% в)70,4% г)55,6% д)33,3% е)63,0%	Всего на вопрос ответило 48 человека: б)40 в)38 г)40 д)36 е)40 ж)3	Всего на вопрос ответило 48 человека: б)83,3% в)79,1% г)83,3% д)75,0% е)83,3% ж)6,3%

Продолжение таблицы В.1

Вопрос и варианты ответов:	Адвокаты		Прокуроры (зам. Прокуроров, помощники прокуроров)		Судьи		Следователи (дознаватели)	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	
Всего участвовали	24	100%	25	100%	29	100%	49	100%
На какие обстоятельства вы обращаете внимание при решении вопроса об избрании меры пресечения: а) наличие/отсутствие постоянного места жительства б)наличие/отсутствие постоянного места работы в)возраст г)пол д)наличие/отсутствие судимости е) тяжесть преступления, в котором обвиняется(подозревается лицо) ж) особенности совершенного преступления(группой лиц, в отношении несовершеннолетнего и т.д.)	Всего на вопрос ответило 22 человек: а)16 б)18 в)18 г)4 д)20 е)16 ж)8 з)14 и)14 к)12 л. 1)4 л.2)2	Всего на вопрос ответило 22 человек: а)72,7% б)81,8% в)81,8% г)18,15% д)90,9% е)72,7% ж)36,3% з)63,6% и)63,6% к)54,5% л. 1)18,1% л.2)9,1%	а)23 б)20 в)10 г)5 д)23 е)25 ж)20 з)23 и)18 к)15	а)92% б)80% в)40% г)20% д)92% е)100% ж)80% з)92% и)72% к)60%	а)26 б)14 в)15 г)10 д)17 е)29 ж)17 з)17 и)20 к)12 л.3)2 л.4)2	а)89,7% б)48,2% в)51,7% г)34,5% д)58,6% е)100% ж)58,6% з)58,6% и)69,0% к)41,3% л.3)6,9% л.4)6,9%	а)39 б)24 в)10 г)2 д)32 е)44 ж)25 з)31 и)21 к)9	а)79,6% б)49,0% в)20,4% г)4,1% д)65,3% е)89,8% ж)51,0% з)63,3% и)42,9% к)18,4%

Продолжение таблицы В.1

Вопрос и варианты ответов:	Адвокаты			Прокуроры (зам. Прокуроров, помощники прокуроров)			Судьи	
	Кол-во человек	%		Кол-во человек	%		Кол-во человек	%
Всего участвовали	24	100%	25	100%	29	100%	49	100%
з) характеристики личности подозреваемого(обвиняемого) и) наличие семьи, несовершеннолетних детей к) отношения лица к спиртным напиткам и наркотическим веществам л) иное: л.1)возмещение причиненного вреда л.2) обстоятельства статьи 97 УПК РФ л.3) наличие сведений о том, что обвиняемый угрожает, либо может угрожать свидетелям. л.4) поведение на следствии								
Как вам кажется, в УПК достаточно подробно регламентированы вопросы избрания мер пресечения: а)да, все предельно понятно б)нет, на практике возникают сложности в)затрудняюсь ответить	а) 2 б) 22	а)8,4% б)91,6%	а)18 б)7	а)72% б)28%	а)10 б)14 в)5	а) 34,5% б)48,3% в)17,2%	а)24 б)25	а)49,0% б)51,0%

Продолжение таблицы В.1

Вопрос и варианты ответов:	Адвокаты			Прокуроры (зам. Прокуроров, помощники прокуроров)			Судьи	
	Кол-во человек	%		Кол-во человек	%		Кол-во человек	
Всего участвовали	24	100%	25	100%	29	100%	49	100%
Всегда ли должен прокурор, принимая участие в судебном заседании по рассмотрению ходатайства об избрании обвиняемому(подозреваемому) залога, домашнего ареста или заключения под стражу, поддерживать ходатайство следователя(дознавателя): а) да, всегда должен б) нет, только по своему усмотрению	б)24	б)100%	а)13 б)12	а)52% б)48%	а) 10 б)19	а)34,4% б)65,6%	а)25 б)24	а)51,0% б)49,0%
Что лично Вам затрудняет решение вопроса об избрании меры пресечения: а) большая загруженность б) ограниченность процессуальных сроков(некогда вникать в вопрос) в) сложность с прогнозированием поведения обвиняемого г) необходимость в наращивании статистических показатель д) ничего не затрудняет е) иное: е.1) практически невозможно повлиять на выбор меры пресечения, в связи с обвинительным уклоном правоохранительной системы и судов е.2) качество представляемых материалов	Всего на вопрос ответило 22 человек: а)4 б)2 в)12 д)6 е.1)2	Всего на вопрос ответило 22 человек: а)18,1% б)9,19% в)54,5% д)27,2% е.1)9,1%	а)5 б)5 в)5 д)15	а)20% б)20% в)20% д)60%	а)3 б)5 в)7 д)19 е.2)2	а)10,3% б)17,2% в)24,1% д)65,5% е.2)6,9%	а)3 б)13 в)8 г)2 д)32	а)6,1% б)26,5% в)16,3% г)4,0% д)65,3%

Продолжение таблицы В.1

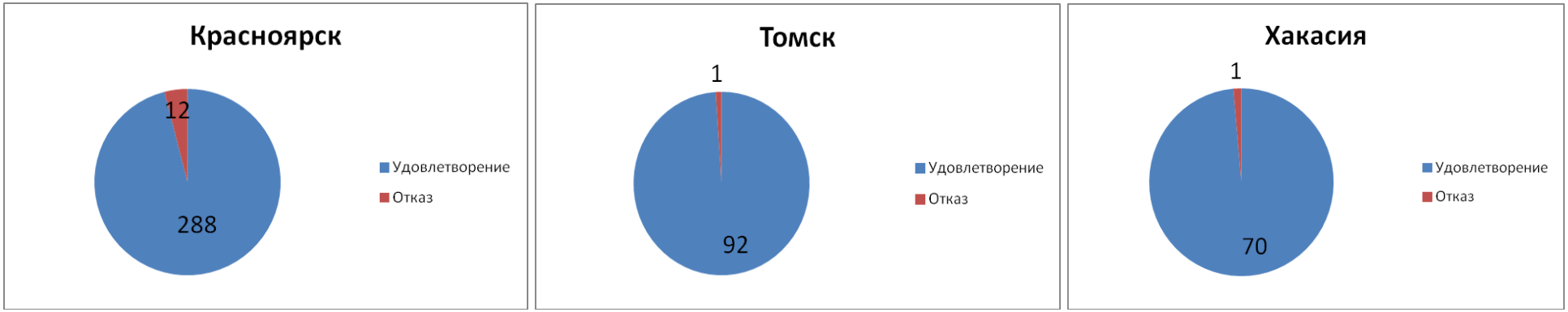
Вопрос и варианты ответов:	Адвокаты			Прокуроры (зам. Прокуроров, помощники прокуроров)			Судьи	
	Кол-во человек	%		Кол-во человек	%		Кол-во человек	
Всего участвовали	24	100%	25	100%	29	100%	49	100%
Что вам обычно не хватает при решении вопроса об избрании меры пресечения: а) материалов дела, данных о личности б) знаний психологии в) опыта г) письменных рекомендаций для практических работников, которыми можно руководствоваться д) ничего из вышеперечисленного е) иное е.1) данных о заболеваниях, состоянии здоровья е.2) несобранность материалов для избрания меры пресечения е.3) отсутствие процессуальной независимости	Всего на вопрос ответило 22 человек: а) 18 г)2 д)4	Всего на вопрос ответило 22 человек: а) 81% г)9,1% д) 18,1%	а)8 в)5 д)13 е.1)3	а)32% в)20% д)52% е.1)12%	Всего на вопрос ответило 27 человек а)8 б)2 в)2 д)15	Всего на вопрос ответило 27 человек: а)29,6% б)7,4% в)7,4% д)55,6%	а)17 б)1 в)1 г)6 д)26 е.2)1 е.3)1	а)34,7% б)2,0% в)2,0% г)12,2% д)59,2% е.2)2,0% е.3) 2,0%
Если бы у Вас была такая возможность, обратились бы Вы к специалисту-психологу (для получения консультации, заключения о личности обвиняемого) при решении вопроса об избрании меры пресечения: а) да, в каждом случае б) возможно, иногда в сложных(спорных) случаях в) нет, в этом нет необходимости	а)8 б)14 в)2	а) 33,3% б)58,3% в)8,3%	а)3 б)12 в)10	а)12% б)48% в)40%	а)2 б)15 в)12	а)6,9% б)51,7% в)41,4%	б)22 в)27	б)44,9% в)55,1%

Окончание таблицы В.1

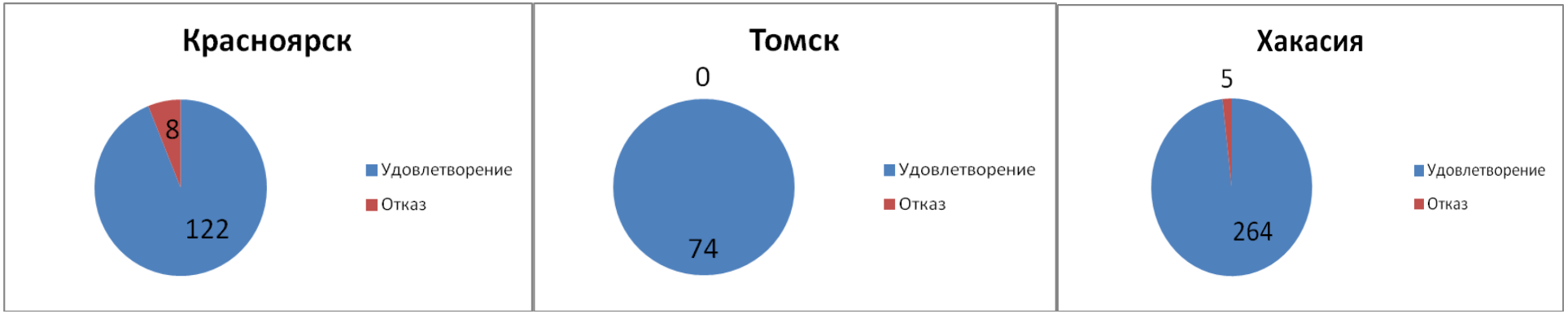
Вопрос и варианты ответов:	Адвокаты			Прокуроры (зам. Прокуроров, помощники прокуроров)			Судьи	
	Кол-во человек	%		Кол-во человек	%		Кол-во человек	
Всего участвовали	24	100%	25	100%	29	100%	49	100%
Чем вы руководствуетесь при избрании конкретной меры пресечения обвиняемому (подозреваемому)? а) сложившейся правоприменительной практикой б) личным опытом, интуицией в) удобством дальнейшей работы по делу для следователя (дознавателя), суда г) тяжестью преступления (возможным наказанием) д) данными о личности обвиняемого (подозреваемого) е) иное е.1) указания руководства е.2) в УПК перечислены основания для избрания меры пресечения	Всего на вопрос ответило 22 человек: а)10 б)2 в)2 г)6 д)16	Всего на вопрос ответило 22 человек: а) 45,4% б)9,09% в)9% г)27, 2% д) 72,7%	а)10 б)8 г)23 д)15	а)40% б)32% г)92% д)60%	а)10 б)7 в)3 г)14 д)12	а)34,5% б)24,1% в)10,3% г)48,3% д)41,4%	а)14 б)5 в)9 г)27 д)26 е.1)1 е.2)1	а)28,6% б)10,2% в)18,4% г)55,1% д)53,1% е.1)2,0% е.2)2,0%
Есть ли необходимость прогнозировать поведение обвиняемого (подозреваемого) по уголовному делу при избрании ему меры пресечения: а) да, это важно, я стараюсь прогнозировать будущее поведение обвиняемого (подозреваемого) б) нет, в этом нет необходимости, я не делаю таких прогнозов.	а)20 б)4	а)83,3% б)16,7%	а)10 б)15	а)40% б)60%	а)20 б)9	а)69,0% б)31,0%	а)34 б)15	а)69,4% б)30,6%

Приложение Г

Справка по изученным материалам практики



а



б

а – постановления суда об избрании (отказе в избрании) меры пресечения, *б* – постановления суда о продлении (отказе в продлении) меры пресечения

Рисунок Г.1 – Материалы рассмотренным судами города Томска (2016–2017 г.), города Красноярска (2016–2017 г.) и Республики Хакасия (2008–2009 г.)

Приложение Д

Анализ постановлений судов об избрании меры пресечения

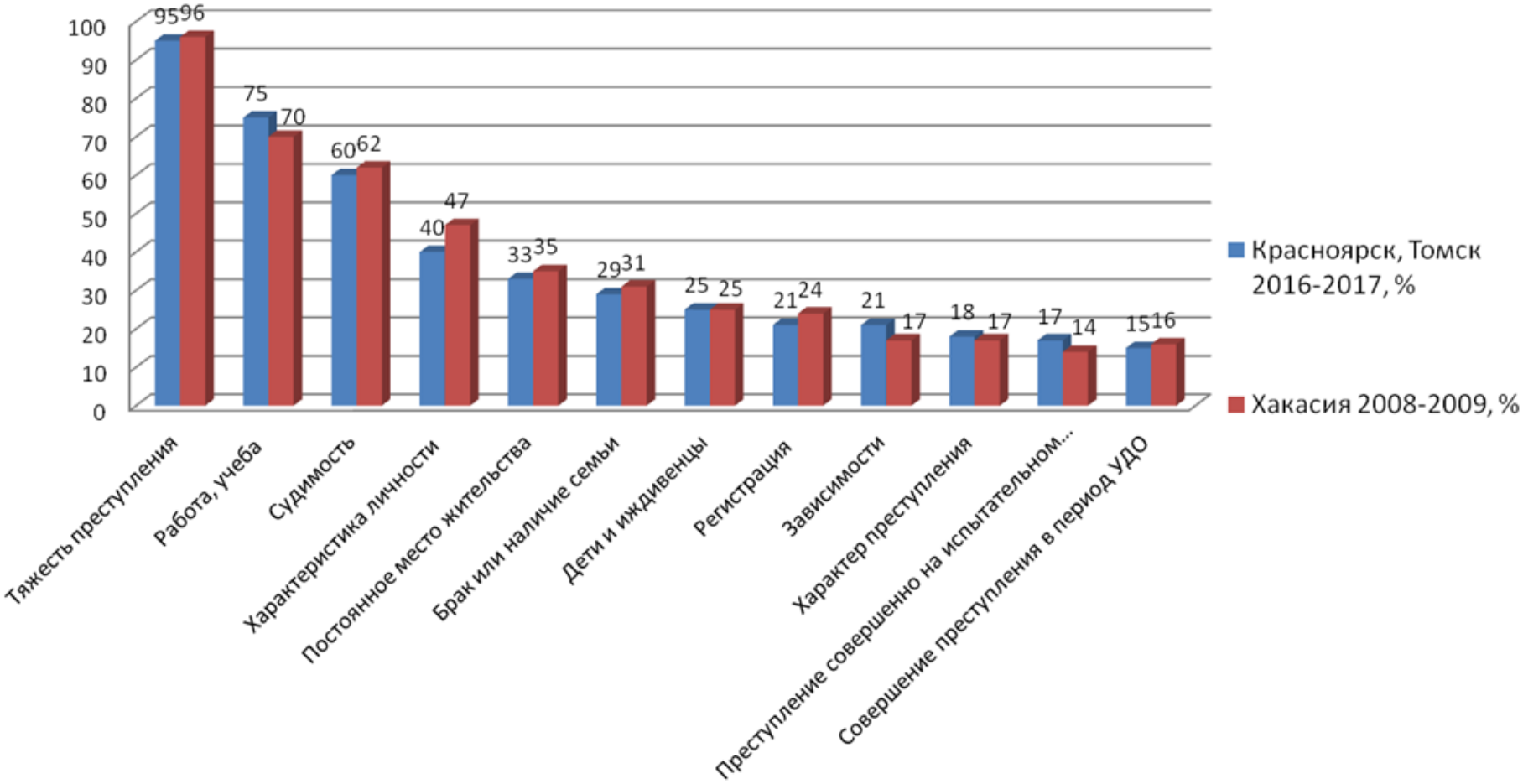


Рисунок Д.1 – Анализ постановлений судов об избрании меры пресечения (частота упоминания)

Приложение Е

Анализ ходатайств следователей об избрании меры пресечения

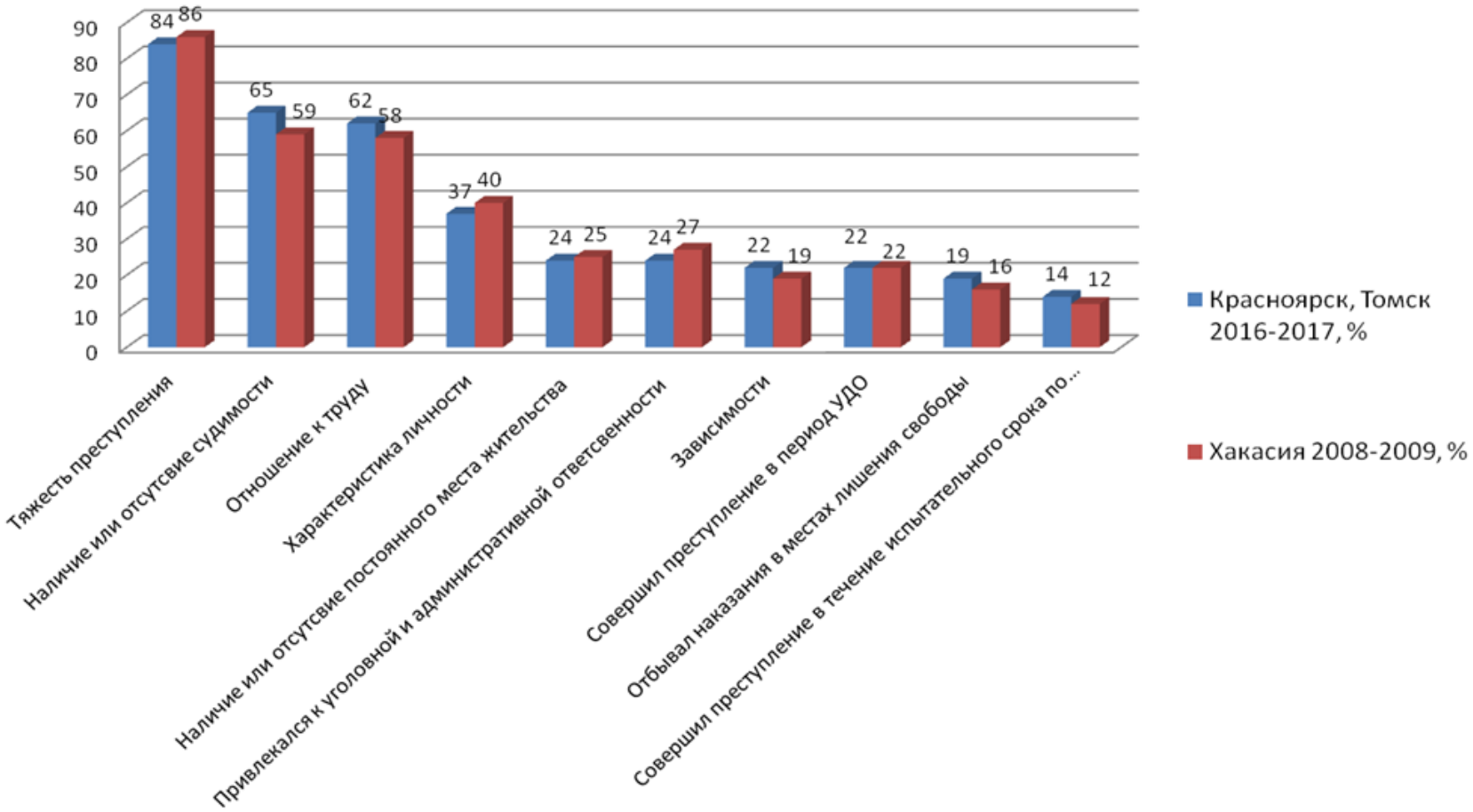


Рисунок Е.1 – Анализ ходатайств следователей об избрании меры пресечения (частота упоминания)

Приложение Ж

Статистика рассмотрения ходатайств об избрании мер пресечения судом по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2015–2018 годы

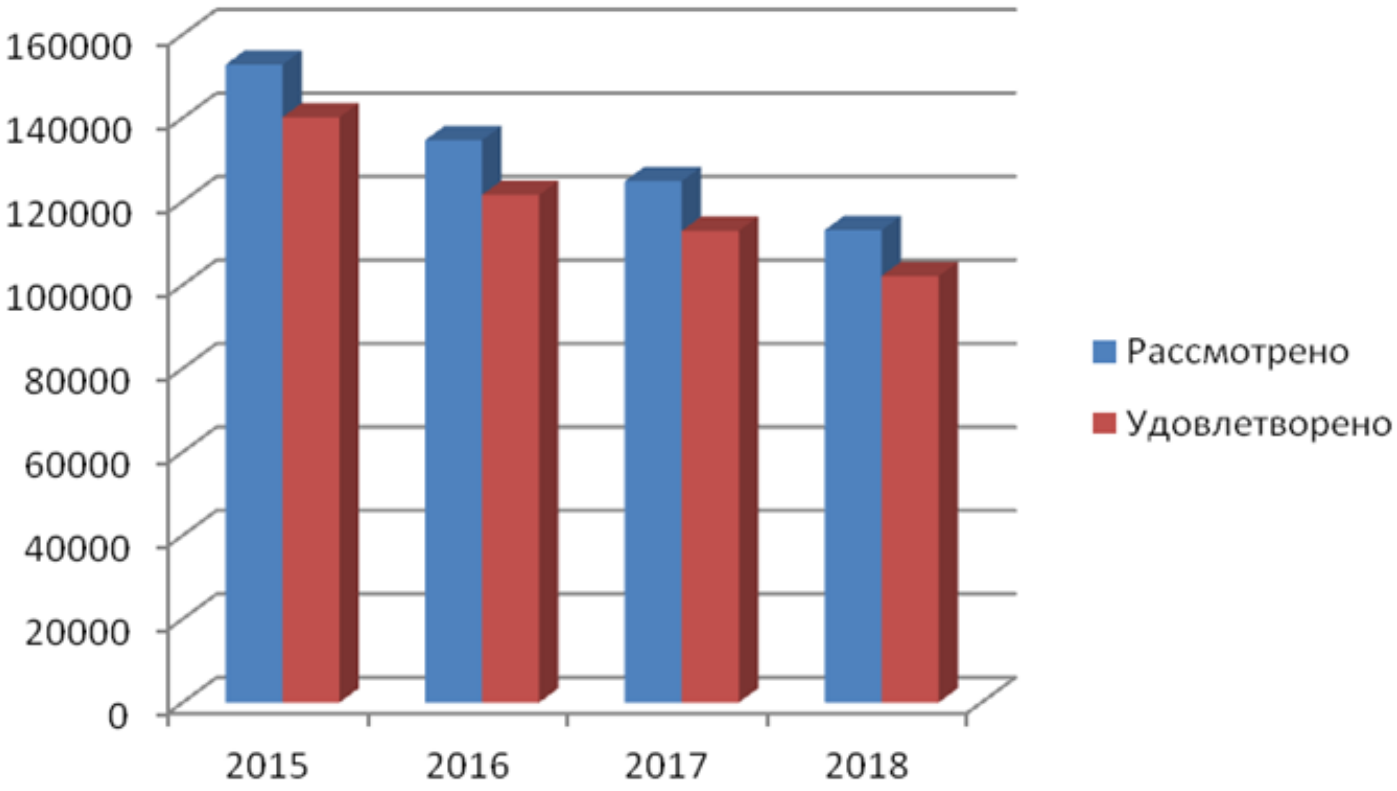


Рисунок Ж.1 – Рассмотрение ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

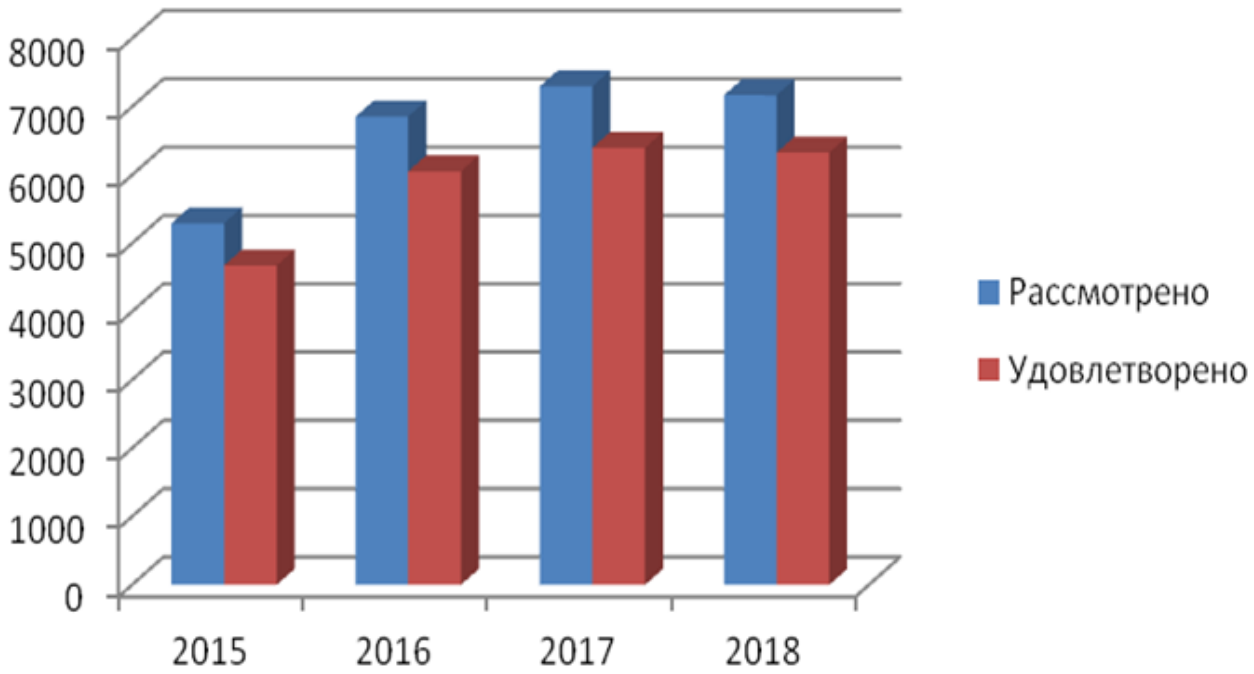


Рисунок Ж.2 – Рассмотрение ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста

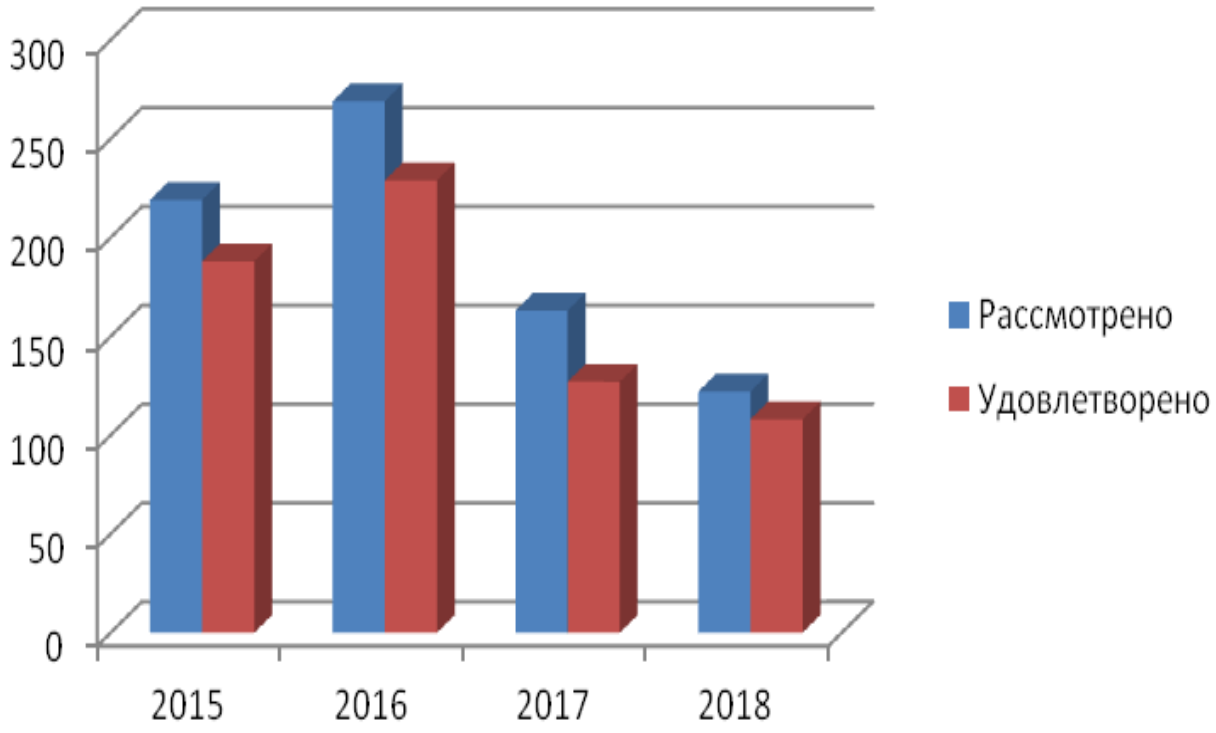


Рисунок Ж.3 – Рассмотрение ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога

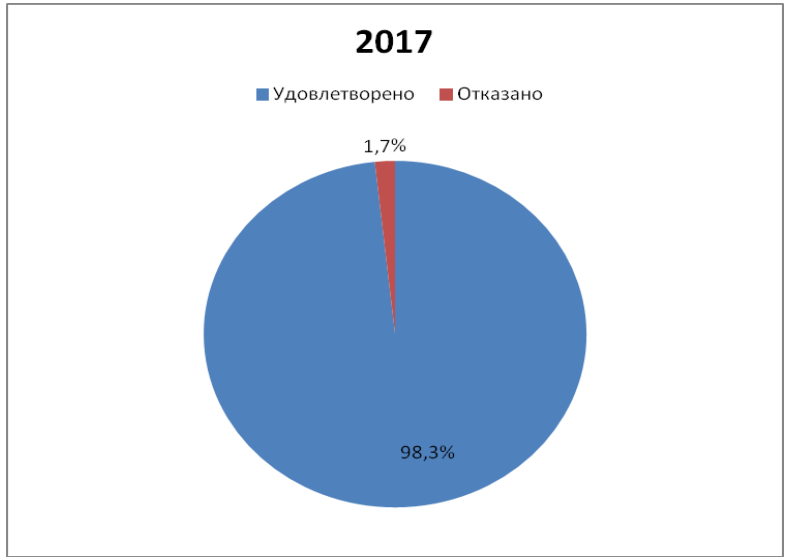
Приложение И

Статистика рассмотрения ходатайств о продлении заключения под стражей по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2015–2018 годы

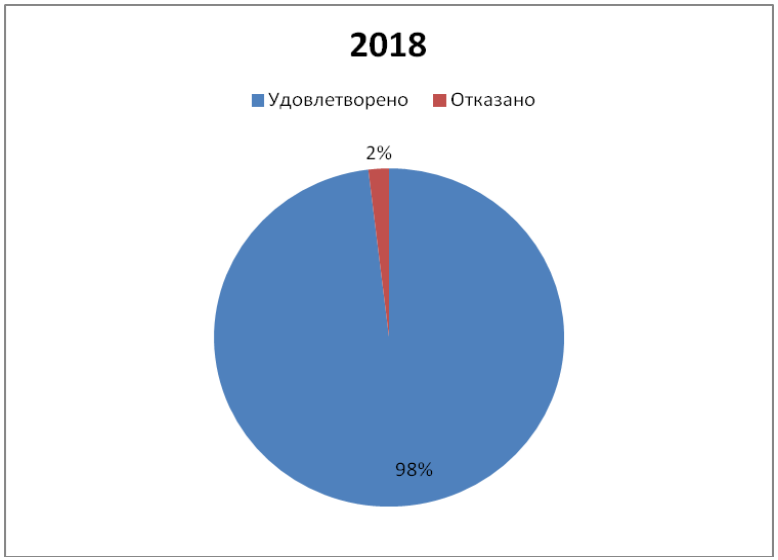
а)

б)

Рисунок И.1, *а, б* – Статистика рассмотрения ходатайств о продлении заключения под стражей по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2015–2016 гг.



в



г

Рисунок И.2 , *в, г* – Статистика рассмотрения ходатайств о продлении заключения под стражей по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2017–2018 гг.